

Виктор Гоман

ОДНО МЕСТО
НЕСКОЛЬКО ВЕРСИЙ
ТЫ ПОМНИШЬ
ПРАВИЛЬНО?

КВАНТ 1.0

$\Psi(x,t)$
РЕАЛЬНОСТЬ
НЕ ОДНА

СНТ
ПАНДЖШЕР

37-62 МК

СЕКТОР 3

ЗДЕСЬ
БЫЛО
ИНАЧЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Гоман

Квант 1.0

<https://litres.ru/74467714>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Панджшере прошлое больше не обязано быть единым. Люди помнят разные версии одних и тех же событий, документы меняются, фотографии спорят с памятью, а вещи словно принадлежат сразу нескольким историям. Учёные, военные и жители пытаются понять природу Кванта — территории, где привычные законы реальности дают сбой, но каждый новый ответ делает происходящее только опаснее.

Здесь можно умереть — и всё равно вернуться. Можно выйти наружу — и обнаружить, что мир больше не помнит тебя. Можно быть уверенным в собственной жизни и однажды увидеть доказательство того, что всё было иначе.

Пока Сапсанов пытается собрать противоречия в систему, Берёза держится за Алину как за единственное направление домой, Сил — за своих людей, а остальные учатся жить в мире, где даже память больше не гарантирует правду.

Научно-фантастический триллер о цене личности, памяти и выборе между прошлым и будущим.

Содержание

Староста	4
Двадцать три часа	38
Образец №17	70
Не ваше	100
Кротовуха	131
Ферма	163
Техническое задание	197
Шестнадцать	231
Белая линия	267
Конец ознакомительного фрагмента.	277

Виктор Гоман

Квант 1.0

Староста

Сил проснулся от того, что кто-то снаружи очень уверенно бил железом по железу.

Он полежал, прислушиваясь. Три удара. Пауза. Ещё два. Потом с улицы донеслось тихое, почти застенчивое:

— Ну ёб твою мать...

Сил открыл глаза.

— Зелень!

За стеной стало тихо.

— Я ничего.

— Я тебя знаю. Если ты «ничего», значит сейчас что-нибудь отвалится.

Он натянул штаны, нашёл один носок, второй не нашёл и вышел на улицу босой правой ногой.

Холод земли пробрал через ступню сразу, до колена. За ночь доски крыльца отсырели, между ними темнели тонкие полосы воды, а над огородами висел белёсый туман. Он не лежал ровным ковром: цеплялся за заборы, проваливался в низины, обтекал крыши. В стороне Лопасни было светлее, но солнце пока угадывалось только по молочной полосе неба.

Сил задержался на верхней ступеньке.

Каждое утро первые несколько секунд он проверял деревню почти бессознательно. Дым из трубы Мухи — есть. Генератор за сараем гудит ровно. У ворот две бочки. На проводе возле бывшего правления висят три старых фонаря. Собака Чифиря спит под лавкой. Не потому, что он вёл какие-то записи. Просто человек быстро привыкает считать привычное доказательством того, что ночь прошла нормально.

В обычной деревне такая привычка была бы стариковской причудой.

Здесь она успокаивала.

Дорога за воротами уходила между влажных берёз и терялась в сером лесу. За ним были Починки, Лопасня, Хатунь, просёлки к Торбеево и А-108. На карте всё выглядело просто. В жизни любой из этих ориентиров мог внезапно оказаться дальше, ближе или не там, где вчера. Сил давно перестал всматриваться в лес с ожиданием чуда. Чудеса утомляют, когда происходят достаточно часто. Его больше беспокоили бензин, вода, крыши и люди, которые забывали закрывать сарай.

Из-за мастерской снова раздался металлический удар.

Сил поморщился.

Вот это было по-настоящему страшно.

Если Зелень работал с железом до завтрака, день редко заканчивался спокойно.

Деревня новичков ещё только просыпалась. Над крышами

висел тонкий дым. Где-то лаяла собака, у колодца ругались из-за ведра, возле старого магазина Крот перекачивал бочку, на которой от руки было написано «НЕ ТРОГАТЬ», что в деревне традиционно означало обратное.

Зелень сидел перед открытым капотом серого Запорожца. Сила и держал в руках кусок металла, по размерам подозрительно похожий на деталь от чего-то военного.

Зелень всё-таки вытащил из кармана ещё одну деталь.

— Это что? — спросил Сил.

— Кронштейн.

— От чего?

— Не знаю.

— Тогда почему он у тебя?

— Подошёл по размеру.

— Куда подошёл?

Зелень показал под капот.

Сил закрыл глаза.

— Ты когда-нибудь начинаешь с вопроса «зачем»?

— Иногда.

— Когда?

— После того как не получается.

Серый Запорожец был собран из стольких разных машин, что вопрос о заводском происхождении давно потерял смысл. Левая дверь закрывалась после удара бедром. Крышка багажника держалась на верёвке. Один указатель поворота был от мотоцикла. Кирпич утверждал, что это не авто-

мобиль, а коллективное преступление против машиностроения.

Сил любил его именно за это.

— Машина — она как деревня, — сказал он.

Зелень насторожился.

— Сейчас будет мудрость?

— Нет. Если все детали чужие, это ещё не значит, что она не твоя.

— Это была мудрость.

— Да блять.

Из дома вышла Муха с эмалированной кружкой.

— Вы опять чините?

— Улучшаем, — сказал Зелень.

— Тогда почему после каждого улучшения я хожу пешком?

Сил показал на неё.

— Вот. Слышал?

— Она медицинский работник. Не механик.

— Я медицинский работник, который потом перевязывает людей после твоей механики.

Кирпич появился из-за угла, услышал последнюю фразу и сразу развернулся обратно.

— Эй! Иди сюда.

— Нет.

— Только посмотри.

— В прошлый раз я «только посмотрел» и три часа сни-

мал стартёр.

Зелень поднял кронштейн.

Кирпич всё-таки подошёл, взял деталь двумя пальцами.

— Это крепление от армейского ящика.

Зелень задумался.

— Значит, крепкое.

— Ты разрешил? — спросил Кирпич у Сила.

— Я проснулся пять минут назад.

— Значит, нет.

Они спорили ещё десять минут. Кронштейн не поставили, зато нашли ослабленную клемму, из-за которой машина плохо заводилась.

Зелень был доволен.

— Видишь. Я помог.

— Ты создал проблему, рядом с которой мы нашли другую.

— Результат есть?

Сил помолчал.

— К сожалению.

У колодца снова ругались из-за воды. Крот катил свою бочку к сараю. Чифирь вышел из бывшего магазина с тетрадью долгов.

Деревня начинала день.

Сил никогда не планировал становиться старостой. Просто однажды люди начали приходить к нему с вопросами: кому дать бензин, чью крышу чинить первой, кому достанут-

ся последние антибиотики, кто встретит новичков. Сначала он отвечал. Потом привык. Потом оказалось, что это долж-
ность.

— Сил! — крикнул Чифирь. — Муки на четыре дня.

— Так это... закажи.

— У кого?

— Как его там... у тех.

Чифирь посмотрел на Зелень.

— Он всегда так управляет?

— Да.

— И работает?

Зелень подумал.

— Иногда.

Сил бросил в него тряпкой.

В такие минуты Квант казался не территорией с неизвест-
ными законами, а просто очень неудобной деревней. Это
ощущение было полезным. Оно позволяло людям вставать
утром.

— Так это... — Сил подошёл ближе. — Как его там... Ты
что туда засунул?

— Ничего.

— Зелень.

— Оно подходит.

— Что подходит?

— Крепление.

Сил наклонился. Помолчал.

— Это крепление от пулемёта.

— Ну да.

— Да блять, Зелень.

Зелень улыбнулся виновато и счастливо. Он вообще умел выглядеть виноватым даже тогда, когда был совершенно уверен в своей правоте.

— Надёжное же.

Сил хотел возразить, но крепление действительно выглядело надёжным.

Запорожец появился у него по частям. Кузов нашли в сарае под Починками, двигатель выменяли у человека, который клялся, что это «почти родной», двери были от двух разных машин, а левое зеркало вообще когда-то принадлежало трактору. Машина заводилась, если правильно попросить, и глохла, если слишком резко похвалить.

Сил её обожал.

Иногда любовь к машине принимала формы, которые Зелень считал технически сомнительными.

— Ты ей имя придумал? — спросил он однажды.

— У неё уже есть имя.

— «Запорожец»?

— Вот.

— Это марка.

— Для тебя марка. Для меня характер.

Зелень серьёзно посмотрел на машину.

— Характер плохой.

— Нормальный. Просто с принципами.

— Она вчера не завелась.

— Потому что ты газ нажал.

— Машина должна заводиться с газом.

— Не эта.

— А как?

Сил наклонился ближе, будто собирался раскрыть военную тайну.

— Сначала два раза педаль. Потом подсос. Потом ключ, но не до конца. Если схватила — не трогай. Если не схватила — материшься.

— Обязательно?

— Без мата карбюратор не понимает, что от него хотят.

Зелень кивнул. Его вполне устраивала модель мира, в которой механика зависела от правильной интонации.

Сил посмотрел на него и добавил:

— Только ты при ней не говори, что она старая.

— Почему?

— Обижается.

— Ты шутишь?

— Проверь.

Зелень подумал и решил не проверять. В Кванте и без того хватало вещей, которые лучше было не проверять просто из любопытства.

Он достал сигарету, прикурил и посмотрел на дорогу. За воротами деревни начинался лес, за лесом — ещё лес, потом

Лопасня, Хатунь, поля, Торбеево и дальше А-108, где уже начинался внешний мир. По крайней мере, так показывали карты.

— Староста! — крикнула Муха от медпункта. — Новеньких привели!

— Ну вот, — тяжело сказал Сил. — А я думал сегодня нихуя не делать.

— Ты вчера так же говорил.

— Зелень, помощник старосты должен поддерживать старосту, а не доёбываться до него фактами.

У ворот стояли трое. Мужчина лет тридцати пяти, девушка и совсем молодой парень с дорогим туристическим рюкзаком. Рядом — Север, грязный по колено и мрачный, как будто ему пришлось лично вытаскивать всех троих из болота.

— Эти ваши? — спросил он.

— Пока ничьи, — ответил Сил. — А там посмотрим.

Парень переводил взгляд с Сила на Запорожец, потом на деревянную табличку у ворот: «ДЕРЕВНЯ НОВИЧКОВ. ОРУЖИЕ НЕ НАПРАВЛЯТЬ. КРОТОВУХУ НЕ ПИТЬ ДО ОБЕДА».

— Это что, правда всё? — спросил он.

— Что всё?

— Ну... зона. Квант.

Сил затаился.

— Нет. Это деревня. Квант дальше.

— А где он начинается?

Сил посмотрел на лес.

— Хороший вопрос.

Он сказал это весело. Новичок улыбнулся.

Только Север не улыбнулся.

К новичкам Сил всегда относился одинаково: сначала кормил, потом пугал, а уже после объяснял. По его опыту, если начать с объяснений, человек всё равно слышал только то, что хотел. Особенно когда ему казалось, что за воротами деревни заканчивается опасность. За воротами опасность как раз начиналась.

Он вывел троих к длинному столу под навесом. Дерево было исцарапано ножами, в одном углу кто-то выжег инициалы, в другом Крот много месяцев назад написал «СТОЛ НЕ ПРОДАЁТСЯ», после чего Чифирь трижды пытался обменять его на аккумулятор.

Муха принесла хлеб, банку тушёнки и чайник.

Новички ели по-разному. Денис быстро, словно боялся, что еду заберут. Марина медленно и аккуратно. Антон почти не ел: всё время смотрел на ворота.

Сил замечал такие вещи. Староста вообще видел больше, чем показывал. Когда человек впервые попадал в Квант, он ещё пытался сохранить старую систему координат. Телефон, навигатор, часы, расписание электричек, обещание вернуться вечером. Часы были особенно опасны. Пока они шли, человек верил, что контролирует происходящее.

— Не смотри каждые тридцать секунд, — сказал Сил.
Антон поднял глаза.

— Куда?

— На часы.

— Я просто...

— Знаю.

Сил сел напротив. Дым от собственной сигареты тянулся под навесом тонкой синей полосой.

Ему хотелось объяснить нормально. Без деревенских баек. Без «пропадёшь — сам виноват». Сказать, что двадцать четыре часа — не легенда и не страшилка, но и не математически выверенный таймер. Что люди реагируют по-разному. Что снаружи после долгого пребывания некоторым становится плохо. Что несколько человек вернулись сами, потому что внешняя жизнь вдруг начала ощущаться неправильной. Что никто пока не знает, где проходит граница между физиологией, психикой и чем-то, чему даже Сапсанов ещё не придумал приличного названия.

Но длинные объяснения у новичков не задерживались.

Они всё равно слышали только одно:

«У меня есть время».

— У тебя есть не время, — сказал Сил, — а запас на ошибки.

Антон нахмурился.

— Разница?

— Большая. Время можно потратить. Запас лучше не тро-

гать.

Марина перестала жевать.

— А если мы просто уйдём сейчас?

— Идите.

— Вы не остановите?

— Я кто, тюремщик?

Она посмотрела на ворота.

— Тогда почему люди остаются?

Сил пожал плечами.

— По-разному. Кто-то не успел. Кто-то не смог. Кто-то решил, что снаружи уже нечего делать. А кто-то сначала ушёл, потом вернулся.

— Зачем?

Сил посмотрел на Севера.

Тот стоял у стены и делал вид, что разговор его не касается.

— Вот у него спросишь, когда познакомитесь получше.

Север показал Силу средний палец.

Марина неожиданно улыбнулась.

И Сил понял, что всё идёт правильно. Пока человек способен смеяться, он ещё слышит собеседника, а не только собственный страх.

Мужчину звали Денисом, девушку — Мариной, парня — Антоном. Пока Муха записывала имена в потрёпанную тетрадь, Сил показал им бывшее здание правления, медпункт, сарай с генератором и дом, в котором разрешалось переноче-

вать первые сутки. Марина спросила, почему на двери сарая висит табличка «НЕ ВКЛЮЧАТЬ ВМЕСТЕ С ХОЛОДИЛЬНИКОМ». Сил ответил, что потому что однажды включили вместе с холодильником. Больше пояснений она не потребовала.

У колодца действительно творилось что-то неправильное. Внутри сруба уровень воды стоял ниже обычного почти на метр. Зато внешние доски были мокрыми, хотя дождь давно закончился. Вода собиралась каплями на сухой стороне дерева и медленно стекала вверх. Не вниз — вверх, к верхнему венцу. Муха присела, провела ватной палочкой по доске и велела всем отойти.

— Это уже к Сапанову, — сказал Сил. — Я в школе физику списывал. Зелень, не трогай.

— Я не трогаю.

— Ты смотришь как человек, который сейчас потрогает.

— Просто интересно.

— Тебе пулемёты интересны. Вода пусть будет интересна учёным.

Зелень нехотя убрал руку.

Сил распорядился открыть запас воды. Чифирь сразу за-

явил, что запас стратегический. Сил ответил, что стратегический запас именно для того и нужен, чтобы однажды перестать быть запасом. Чифирь возразил, что тогда новый надо будет где-то брать. Через пять минут они уже торговались о компенсации так, будто речь шла не о питьевой воде, а о партии редкого коньяка.

Антон почти не слушал. Он стоял у ворот и смотрел на лес. Сил заметил это и подошёл.

— Не ходи.

— Я просто смотрю.

— Все сначала просто смотрят. Потом просто идут до поворота. Потом просто сворачивают не туда.

— Вы же сами сказали, что Север пойдёт искать.

— Пойдёт. И не один.

— А если он не успеет?

Сил хотел отшутиться, но не стал.

— Тогда тебе придётся решить, кого ты спасаешь: брата или себя. Квант такие решения любит. У него вообще мерз-

кое чувство юмора.

На краю улицы завёлся генератор. Свет в окне медпункта мигнул, погас и снова появился. В тот же момент мокрая полоса на колодце остановилась. Муха отметила время. Сил посмотрел на генератор, потом на воду.

— Совпадение?

— Пока да, — сказала Муха.

— А потом?

— А потом Сапсанов будет тяжело вздыхать и объяснять нам, почему мы неправильно употребляем слово «совпадение».

К вечеру Сил всё-таки заставил новичков собраться в бывшем магазине. Он называл это инструктажем, хотя никакой инструкции перед ним не лежало. На столе стояла жестяная кружка, рядом — пепельница, собранная из обрезанной банки, и карта, на которой карандашом были обведены дороги до Починок, Прудно и Хатуни.

— Так это, — начал он и замолчал, потому что Зелень громко передёрнул затвор.

— Ты специально? — спросил Сил.

— Проверяю.

— Что?

— Работает ли.

— В помещении?

Зелень посмотрел на пулемёт, потом на потолок.

— Ну да. Не стрелять же.

— Уже спасибо.

Новички засмеялись. Сил подождал, пока стихнут.

— Первое. Если кто-то говорит вам: «Я знаю короткую дорогу», — не идите. Особенно если это Север. Второе. Если Крот говорит: «Только попробуй», — тоже не надо. Это касается еды, напитков и особенно того, что он называет лекарством. Третье. С военными не спорим просто ради удовольствия.

Зелень поднял руку.

— А если они неправы?

— Тогда спорим по делу.

— А если неприятные?

— Тогда особенно по делу.

— А если...

— Да блять, Зелень, ты инструктаж слышал сто раз.

— Я проверяю полноту.

— Проверяй молча.

Сил ткнул пальцем в карту.

— Вот здесь пост. Здесь дорога, которую иногда перекрывают. Здесь вода. Сюда без проводника не ходить. И не потому, что там волшебная хуйня, а потому что лес обычный, овраги обычные, ноги у вас тоже обычные. Половина беды

тут происходит не из-за Кванта, а потому что человек решил, что Квант виноват заранее.

Один из новичков спросил:

— А вторая половина?

Сил прикурил.

— Вот со второй половиной сложнее.

Антон стоял у двери. Всё время косился на часы.

Сил заметил.

— Брат когда вошёл?

— Вчера утром.

— Точное время?

— Девять двадцать.

— Записано?

— Да.

— Тогда не «вчера утром». Девять двадцать. Тут время лучше называть точно.

— Почему?

Сил сделал затяжку.

— Потому что когда человек нервничает, у него десять минут превращаются в час. А когда очень нервничает — наоборот.

Муха, проходившая мимо, заглянула внутрь.

— И потому что двадцать четыре часа — не магическое число.

Сил нахмурился.

— Ты сейчас зачем?

— Чтобы люди не думали, что в 09:19 они бессмертные, а в 09:20 проклятые.

Новички перестали улыбаться.

Муха пожала плечами.

— Это правило наблюдения, а не закон природы. Чем меньше находишься внутри, тем лучше. Если планируешь выйти — не тяни до последней минуты.

Сил кивнул.

— Вот. Она сказала научнее.

— Я сказала медицински.

— Ещё хуже.

Когда Муха ушла, один из мужчин спросил:

— А вы сами почему не вышли?

Сил посмотрел на него.

Вопрос был обычным. Его задавали все.

— Потому что не вышел.

— В смысле?

— В прямом. Сначала думал — завтра. Потом надо было людей собрать. Потом продукты. Потом один заболел. Потом мост перекрыли. Потом понял, что уже поздно.

— И вы просто остались?

Сил посмотрел на улицу. Красноватое вечернее солнце лежало на крышах и на верхушках деревьев. Где-то за домами звякнуло ведро. Кирпич ругался с железом. Крот смеялся. Всё это было настолько обыденным, что ответ оказался простым.

— А куда деваться?

Антон спросил:

— Вы не боитесь?

Сил улыбнулся.

— Каждый день. Просто если каждый раз делать лицо, быстро устанешь.

После инструктажа Зелень догнал его на улице.

— Нормально сказал.

— Что именно?

— Про страх.

— Я не для красоты говорил.

— Знаю.

Сил остановился возле Запорожца. Машина была серой, местами в грунтовке, одна дверь заметно отличалась оттенком.

— А ты боишься?

Зелень подумал.

— Когда патронов мало.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Сил рассмеялся и хлопнул его по плечу.

— Вот за это тебя и держу.

— А я думал, потому что пулемёт есть.

— Это второе.

Поздним вечером Сил обошёл деревню ещё раз. Это не было дежурством — просто привычка. Он проверил закры-

ты ли ворота, есть ли вода у медпункта, не оставил ли Крот печь без присмотра и не придумал ли Зелень что-нибудь «полезное» с оружием. Последнее оказалось почти правдой: Зелень сидел на ящике и прикручивал к старой тележке металлическую пластину.

— Что это?

— Основание.

— Для чего?

Зелень замолчал слишком надолго.

— Не надо, — сказал Сил.

— Ты ещё не знаешь.

— Именно поэтому.

— Я хотел пулемёт поставить.

— Да блять, Зелень.

— Съёмно.

— Нет.

— Почему?

— Потому что потом ты скажешь: «Я только проверить».

— А если вдруг нападут?

— Тогда возьмёшь его руками, как нормальный человек.

Зелень посмотрел на тележку с сожалением.

— Нормальные люди так тяжело не таскают.

— Вот и тренировка.

Они пошли дальше. На окраине тихо шумел лес. Ночью он казался ближе, чем днём. За деревьями иногда вспыхивали огни на дороге, и на секунду возникало ощущение, что обыч-

ный мир находится в десяти минутах ходьбы. Потом свет исчезал, оставалась темнота и редкий гул машины где-то далеко.

— Сил.

— А?

— Ты когда-нибудь уйдёшь отсюда?

Сил не ответил сразу.

— Если смогу.

— А деревня?

— Деревня не моя собственность.

— Ты староста.

— Это потому, что остальные вовремя не отвернулись.

Зелень усмехнулся.

— Врёшь.

Сил посмотрел на него.

— Чего?

— Тебе нравится.

— Что?

— Когда все к тебе идут.

Сил затянулся сигаретой.

— Нравится, когда люди вечером живые приходят домой.

— Это не то же самое.

— Для меня — почти.

Они остановились у колодца. На досках блестела влага. Сил провёл пальцем по мокрой полосе.

— Завтра Сапсанову скажем.

— Он опять будет вздыхать.

— Пусть. Он для этого и профессор.

— Он айтишник.

— Ещё хуже.

Зелень рассмеялся.

Сил посмотрел на дома. Свет горел в пяти окнах. В одном ругались. В другом смеялись. Где-то плакал ребёнок. Всё было обычным, и от этого особенно ценным.

— Запомни, — сказал он.

— Что?

— Пока люди ругаются из-за воды, патронов и кому мыть котёл — всё нормально.

— А если перестанут?

Сил выдохнул дым.

— Тогда начинай волноваться.

Наутро после инструктажа деревня снова показала новичкам, что в Кванте основная часть жизни состоит не из аномалий. Она состоит из вёдер, гвоздей, дров, грязи и людей, которые обязательно считают, что их работа важнее чужой.

Сил с семи утра распределял задачи у магазина. Чифирь требовал машину для поездки за мукой. Муха — бензин для генератора. Кирпич — тот же бензин для сварки. Крот утверждал, что бензин ему тоже нужен, но объяснять зачем отказался.

— Тебе точно нет, — сказал Сил.

— Ты душишь частную инициативу.

— Я спасаю деревню от пожара.

— Это разные вещи.

— В твоём случае одно и то же.

Антон подошёл последним. Лицо у него было серое от недосыпа.

— Север вернулся?

— Нет.

— Уже почти десять.

Сил посмотрел на часы.

— Я вижу.

— И что?

— Ждём до одиннадцати. Потом я пошлю двоих на-
встречу.

— Почему не сейчас?

— Потому что если каждые полчаса отправлять людей ис-
кать тех, кто задержался, скоро искать придётся всех.

Антон сжал губы.

— Это мой брат.

— Я знаю.

— Вам легко.

Сил посмотрел на него очень спокойно.

— Нет.

Антон замолчал.

Сил больше ничего не объяснял. В деревне и без того было достаточно людей, которым приходилось ждать кого-то с вы-
лазки. У каждого ожидание выглядело одинаково: человек

пытается заниматься делом и постоянно смотрит на дорогу.

В 10:36 показались Север и ещё двое. Антон сорвался с места.

Сил не пошёл.

Зелень спросил:

— Почему?

— Потому что теперь всё хорошо.

— А если бы не пришли?

Сил прикурил.

— Тогда бы пошёл.

Север привёл не брата Антона, а его рюкзак.

Антон остановился на полпути.

Сил выронил сигарету.

— Где он?

— Отстал у старого оврага. Мы разделились на десять минут. Вернулся — нет. Следы идут к дороге и обрываются.

Антон побледнел.

— Он жив?

— Не знаю.

Сил сразу перестал быть весёлым старостой.

— Зелень, рация. Кирпич — машину. Муха — набор. Крот остаётся здесь.

— Почему я?

— Потому что кто-то должен остаться трезвым и не дать остальным сойти с ума.

— Почему это я?

Сил посмотрел.

— Ладно. Чифирь остаётся с тобой.

Через минуту деревня уже двигалась по плану.

Антон подошёл к Силу.

— Я иду.

— Нет.

— Это мой брат.

— Именно поэтому. Ты сейчас побежишь быстрее всех и первым влезешь туда, куда не надо.

— А вы бы что сделали, если бы там был ваш человек?

Сил посмотрел на дорогу.

— То же самое. Поэтому рядом со мной обычно Зелень.

Зелень гордо поднял голову.

— Я слежу.

— Он мешает мне делать совсем уж глупые вещи.

— Не всегда.

— Да блять, Зелень.

Антон впервые за утро улыбнулся.

Это было нужно.

И уже через секунду Сил снова стал серьёзным:

— Ждёшь здесь. Если найдём — ты должен быть на месте, когда приведём.

— А если нет?

Сил не ответил.

Некоторые варианты будущего лучше не произносить заранее.

Когда поисковая группа вернулась без брата Антона, день окончательно перестал быть обычным. Нашли только след обуви у кромки леса, ремень от сумки и место, где трава была примята так, будто человек долго стоял на одном месте.

Антон смотрел на ремень.

— Его.

Сил спросил:

— Точно?

— Я сам покупал сумку.

Север присел возле следов.

— Дальше ничего.

Зелень сказал:

— Может, машина забрала.

— Следов машины нет.

— Тогда ушёл по дороге.

— Следы бы были.

Антон резко повернулся к Силу.

— Что теперь?

Сил ненавидел этот вопрос. Люди задавали его так, будто у старосты должен быть запасной мир в кармане.

— До темноты ищем по секторам. Ночью никто один в лес не идёт. Утром снова.

— Я пойду ночью.

— Нет.

— Ты не запретишь.

Сил подошёл ближе.

— Запретить не могу. Могу сказать, что если ты сейчас исчезнешь вторым, искать будет уже некому.

Антон сжал ремень.

— А если он лежит там раненый?

Сил молчал.

Муха сказала тихо:

— Тогда мы делаем всё, что можем, а не всё, что страшно не сделать.

Антон сел прямо на землю.

Зелень неожиданно положил рядом пулемёт и сел тоже.

— Я утром пойду первым.

Сил посмотрел.

— С чего это?

— Он брат.

— Твой?

— Нет. Но всё равно.

Антон впервые посмотрел на него не как на странного мужика с огромным оружием.

Ночью никто толком не спал. Утром пропавший сам вышел к посту с другой стороны деревни. Он был жив, голоден и уверен, что отсутствовал всего сорок минут.

По часам прошло почти восемнадцать часов.

Антон обнял его и плакал.

Сил стоял чуть в стороне.

— Где был? — спросил Север позже.

— Шёл по дороге.

— Какой?

Пропавший показал направление.

Там дороги не было.

Несколько секунд никто не говорил.

Север первым пошёл к тому месту, куда показывал Игорь. Он не бежал. В Кванте люди быстро учились не бросаться к непонятному только потому, что оно требовало ответа.

Сил остался рядом с братьями.

Антон держал Игоря за плечи, будто боялся, что тот снова исчезнет, если отпустить хотя бы одной рукой. Игорь выглядел хуже, чем утром: серое лицо, запёкшаяся грязь на коленях, на рукаве тонкая полоска крови. Но главное было не это. Он смотрел на лес с такой обидой, словно лес лично нарушил обещание.

— Я шёл прямо, — повторил он.

Сил кивнул.

— Верю.

— Там была дорога.

— Верю.

— Нормальная дорога. Колея. Столб. Даже знак был.

— Какой?

Игорь замолчал.

— Не помню.

— Тогда не выжимай из себя.

— Я не сумасшедший.

Сил почувствовал знакомое раздражение. Не на Игоря. На

фразу.

Почти каждый, кто сталкивался с первым серьёзным несовпадением, говорил одно и то же. Как будто странность автоматически превращала человека в обвиняемого и надо было срочно доказать собственную вменяемость.

— Никто не говорит, что ты сумасшедший.

— Но вы смотрите.

— Мы всегда так смотрим.

— Почему?

Сил достал сигарету, прикрыл огонь ладонью.

— Потому что если ты ошибся — это хорошо. А если не ошибся, надо понять, что изменилось.

Игорь выдохнул.

Север вернулся минут через пять.

На ботинках налипла тёмная земля.

— Нет дороги.

— Я же сказал, — прошептал Антон.

— Он сказал, что была, — ответил Север. — Это разные вещи.

Сил посмотрел на него с одобрением.

До Кванта такое различие показалось бы словесной придиркой.

Здесь на нём держалась половина здравого смысла.

Над деревней наконец поднялось солнце. Оно подсветило верхушки берёз и мокрые крыши, но лес за воротами остался тёмным. Осенний свет ложился на него полосами, выхва-

тывал отдельные стволы, и между ними появлялись коридоры, которых через минуту уже нельзя было найти взглядом.

Сил затянулся.

Внутри неприятно шевельнулась мысль: а если дорога никуда не исчезала? Если просто сейчас он смотрит не туда? Если Игорь вернулся по ней, а все остальные видят пустой лес потому, что для них её никогда не было?

Он тут же отогнал вопрос.

Слишком раннее утро для философии.

И слишком много дел.

Но, уходя к генератору, он всё-таки оглянулся ещё раз.

Дороги не было.

Именно поэтому он старался запомнить место.

Сил закурил.

Вот теперь новичкам уже не требовался инструктаж.

К полудню деревня окончательно проснулась. Кто-то чинил крышу, кто-то ругался из-за бензина, Крот пытался обменять банку маринованных грибов на две пачки сигарет. Снаружи всё выглядело почти мирно. Сил поймал себя на мысли, что именно это и есть их главная победа над Квантом: невозможное стало частью расписания. Но потом он посмотрел на Антона у ворот и понял, что для нового человека никакого расписания ещё нет. Есть только часы, которые уже начали идти.

К этому часу туман окончательно ушёл в низины, и Панджшер стал выглядеть почти празднично. На мокрых кры-

шах лежал свет, вдоль заборов сохли тёмные дорожки от росы, над огородами поднимался тонкий дым. В стороне Починок слышался трактор. Иногда ветер приносил шум с дороги — далёкий, обычный, настолько будничный, что хотелось верить: стоит пройти лес, и вся эта жизнь снова станет простой.

Сил шёл между домами медленно.

По дороге его остановили четыре раза.

Сначала Шпала попросил решить, кому отдать две доски — ему на крышу или Мухе на ступени. Потом Чифирь сообщил, что бензина осталось меньше, чем он говорил вчера. Потом женщина из крайнего дома пожаловалась, что ночью за окном кто-то ходил, хотя следов не осталось. Последним подошёл Крот и очень осторожно спросил, считается ли стратегическим запасом бутылка, которую он спрятал от самого себя.

Сил отправил доски Мухе, Чифиря — пересчитать канистры, женщине пообещал фонарь и дежурство, а Крота послал нахуй.

Крот ушёл удовлетворённый.

Старостинство редко походило на власть.

Чаще — на бесконечную очередь чужих мелких проблем, каждая из которых для конкретного человека была главной. Сил знал это и почти никогда не отмахивался по-настоящему. Он мог материться, шутить, изображать полное отсутствие интереса, но потом всё равно проверял крышу, бензин,

воду, лекарства.

Потому что Квант был опасен не только странностями.

Куда чаще человек получал травму от гнилой лестницы, простужался в мокрой одежде, терял кровь из-за отсутствия нормального бинта или сжигал генератор, подключив к нему лишний обогреватель. Реальность оставалась реальностью даже там, где иногда нарушала собственные привычки.

У медпункта Сил заметил Антона.

Парень сидел один, локти на коленях, телефон в руках. Экран был тёмным.

Сил остановился.

— Брат?

Антон кивнул.

— Должен был уже написать.

— Связь?

— Нет.

— Тогда почему должен?

— Потому что обещал.

Сил сел рядом.

Несколько секунд они смотрели на дорогу.

— Ты когда-нибудь ждал человека и знал, что что-то не так? — спросил Антон.

Сил хотел ответить привычной шуткой.

Не получилось.

— Да.

— И что делал?

— Шёл искать.

Антон поднял голову.

— Тогда почему сейчас все говорят ждать?

— Потому что здесь «искать» иногда значит потерять второго.

Парень отвернулся.

Сил видел, как напряглась челюсть.

— Я не могу просто сидеть.

— Знаю.

— Это мой брат.

— Знаю.

— Тогда что мне делать?

Сил посмотрел на часы Антона.

Вопрос был не про действие.

Он был про разрешение не чувствовать себя трусом.

— Сейчас — ждать до времени, которое сказал Север. Потом решать.

— А если поздно?

Сил почувствовал неприятный укол.

Нет хорошего ответа.

Староста не обязан знать хорошие ответы.

Но люди почему-то всегда ждут именно их.

— Тогда будем разбираться с тем, что есть, — сказал он.

Антон усмехнулся без улыбки.

— Очень успокаивает.

— Я не умею успокаивать.

— А что умеешь?

Сил посмотрел на деревню.

— Не бросать.

Антон впервые посмотрел прямо на него.

Сил встал.

— Поэтому пока сиди. Если придётся идти — пойдём не одному.

Он ушёл к генератору, не оборачиваясь.

И только у сарая понял, что сам уже принял решение, о котором никому не сказал: если Игорь не вернётся в срок, Антона одного он всё равно не отпустит.

Двадцать три часа

В десять четырнадцать Север вывел Антона из деревни обратно к старой просеке. До двадцатичетырёхчасовой отметки оставался час девять минут.

Утро стало ярче, но теплее не было. С низин тянуло сыростью, трава оставляла на брюках тёмные полосы, а лес дышал тяжёлым запахом мокрой коры и прошлогодней листвы. За деревней ещё слышались человеческие звуки — молоток Кирпича, лай, далёкий мат у генератора. Потом они растворились.

Север шёл молча.

Антон постоянно ускорялся и так же постоянно вынужден был ждать. В нём боролись две очевидные вещи: желание найти брата и желание успеть обратно. Чем ближе становилась граница срока, тем сильнее одна мысль вытесняла другую, а потом они менялись местами.

Берёза видел это по походке.

Страх вообще редко выглядит как дрожь. Чаще человек просто начинает делать всё немного быстрее, чем нужно: поправлять ремень, проверять магазин, смотреть на часы, задавать вопросы, на которые уже получил ответ.

Сам Берёза часы не проверял.

Время отслеживал Север.

Берёза следил за лесом.

В густом осеннем подлеске было полно мелочей, за которые цеплялся взгляд: белая пластиковая канистра под кустом, проволока между деревьями, старая автомобильная дверь, наполовину ушедшая в землю. В другом месте это был бы мусор. Здесь любой предмет мог оказаться полезным, дорогим или опасным.

Ему нравилась простота таких оценок.

Полезно — берёшь.

Опасно — обходишь.

Можно продать — запоминаешь.

С людьми всё было сложнее.

Антон вдруг остановился.

— А если найдём Игоря в десять пятьдесят?

Север не повернулся.

— Разворачиваемся в десять сорок.

— Но если он будет рядом?

— Тогда вместе.

— А если пять минут хода?

— Ты сейчас торгуешься со временем?

— Я спрашиваю.

Север остановился.

Повернулся.

— Самое опасное в этом месте — «ещё пять минут». Не зверь, не военные, не аномалия. Пять минут. Потом ещё пять. Потом человек объясняет себе, что раз ничего не случилось, значит можно ещё.

Антон сжал губы.

Берёза посмотрел на него и впервые почувствовал не раздражение, а жалость.

Потому что понимал.

Если бы в лесу сейчас была Алина, он тоже торговался бы.

И, скорее всего, нарушил бы собственные правила.

Эту мысль он не озвучил.

Сил не хотел отпускать новичка. Антон не хотел оставаться. В конце концов Север согласился взять его при одном условии: в десять сорок они разворачиваются независимо от результата. Берёза пошёл третьим — не из любви к чужим семейным драмам, а потому что в лесу лишний хороший стрелок редко бывает лишним.

Игорь вошёл в Квант вместе с братом. Если они не найдут его сейчас, после одиннадцати двадцати трёх выбирать придётся уже не между поиском и выходом. Выбора просто не останется.

Берёза шёл первым не потому, что считал себя командиром. Он вообще плохо переносил людей, которые называли себя командирами без веской причины. Просто у него было лучшее зрение, хорошая реакция и привычка замечать то, что можно продать, раньше остальных. Иногда эти качества удивительным образом совпадали с умением выживать.

Север однажды спросил его прямо:

— Ты правда всё это ради денег?

Берёза поправил рюкзак.

Перед самой просекой Север остановил Берёзу рукой.

— Подожди.

— Что?

— Ты опять набил рюкзак.

— Он для этого существует.

— Что там?

Берёза начал перечислять:

— Две банки тушёнки. Провод. Ремень. Патроны. Набор ключей. Фильтр. Фляга. Болты.

— Какие болты?

— Нормальные.

— Зачем?

— Болты всегда нужны.

Антон нервно посмотрел на часы.

— Мы можем потом обсуждать болты?

Берёза посмотрел на него.

— Вот поэтому у людей всё и ломается.

Север усмехнулся.

— У него брат пропал, а ты про крепёж.

— У меня тоже есть люди, ради которых я тороплюсь.

Антон поднял голову.

— Жена?

— Да.

— Она знает, где ты?

— Примерно.

— И отпускает?

Берёза поморщился.

— Я не собака.

— Я не это имел в виду.

— Знаю.

Они пошли дальше. Некоторое время слышались только шаги по мокрой траве.

— А зачем тогда сюда полез? — спросил Антон.

Берёза ответил не сразу.

— Деньги.

— Только?

— Нет.

— А что ещё?

— Будущее.

Север посмотрел на него, но промолчал.

Берёза продолжил:

— Люди думают: если говоришь «деньги», значит жадный. А деньги — это квартира, ремонт, врачи, машина, ребёнок, если будет. Возможность сказать жене: «Не думай, я решу».

— Красиво, — сказал Север.

— И дорого.

Антон неожиданно улыбнулся.

— Моя девушка говорит, что я тоже всё пытаюсь решить.

— И?

— Ушла.

— Значит, плохо решал.

Север остановился.

— Виктор.

— Что?

— Иногда можно не говорить первую мысль.

Берёза задумался.

— Зачем?

Антон засмеялся впервые с утра.

Улыбка исчезла у самой кромки леса.

Впереди дважды хрустнула ветка. Потом шаг. Ещё один.

Они остановились.

Никого.

Через несколько секунд из-за сосны вышел мужчина в тёмной куртке и с рюкзаком, почти таким же, как у Берёзы. Антон дёрнулся и поднял оружие.

Север ударил ствол вниз.

— Спокойно.

Мужчина прошёл мимо, кивнул и исчез за поворотом.

Антон тяжело выдохнул.

— Блять. Я подумал...

— Что это он? — спросил Берёза.

— Нет. Что это ты.

Берёза посмотрел вслед.

— Вот поэтому мозгу здесь верить нельзя.

— Вы его знаете?

— Нет.

Север спросил:

— Рюкзак заметил?

— Такой же.

Берёза проверил лямку своего.

— И карабин такой же.

— Серийный.

— Я знаю.

Антон посмотрел на часы.

— Вы всегда так?

Север ответил:

— Нет.

Берёза одновременно:

— Да.

Север посмотрел на него.

— Человек первый день.

— Лучше сразу знать, что здесь можно испугаться и оказаться неправым.

Антон больше вопросов не задавал. До его срока оставалось всё меньше, и теперь он шёл быстрее.

— А ради чего люди обычно работают?

— Некоторые — потому что нравится.

— Мне нравится получать деньги.

— Это я заметил.

Берёза усмехнулся.

— Деньги сами по себе мне нахуй не нужны.

— А что нужно?

— Дом. Чтобы Алина не считала каждую покупку. Чтобы

можно было уехать куда захотим. Чтобы я не думал, хватит ли на следующий месяц.

Не как о талисмане.

И не как о красивой фотографии, которую принято носить ближе к сердцу.

Он вспоминал бытовое.

Как она ставит кружку на край стола, хотя он каждый раз просит ставить дальше. Как ночью отбирает у него половину одеяла. Как злится, если он отвечает «нормально» вместо объяснения. Как может прислать ему десять ссылок подряд, а через неделю спросить, помнит ли он, что ей понравилось.

Именно такие детали почему-то успокаивали лучше всего.

Большие слова слишком легко произносить в момент страха. «Люблю», «вернусь», «всё будет хорошо». В них всегда есть что-то от обещания, которое человек даёт прежде всего самому себе.

Алина существовала в мелочах.

В голосе.

В привычках.

В конкретной жизни, которая шла где-то снаружи, пока он лазил по мокрым лесам ради денег, которые должны были однажды сделать эту жизнь легче.

Иногда Берёза понимал, насколько нелепо устроена его собственная логика. Он рисковал тем будущим, ради которого хотел заработать.

Но простого выхода не видел.

Сказать «не буду рисковать» легко тому, у кого уже есть запас. Деньги на полгода. Нормальная работа. Уверенность, что завтра ничего не рухнет. У него такой уверенности не было.

Зато была цель.

И пока цель оставалась конкретной — не абстрактное богатство, а квартира, безопасность, спокойствие Алины, возможность однажды не считать каждую покупку — он мог терпеть многое.

Север однажды назвал это упрямством.

Берёза предпочитал слово «план».

Север шёл рядом несколько шагов молча.

— Тогда ты не деньги собираешь.

— А что?

— Время.

Берёза посмотрел на него.

— Слишком умно с утра.

— Я старался.

— Всё равно деньги удобнее. Их хотя бы посчитать можно.

Но фразу про время он запомнил.

На старой просеке он поднял ржавый дорожный знак. Север даже не остановился.

— Оставь.

— Алюминий.

— Он стальной.

Берёза постучал ногтем.

— Тогда нахуй.

Он бросил знак обратно. Через два шага остановился, вернулся и всё-таки посмотрел на крепления.

— Болты хорошие.

— Берёза.

— Чего? Дефицит крепежа никто не отменял.

У реки следы Игоря смешались со следами животных. Здесь Лопасня делала изгиб, берег был размытый, в низине стоял туман. Берёза увидел на противоположном берегу старый сарай, хотя был уверен, что раньше его здесь не было. Спросил Севера. Тот пожал плечами: сарай стоял всегда. Спорить Берёза не стал. Он был здесь всего третий раз.

Когда голос позвал их справа, Берёза почувствовал не страх, а раздражение. В Кванте опаснее всего были вещи, которые притворялись понятными. Если на тебя шёл огром-

ный бык с костяными наростами, всё было просто: стрелять или убегать. Если тебя звал человеческий голос из места, где человека быть не могло, приходилось сначала думать.

Игоря нашли в овраге. Нога была разбита, но страшнее выглядело его лицо. Он всё время оглядывался на склон.

— Там кто-то ходил, — сказал он.

— Кто?

— Я.

Север замер.

— Ещё раз.

— Я видел себя. Наверху. Я крикнул. Он тоже крикнул. Потом ушёл.

Берёза посмотрел на Севера.

— Это ты Антону не рассказывай пока, — сказал Север.

— Почему?

— Потому что его и так вывести надо.

Овраг был неглубокий, но склоны размыло дождями. Глина блестела, как мокрая кожа, корни выступали из земли тёмными жилами. Внизу лежали листья, вода и Игорь.

Берёза увидел сначала ботинок.

Потом ногу.

В такие моменты мозг всегда успевал нарисовать худшее раньше, чем человек получал факты.

Он спустился быстрее остальных, но не прыгнул. Проверил, куда ставит ноги. Склон мог поехать целиком.

— Живой, — сказал он, ещё не дотронувшись.

Не потому, что знал.

Потому что хотел, чтобы Антон услышал именно это первым.

Игорь открыл глаза.

Зрачки реагировали нормально.

На виске грязь. На ладони порезы. Левая нога лежала неестественно, но кровь не била.

Берёза присел.

— Имя?

Игорь посмотрел на него.

— Игорь.

— Где?

— Что?

— Где мы?

— В... лесу.

— Очень полезно.

Север спустился следом.

— Панджшер рядом. Что случилось?

Игорь дёрнул головой к склону.

— Там я.

Антон, стоявший выше, замер.

Берёза почувствовал, как по спине прошёл холод.

Не тот, который бывает от страха перед неизвестным.

Хуже.

Холод узнавания.

Фраза была слишком простой и потому не оставляла удобного места для объяснения.

— Рассказывай медленно, — сказал Север.

Игорь говорил кусками.

Шёл по дороге.

Услышал шаги сверху.

Поднял голову.

Увидел человека в своей куртке.

Тот стоял между деревьями.

Смотрел вниз.

Игорь крикнул.

Человек тоже открыл рот.

Звука он не услышал.

Потом поскользнулся и упал.

— Лицо видел? — спросил Берёза.

— Моё.

— Точно?

— Да.

— Может, похожий?

Игорь закрыл глаза.

— Я знаю своё лицо.

Берёза не стал спорить.

Сам он видел чужого мужчину в похожей одежде недавно и прекрасно понимал, как легко мозг дорисовывает знакомое. Но сейчас рассказывать об этом было нельзя. Человек с разбитой ногой не нуждается в лекции о восприятии.

Антон спустился, несмотря на крик Севера.

Обнял брата.

Игорь сначала замер, потом схватился за него обеими руками.

Берёза отвернулся.

Он всегда чувствовал себя лишним рядом с чужой близостью.

Не из зависти.

Просто такие сцены слишком легко переносили его домой.

На секунду он увидел Алину не фотографией, а живой: стоит в дверях, злится, что он снова пришёл поздно; потом всё равно отходит, чтобы пропустить.

Он сжал зубы.

Сейчас не время.

— Нogu фиксируем, — сказал он.

Действие вернуло мир в понятную форму.

Палка.

Шина.

Бинт.

Ремень.

Проверить кровообращение.

Поднять.

Четверо взрослых мужчин и один испуганный парень несколько минут решали обычную физическую задачу — как вынести человека из мокрого оврага.

И Берёзе было почти благодарно этому оврагу.

Пока руки заняты весом, узлами и грязью, голове сложнее возвращаться к человеку на склоне с лицом Игоря.

Обратно шли медленнее. Берёза нёс Игоря на спине почти два километра, потом сменился с Севером, потом снова забрал. Вес его не пугал. Пугало время. Он слишком хорошо понимал цену фразы «ещё успеем». Именно так люди опаздывали на поезда, к врачам, к любимым и иногда — из собственной жизни.

Когда до деревни оставалось минут двадцать, телефон Берёзы вдруг поймал сеть. На экране вспыхнули два деления. Он остановился, набрал Алину. Вызов пошёл. Один гудок. Второй — и связь оборвалась. Берёза ещё несколько секунд смотрел на экран.

— Что? — спросил Север.

— Ничего. Сеть ебанутая.

Он убрал телефон и пошёл дальше. Алине перезвонит там, где связь держится дольше нескольких секунд.

К деревне они пришли за сорок четыре минуты до условной границы, если считать время входа Антона правильно. Машина Сила не заводилась. Игорь идти не мог. Военный пост по дороге находился слишком далеко. Впервые Сил не шутил. Он смотрел на часы и молча считал.

— Берёза, донесёшь до внешнего шлагбаума?

— Донесу.

— Он восемьдесят кило.

— И?

— Ничего. Просто спросил.

Берёза уже приседал, чтобы подхватить Игоря.

— А рюкзак? — спросил Север.

Берёза задумался.

— Сил.

— Чего?

— Если не вернусь, никому не отдавай.

— Что там?

— Полезное.

Сил посмотрел на него.

— Ты даже перед смертью барыгой останешься.

— Зато последовательным.

До внешнего поста Берёза донёс Игоря почти бегом. Север тащил рюкзак и матерился на каждом подъёме, Антон шёл рядом с братом и всё время смотрел на часы.

Шлагбаум показался, когда оставалось пять минут.

Военный у прохода сначала потребовал документы. Север ответил так, что документы решили проверить потом.

Антон пересёк контрольную линию первым. Берёза перенёс Игоря следом и только после этого поставил его на носилки медиков.

На электронных часах поста было 11:20.

— Три минуты, — выдохнул Антон.

Берёза посмотрел на часы у себя на руке.

11:18.

Он ничего не сказал.

На обратном пути в Квант телефон снова на секунду поймал сеть. Берёза открыл фотографию Алины, убедился, что она на месте, и убрал телефон.

Перед вылазкой Север заставил Берёзу выложить содержимое рюкзака на капот.

— Зачем?

— Проверю.

— Я сам проверил.

— Поэтому и проверю.

На капоте появились вода, аптечка, магазины, верёвка, две шоколадки, мультитул, запасные батареи, складной нож, кусок провода, три карабина, рулон изолянта, пластиковый пакет, ещё один пластиковый пакет и маленький гаечный ключ.

Север поднял ключ.

— Это зачем?

— Может пригодиться.

— Где?

— Не знаю.

— Выкидывай.

Берёза забрал.

— Нет.

— Вес.

— Сто граммов.

— Потом сто граммов, ещё сто, ещё сто — и ты тащишь стиральную машину.

— Если рабочая и можно продать — потащу.

Север несколько секунд смотрел.

— Я уже понял.

Берёза переложил ключ в боковой карман.

— А ты зачем сюда ходишь?

— Куда?

— В Квант.

— Я здесь живу.

— Почему не вышел раньше?

Север вернул батареи.

— Сначала думал, что выйду. Потом понял, что снаружи мне хуже.

— Врачи?

— Врачи любят слово «наблюдать».

— Сапсанов тоже.

— Он хотя бы честно говорит, что не знает.

Берёза достал телефон. На экране была Алина.

— А я выйду.

Север посмотрел на фото.

— Ради неё?

— Ради нас.

— Разница?

— Большая.

Он убрал телефон.

— Я сюда не переселяться пришёл. Деньги заработаю, разберусь и домой.

Север не стал говорить, что почти каждый новый человек произносил что-то похожее. У одних дома оставались родители. У других дети. У третьих долги. Человек редко входит в опасное место без причины, которую считает сильнее опасности.

— Тогда не геройствуй, — сказал Север.

Берёза усмехнулся.

— Я не герой.

— Это обычно говорят перед самой глупой частью.

— Я просто своих не бросаю.

— Вот это и есть глупая часть.

Они пошли по дороге. Утро стояло прохладное, чистое. Над низинами висел туман, и дальние крыши Починок будто плавали над белой водой. В траве блестела роса. От земли пахло сыростью, грибами и пылью, которую ночная влага прибила к дороге.

Берёза шёл быстро.

Север дважды заставлял его сбавить.

— Экономь ноги.

— У меня нормальные ноги.

— Пока.

— Я в зале ногами больше двухсот пятидесяти жал.

Север повернулся.

— Зачем?

— Что значит зачем?

— Я спрашиваю: зачем человеку толкать ногами двести пятьдесят килограммов, которые никуда не едут?

Берёза рассмеялся.

— Чтобы потом в Кванте тебе рюкзак таскать.

— Тогда тренировался правильно.

Через час они остановились у опушки. Север показал на едва заметный просвет между деревьями.

— Здесь не срезаем.

— Почему?

— Маршрут плохой.

— Мины?

— Нет.

— Зверьё?

— Иногда.

— Аномалия?

Север помолчал.

— Иногда идёшь двадцать минут и выходишь туда же.

— Компас?

— Работает.

— GPS?

— Работает.

— Тогда как?

— Если узнаешь — расскажешь Сапсанову. Он будет счастлив.

Берёза посмотрел на лес.

— А если просто прямо?

— Все так говорят.

— Проверяли?

— Да.

— И?

— Два часа ходили прямо. Вышли к собственным следам
сзади.

Берёза прищурился.

— Может, круг дали.

— Может.

— Земля сферическая.

Север посмотрел.

— За два часа?

— Ладно.

Они обошли участок по дороге.

Берёза несколько раз оглядывался.

Не из страха.

Он запоминал.

Так ему казалось.

По дороге Север несколько раз проверял Берёзу мелкими
вопросами. Не сразу было понятно, что это проверка.

— Сколько у тебя магазинов?

— Шесть.

Через двадцать минут:

— Воды сколько?

— Полтора литра.

Ещё позже:

— Жёну как зовут?

Берёза остановился.

— Ты охуел?

Север повернулся.

— Вот. Нормально.

— Что нормально?

— Реакция.

— Ещё раз так проверишь — сам домой поползёшь.

Север улыбнулся.

— Алина.

— Я знаю.

— Тогда зачем спрашивал?

— После суток иногда люди начинают путать простое.

— Я тут меньше.

— Именно поэтому и спрашиваю сейчас. Чтобы знать, как отвечал до.

Берёза нахмурился.

— И давно ты так делаешь?

— С новыми — давно.

— А им говоришь?

— Если сказать, они начинают стараться отвечать правильно.

— Манипулятор.

— Проводник.

— Одно другому не мешает.

Они прошли ещё километр. На краю поля стоял старый бетонный столб. Север остановился.

— Что видишь?

— Столб.

— Цвет?

— Серый.

— Надпись?

Берёза подошёл ближе.

На бетоне было выцарапано «17».

— Семнадцать.

— Запомни.

— Зачем?

— Просто.

Берёза достал телефон и сфотографировал.

Север поморщился.

— Не всё надо фотографировать.

— Почему?

— Потому что потом начинаешь верить картинке больше себе.

— А себе можно?

— Тоже нет.

Берёза посмотрел.

— Ты очень успокаиваешь.

— Я не психолог.

— Это заметно.

На обратном пути они снова прошли мимо столба.

Берёза сам посмотрел.

Надпись была «71».

Он остановился.

— Север.

Тот подошёл.

— Что?

— Что было написано?

— Семнадцать.

Берёза показал.

— А сейчас?

— Семьдесят один.

Они молчали.

Берёза открыл фотографию.

На снимке было «71».

— Вот теперь понял, почему ты не любишь фото.

Север смотрел на бетон.

— Может, мы прочитали наоборот.

— Оба?

— Может.

— И фотография тоже?

— Фотография ничего не «читала».

Берёза провёл пальцем по царапинам.

Они были старые, заполненные грязью.

— Записываем?

— Нет.

— Почему?

— Потому что одна цифра на столбе — ещё не событие. Берёза посмотрел.

— А когда станет событием?

— Когда повторится.

Он запомнил эту фразу лучше цифры.

В полдень Берёза с Севером вышли к старой автобусной остановке, от которой остались бетонная плита и ржавая стойка. Здесь обычно делали короткий привал: место было открытым, дорога просматривалась в обе стороны, а рядом ловила связь.

Берёза первым делом достал телефон.

Север поставил рюкзак.

— Опять Алина?

— А что?

— Ничего.

— Вот и молчи.

Сеть появилась на одну полосу. Берёза быстро отправил сообщение: «Жив. Всё нормально». Потом подумал и добавил: «Ел».

Север посмотрел.

— Врёшь.

— Она всё равно спросит.

— А если узнает?

— Узнает.

— Тогда зачем?

— Ритуал.

Север усмехнулся.

— У вас странный брак.

— Нормальный. Это ты один живёшь и разговариваешь с кофе.

— Я с кофе не разговариваю.

— Пока.

Берёза открыл шоколадку и протянул половину.

— Не хочу.

— Бери.

— Почему?

— Потому что потом упадёшь и мне тащить.

Север взял.

— Это забота?

— Это логистика.

Они ели молча. По дороге далеко прошёл военный грузовик. За ним осталась полоса пыли.

Берёза спросил:

— Они вообще контролируют это место?

— Думают, что да.

— А реально?

— Посты контролируют. Дороги частично. Людей, пока те хотят слушать.

— А внутри?

— Никто.

— Учёные?

— Учёные измеряют.

— Местные?

— Выживают.

— Контрабандисты?

— Зарабатывают.

Берёза улыбнулся.

— Уже ближе.

Север посмотрел на него.

— Не начинай.

— Я ничего.

— Ты глазами уже считаешь.

— Тут есть спрос. Значит, есть рынок.

— Тут есть люди, которые готовы отдать последнее за лекарство, выход или патроны.

Берёза перестал улыбаться.

— И?

— Просто помни, когда будешь «видеть рынок».

Берёза сложил обёртку.

— Я не собираюсь людей наёбывать.

— Все так говорят до первой большой суммы.

— Я нет.

— Почему?

Берёза посмотрел на фото Алины.

— Потому что потом домой к ней возвращаться.

Север кивнул.

— Нормальный ответ.

— Запиши.

— Не надо. Ты и так часто повторяешь.

Сеть исчезла.

Берёза убрал телефон и поднялся.

— Пошли.

— Куда торопишься?

— Чем быстрее закончим, тем раньше назад.

— И тем раньше домой?

Берёза посмотрел в сторону дороги.

— Когда-нибудь.

После возвращения с маршрута Берёза первым делом пересчитал всё, что принёс. Север наблюдал.

— Ты реально каждую железку считаешь?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы понимать, сколько заработал.

— Ты пока ничего не продал.

— Значит, потенциально.

В рюкзаке оказалось две детали, которые Берёза не помнил, что поднимал. Одна — кусок алюминиевого профиля. Другая — старая латунная ручка.

— Твои? — спросил Север.

— Не знаю.

— Выбрось.

— Сначала узнаю цену.

— Ты безнадёжен.

Берёза сфотографировал детали и отправил Чифирю.

Тот почти сразу ответил: «Профиль — мусор. Ручка — 500».

Берёза поднял ручку.

— Видишь.

— Пятьсот рублей за то, что ты не помнишь, откуда взял.

— Лучшие деньги.

— А если это чьё-то?

Берёза замер.

— Тогда верну.

— Откуда узнаешь?

— Спрошу.

Он действительно обошёл деревню. Никто ручку не признал. Кирпич сказал, что она похожа на старую дверную фурнитуру с домов возле Лапино.

— Ты там был? — спросил Север.

— Нет.

Берёза посмотрел на ручку.

— Точно?

Вопрос прозвучал неприятнее, чем должен был.

Он открыл трек маршрута. Лапино не было.

— Тогда откуда?

Север пожал плечами.

— Может, валялась на дороге.

Берёза записал в блокнот: «Латунная ручка. Источник не помню». И не продал.

Это была первая вещь, которую он сохранил не потому, что она стоила денег, а потому что не знал, откуда она взялась.

Он завернул ручку в кусок ткани и убрал в самый дальний карман.

Север наблюдал.

— Не продашь?

— Нет.

— Заболел?

— Иди нахуй.

— Точно заболел.

Берёза усмехнулся, но быстро перестал.

Латунь была холодной, тяжёлой. Ручка выглядела старой: потемневший металл, две царапины у основания, следы зелёного окисла. Никакой ценности. Максимум кому-то на дачу, если найдётся человек с дверью подходящего возраста.

Но именно отсутствие ценности тревожило.

Если бы он подобрал что-то полезное, мозг мог не отметить момент. Гайку, магазин, провод — таких вещей за день проходят десятки. Но ручка была слишком характерной. Он должен был помнить, как наклонился, поднял её, сунул в карман.

Не помнил.

Вечером в деревне он разложил содержимое рюкзака на столе.

Тушёнка.

Провод.

Ремень.

Болты.

Аптечка.

Пустая фляга.

Латунная ручка.

Каждую вещь он мог привязать к моменту дня.

Кроме неё.

Снаружи Кирпич ругался на двигатель. Кто-то смеялся у колодца. Пахло дымом и жареным мясом.

Берёза взял ручку двумя пальцами.

В голове на секунду возникло изображение: деревянная дверь, облезшая голубая краска, рука Алины на такой же латунной ручке.

Он моргнул.

Не воспоминание.

Просто ассоциация.

Дома у них не было голубой двери.

Он это знал.

Положил вещь обратно.

Потом всё-таки записал отдельной строкой:

«Не продавать, пока не пойму».

Это было не похоже на него.

И именно поэтому он сделал запись.

Это было единственное, что ему в тот день не хотелось перепроверять.

Образец №17

Профессор Сапсанов не любил слово «аномалия». Слово казалось ему интеллектуальной капитуляцией.

Им удобно было закрыть дыру в понимании: назвал явление аномальным — и будто уже сообщил о нём что-то существенное. В действительности сообщил только собственное удивление.

Сапсанов удивляться не любил.

Не потому, что считал себя умнее других. Просто удивление плохо совместимо с последовательной работой. Человек, которого поразил результат, незаметно начинает хотеть, чтобы следующий результат оказался таким же впечатляющим. Отсюда один шаг до отбора удобных данных.

Поэтому лаборатория у него выглядела скучно.

Белые наклейки.

Номера.

Пластиковые контейнеры.

Журнал с датой и временем.

Резервный журнал.

Отдельный журнал ошибок.

На стене — таблица калибровок.

За окном тянулся обычный осенний день. Ветки яблони царапали стекло, в низком сером небе висела морось. Если не смотреть на контейнер, помещение можно было принять

за лабораторию при сельскохозяйственном институте.

Контейнер всё портил.

Зерно гречки размером с кулак лежало на белом поддоне и выглядело почти неприлично. Оно сохраняло знакомую форму, коричневую оболочку, острые грани. Мозг узнавал гречку и тут же отказывался принимать масштаб.

Сапсанов чувствовал раздражение.

Это было хорошо.

Раздражение заставляло проверять.

Оно ничего не объясняло.

Если прибор показывает результат, который не укладывается в модель, это не аномалия. Это либо неисправность прибора, либо недостаточность модели, либо кто-то криво-рукий.

Третья причина встречалась особенно часто.

— Ещё раз, — сказал он, гнусаво растягивая слова. — Медленно. Что именно вы сделали?

Лера Бекетова посмотрела на Анну Крылову.

Та посмотрела на контейнер.

В контейнере лежало зерно гречки размером с мужской кулак.

Сапсанов тяжело вздохнул.

Сапсанов попросил принести обычную гречку.

Лера принесла пачку из кухни.

— Подойдёт?

— Если вы её не варили в реакторе — да.

— Пока нет.

Крылова высыпала двадцать обычных зёрен на белый лист. Сапсанов сравнивал их с образцом.

— Начинаем с самого скучного.

— Размер? — спросила Лера.

— Всё.

— Всё — не параметр.

Сапсанов посмотрел на неё.

— Молодец.

Они измерили длину, ширину, массу, влажность и твёрдость оболочки. Сделали фотографии с линейкой. Крылова подготовила срез.

Руднев заглянул в помещение.

— Вы правда измеряете гречку штангенциркулем?

— Да.

— У человечества был шанс.

— Закрой дверь.

Он не закрыл.

— Я просто хочу понять момент, в котором физика проиграла крупе.

Сапсанов помолчал.

— Физика не проигрывает. Проигрывает описание.

— Ещё хуже.

Лера спросила:

— А если зерно просто мутировало?

— «Мутировало» — такое же пустое слово, если за ним

нет механизма.

Крылова возразила:

— Мутация хотя бы биологический термин.

— Но одно зерно не становится в двадцать раз крупнее за час из-за мутации собственного генома.

— Согласна.

Руднев прислонился к стене.

— Хорошо. Допустим, масса появилась. Откуда?

— Не знаем.

— Энергия?

— Не знаем.

— Нарушение сохранения?

— Не знаем.

— Вы вообще что-нибудь знаете?

Сапсанов показал на таблицу.

— Знаем, что в двадцати миллилитрах воды образец начинает увеличиваться через семьдесят секунд. Знаем, что повреждение оболочки прекращает рост. Знаем, что обычная гречка этого не делает. Это больше, чем было час назад.

Лера сказала:

— А если налить литр?

— Нет.

— Почему?

— Сначала двадцать. Потом сорок. Потом восемьдесят.

Руднев рассмеялся.

— Сергей Павлович не исследует аномалии. Он заставля-

ет их заполнять Excel.

— И это работает.

Крылова положила обычное зерно в отдельный контейнер и налила столько же воды.

— Контроль.

— Ещё один, — сказал Сапсанов.

— Зачем?

— Потому что один контроль — это способ красиво ошибиться.

К вечеру на столе стояло восемь контейнеров.

За окном стемнело рано. В октябре свет уходил почти незаметно: сначала белела морось, потом стекло становилось серым, а через полчаса в нём уже отражалась сама лаборатория. Столы, лампы, люди в халатах. За стеклом — ничего.

Лера сидела боком на стуле и переписывала показатели.

Пальцы устали настолько, что цифры начали сливаться.

Крылова всё ещё работала аккуратно. Сапсанов ценил в ней именно это. Усталость не делала её быстрее. Наоборот: чем сильнее она уставала, тем медленнее становились движения.

Руднев ходил между столом и окном.

Ему требовалось движение, чтобы думать.

— Меня раздражает масса, — сказал он.

— Масса обычно всех раздражает, — ответила Лера.

— Я про баланс.

На весах лежал закрытый контейнер.

В него налили известное количество воды. Масса системы была записана до начала опыта. Потом зерно выросло.

Общая масса почти не изменилась.

— Значит, вода не исчезает, — сказала Крылова.

— Я вижу.

— Тогда что тебя не устраивает?

Руднев постучал пальцем по стеклу.

— Объём.

Сапсанов подошёл.

Выросшее зерно занимало больше места, чем должен был занимать объём поглощённой воды плюс исходная ткань.

— Газовые полости, — сказал он.

— Проверим.

— Пористая структура.

— Проверим.

— Ошибка объёма.

— Проверим.

Руднев кивнул.

Такой разговор ему нравился.

Не «что за чертовщина?», а перечень причин, которые можно по очереди уничтожать измерением.

Лера потёрла глаза.

— А если уничтожим все нормальные?

Сапсанов посмотрел на неё.

— Тогда появится новая нормальная.

— Очень утешает.

— Наука не обязана утешать.

Он сказал это спокойно, но сам чувствовал другое.

У него внутри постепенно росло редкое и неприятное ощущение: не страх, а потеря опоры. Каждая отдельная странность ещё имела объяснение. Ошибка датчика. Влага. Неверная маркировка. Человеческий фактор.

Проблемой становилось количество.

Когда независимые мелочи начинают указывать в одну сторону, профессиональная осторожность требует не только отвергать красивую гипотезу, но и допустить, что старая модель действительно неполна.

Сапсанов этого момента не любил.

Потому что после него приходится строить новую.

Лера подписывала крышки.

— Если бы мне год назад сказали, что я буду восемь часов смотреть на гречку...

— Ты бы выбрала нормальную профессию? — спросил Руднев.

— Нет. Я бы спросила, платят ли за это больше.

Крылова вдруг сказала:

— А если вода не сырьё?

Все замолчали.

— В смысле? — спросила Лера.

— Она может быть триггером. Мы видим корреляцию, но не знаем источник массы.

Сапсанов кивнул.

Руднев сразу перестал улыбаться.

— Тогда нужен герметичный баланс массы. Газовый состав. Калориметрия.

— Да.

Лера посмотрела на них.

— Вот сейчас мне стало страшнее, чем от огромной гречки.

— Почему?

— Потому что вы оба одновременно согласились.

Сапсанов впервые за день улыбнулся.

— Мы его... сварили, — сказала Лера.

— Я вижу, что вы его сварили. До этого что?

— Налили воду.

— Сколько?

— Двести миллилитров.

— И получили это?

— Сначала нет.

Сапсанов прикрыл глаза.

— Лера.

— Потом долили.

— Сколько?

— Ещё четыреста.

— И?

— Оно впитало.

— Потом?

— Ещё литр.

— Потом?

— Ведро.

Сапсанов открыл глаза.

— Ведро.

— Да.

Анна вмешалась:

— Самое интересное не объём. Масса увеличивается пропорционально поглощённой воде, но химический анализ ткани показывает рост доли органики. То есть вода не просто находится внутри.

— Откуда углерод?

— Вот поэтому мы вас и позвали.

— Я айтишник.

— Вы руководитель группы.

— Что, к сожалению, не делает меня углеродом.

Он подошёл к столу. На бирке было: ОБРАЗЕЦ 17. МЕСТО: СЕВЕРНЕЕ ПОЧИНОК. ДАТА: 14.06.

— Оболочку повреждали?

— Случайно, — сказала Лера. — Вот это и остановило рост.

Сапсанов посмотрел на неё.

— Повторили?

— Нет.

Он снова вздохнул.

— Значит, у нас нет результата. У нас есть один случай.

— Но...

— Один случай — это история для бара. Два — повод задуматься. Три при одинаковых условиях — начало разговора.

Он взял маркер и написал на доске:

ПРОБЛЕМА: неконтролируемое увеличение биомассы при контакте с водой.

Ниже:

1. Проверить воспроизводимость.
2. Определить роль оболочки.
3. Баланс массы.
4. Изотопный состав.
5. Температура.
6. Солёная вода.
7. Дистиллированная вода.
8. Спирт.

Лера подняла руку.

— А зачем спирт?

— Потому что я знаю людей. Рано или поздно кто-нибудь догадается залить эту гречку водкой. Лучше мы сделаем это первыми и запишем результат.

Анна рассмеялась.

Сапсанов не улыбнулся.

— И еду из лаборатории убрать. Полностью.

— Почему?

— Потому что через неделю кто-нибудь перепутает нормальную гречку с этой.

Он снял очки и протёр переносицу.

— И ещё. Номер семнадцать фиксируем во всех документах. Дату тоже.

— Четырнадцатое июня?

— Четырнадцатое июня.

Сапсанов не любил лабораторный фольклор, но даже ему пришлось признать: образец №17 вёл себя так, будто заранее знал протокол испытаний и пытался над ними издеваться. При одинаковом объёме воды три зерна набирали разную массу. Разница была небольшой, но устойчивой. Температура не объясняла. Минеральный состав — тоже.

Крылова поставила эксперимент с тяжёлой водой на микродозах, затем — с водой, насыщенной безопасным изотопным маркером. Рост сохранялся. Материал внутри увеличенного зерна содержал водород и кислород в ожидаемых пропорциях, но доля углерода росла быстрее, чем позволяла исходная масса. Руднев трижды проверил прибор и один раз сам его разобрал. Результат не исчез.

— Значит, масса приходит извне, — сказал он.

— Откуда? — спросила Лера.

— Если бы я знал, меня бы уже показывали по телевизору.

Сапсанов ответил:

— Пока формулировка другая: наблюдаемый баланс не замыкается в пределах измеряемой системы.

— Это ты так красиво сказал «мы нихуя не понимаем»?

— Да. Но так это можно напечатать в отчёте.

После повреждения оболочки любое зерно прекращало рост. Крылова попробовала надрез, прокол иглой, лазерный микропорез и даже локальное воздействие ультразвуком. Во всех случаях процесс обрывался почти мгновенно. Важным оказалось не количество повреждений, а сам факт потери целостности.

Сапсанов заставил Ченцова сделать простейшую установку: камера, весы, датчики температуры, влажности, электромагнитного поля и акустики. Ченцов спросил, чего именно они ищут. Сапсанов ответил: «Не знаю». Инженер минуту молча смотрел на него, а потом сказал, что это самое точное техническое задание, которое он получал за последние полгода.

Вечером Вартанов принёс новую пачку бирок. Сапсанов заметил маленький шрам у него над правой бровью и попросил перепроверить номера контейнеров. Вартанов сделал всё без ошибок. Лера пошутила, что профессор скоро заставит каждому образцу оформлять паспорт.

— Не паспорт, — ответил Сапсанов. — Историю состоя-

ния.

Руднев усмехнулся:

— Опять айтишник полез в биологию.

— История состояния существует у любой системы, Илья. Даже у тебя. Правда, откатить последнюю версию уже поздно.

На следующий день лаборатория пахла варёной крупой. Не метафорически.

Крылова поставила на плитку маленькую кастрюлю, и через десять минут в помещении стало пахнуть дешёвой столовой.

Руднев вошёл, остановился на пороге.

— Вы совсем?

— Контроль пищевой обработки, — сказала Крылова.

— В лаборатории?

— Плитка лабораторная.

— Это не делает гречку научной.

Сапсанов поднял глаза от журнала.

— Зато позволяет проверить заявленное свойство при температуре кипения.

— И потом вы это съедите?

Крылова ответила:

— Если анализы не покажут токсинов.

Руднев посмотрел на Вартанова.

— А ты чего молчишь?

— Я лаборант. Я давно понял, что безопаснее соглашаться.

Лера засмеялась.

В кастрюле лежало одно целое зерно.

Воды было двести миллилитров.

Через минуту зерно увеличилось.

Через три воды стало заметно меньше.

Через семь кастрюля почти высохла, а на дне лежал комок гречневой массы размером с кулак.

Ченцов подошёл.

— Я не специалист, но это уже не зерно.

Крылова ткнула щупом.

— Структура неоднородная. Внешний слой сохраняется.

Руднев спросил:

— Масса?

Взвесили.

Почти равна сумме исходного зерна и исчезнувшей воды.

— То есть оно ничего не создаёт, — сказал Руднев.

— Пока нет, — ответил Сапсанов.

— Спасибо. Хоть один закон физики сегодня выжил.

Крылова отрезала кусок.

Процесс роста прекратился сразу.

— Оболочка, — сказала она.

— Или замкнутая структура, — поправил Сапсанов.

— Для биолога это оболочка.

— Для айтишника — контейнер.

— Вот поэтому тебя нельзя пускать к растениям.

Лера записывала результаты и спросила:

— А если зерно оставить под дождём?

Все посмотрели на неё.

— Что?

Руднев сказал:

— Никогда не задавай вопрос, на который Ченцов может захотеть построить установку.

Ченцов уже улыбался.

— Мне понадобится водосборник.

Сапсанов тяжело вздохнул.

— Сначала расчёт.

— Я знал.

— Если интенсивность дождя десять миллиметров в час и площадь сбора один квадратный метр...

Лера подняла руку.

— Я поняла. Не надо превращать шутку в ТЗ.

— Уже поздно, — сказал Ченцов.

После обеда пришёл Марков. Он смотрел на образец с подозрением врача, которому предложили лечить пациента кашей.

— Вы реально хотите дать это человеку?

— Нет, — сказал Сапсанов.

Крылова одновременно сказала:

— Потом.

Марков посмотрел на обоих.

— Отлично.

— Сначала химия, микробиология, токсикология, — продолжила Крылова. — Потом животные модели, если будут основания.

— Какие животные?

— Никакие без протокола.

— Хороший ответ.

Лера спросила:

— А если оно обычное после повреждения?

Крылова взяла кусочек сваренной массы.

— Именно это и проверим.

Через несколько часов анализ показал почти нормальный набор органики для гречихи, но доля воды была выше ожидаемой, а часть клеток выглядела так, будто успела сформироваться за недели, а не минуты.

Руднев долго смотрел в микроскоп.

— Я не люблю биологию.

— Почему? — спросила Крылова.

— Потому что в физике если что-то нарушает модель, можно надеяться, что прибор плохой. У вас оно ещё и растёт.

Сапсанов ответил:

— Прибор тоже может расти, если дать Ченцову бюджет.

— Неправда, — сказал Ченцов. — Он сначала дорожает.

Вартанов принёс чай.

Лера заметила, что он ставит кружку всегда справа от клавиатуры и поправляет очки указательным пальцем правой руки.

Ничего важного.

Такие вещи и запоминаются лучше всего, когда ещё не знаешь, что однажды станут важными.

Крылова ввела для гречки отдельный журнал обращения с образцами. Не потому, что Сапсанов потребовал. Наоборот, он сказал, что общего лабораторного журнала пока достаточно. Крылова ответила, что он айтишник и не понимает растений.

— Объясните, — сказал он.

— Растение может выглядеть одинаково и уже быть другим по состоянию. Влажность, повреждение, стадия прорастания. Если мы не фиксируем каждое действие, потом сами не поймём, что сравниваем.

Руднев поднял голову.

— Поздравляю. Вы только что изобрели версионирование.

Крылова посмотрела на Сапсанова.

— Вот. Уже заразил.

Лера сделала таблицу: образец, масса, оболочка, источник воды, время контакта, температура, оператор. Вартанов добавил колонку «фото до/после».

— Зачем? — спросил Руднев.

— Потому что потом кто-нибудь скажет, что зерно изна-

чально было треснуто.

Сапсанов кивнул.

— Оставить.

Вартанов улыбнулся.

— Я сегодня полезный.

— Не привыкай, — сказала Лера.

Днём провели опыт с солёной водой. Зерно росло медленнее, но продолжало поглощать жидкость. С дистиллированной — быстрее. Со спиртом почти не реагировало.

Ченцов заглянул.

— То есть водку не пьёт?

— Научно — этанол не является эффективной средой, — сказала Крылова.

— Я так и сказал.

— Нет.

— Смысл тот же.

Потом Вартанов предложил проверить воду разной температуры.

— Холодная, комнатная, сорок градусов.

Сапсанов посмотрел.

— Почему сорок?

— Выше уже ускоряется обычная химия, сложнее сравнивать.

— Хорошо.

Лера толкнула его локтем.

— Видишь, сегодня реально полезный.

Вартанов поправил очки.

— Я запишу дату.

К вечеру стало понятно: скорость поглощения зависит от температуры, но не линейно. При тёплой воде процесс ускорился, потом выходил на плато. Крылова сказала, что это больше похоже на ограничение биологического процесса, чем на физическую губку.

Руднев ответил:

— Отлично. Значит, у нас невозможная биология вместо невозможной физики.

— Не невозможная, — сказал Сапсанов. — Необъяснённая.

— Спасибо, это сразу безопаснее.

Вартанов рассмеялся.

Запись выглядела совершенно обычной: Алексей спорил, шутил и аккуратно подписывал пробирки, а единственной странностью оставалось зерно.

К вечеру лабораторный стол перестал помещать все варианты образцов. Крылова приказала перенести часть в соседнюю комнату, где раньше хранили химические реактивы.

Лера подписывала полки.

— Целая оболочка — верхняя.

— Почему верхняя? — спросил Вартанов.

— Потому что если кто-нибудь случайно прольёт воду, лучше пусть она течёт вниз на повреждённые.

Сапсанов услышал.

— Правильно.

Вартанов вздохнул.

— Я хотел поспорить.

— Оpozдал.

На второй полке стояли образцы с проколом. На третьей — с надрезом. Отдельно — варёные, высушенные и контрольные обычные зерна из магазина.

Руднев принёс пакет обычной гречки.

— Вот эталон.

Крылова посмотрела на марку.

— Ты купил самую дешёвую.

— Наука должна быть экономной.

— Наука должна сравнивать сопоставимое.

— Это гречка.

— Сорт?

Руднев замолчал.

Лера рассмеялась.

— Физик проиграл крупе.

Через час нашли нормальный контрольный материал с известным сортом. Сапсанов настоял, чтобы контроль хранился в другой комнате.

— Почему?

— Чтобы случайное воздействие на основную коллекцию не затронуло всё сразу.

Ченцов сказал:

— Уже готовитесь к саботажу реальности?

— К обычной лабораторной ошибке.

— Скучно.

— Зато полезно.

Вартанов заполнял карточки. Его почерк был аккуратнее, чем у остальных, но буква «В» в подписи всегда уходила вниз длинным хвостом.

Лера заметила.

— Ты зачем так пишешь?

— Как?

— «В» кривое.

— Моё.

— В школе не исправили?

— Пытались.

— Не вышло.

— Как видишь.

Она поставила рядом свою подпись.

— У меня «Л» ужасная.

— Нормальная.

— Нет. Я знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Лера посмотрела.

— Не спрашиваю. Просто фиксирую.

Сапсанов, услышав, сказал:

— Хорошая привычка.

Они оба застонали.

— Всё, — сказала Лера. — Теперь любую бытовую ерунду

профессор превратит в методологию.

— Уже превратил, — ответил Вартанов.

Он поставил последнюю подпись.

Кривые буквы остались на карточках рядом с датами, мас-сой и номерами образцов — ещё одной бытовой деталью, ко-торую никто не считал значимой.

Через несколько дней Крылова заметила, что два одинако-вых зерна, хранившихся в соседних контейнерах, ведут себя по-разному. Одно начинало поглощать воду сразу. Второму требовалось почти пять минут.

— Повреждение оболочки? — спросил Сапсанов.

— Под микроскопом целая.

— Масса?

— Почти одинаковая.

— Возраст?

— Из одной партии.

Руднев сказал:

— Наконец нормальная биологическая вариативность.

Крылова посмотрела.

— Может быть.

— Почему ты не рада?

— Потому что вчера они работали наоборот.

— В смысле?

— Медленное было быстрым.

Лера открыла журнал. Запись подтверждала.

Ченцов спросил:

— Контейнеры перепутали?

— Маркировка целая.

Сапсанов приказал не менять ничего и повторить через сутки.

На следующий день оба зерна реагировали одновременно.

— И что это значит? — спросила Лера.

— Пока ничего, — сказал он.

Руднев усмехнулся.

— Твоя любимая фраза.

Сапсанов показал на журнал.

— Нет. Значит, у нас есть три состояния поведения одного набора образцов и недостаточно данных, чтобы понять причину.

Крылова добавила отдельную колонку «латентность начала поглощения».

Маленькая странность превратилась в новый измеряемый параметр.

Так работала их наука: каждое непонятное «почему» сначала становилось столбцом в таблице.

Но таблица не отменяла человека, который в неё смотрел.

Ближе к утру Лера уснула прямо за столом, положив голову на согнутую руку. Крылова накрыла её своей кофтой и продолжила проверять образцы. Руднев ушёл в соседнюю комнату звонить кому-то из старых коллег насчёт оборудования. Ченцов прислал сообщение, что сможет достать нормальный датчик влажности только через два дня и если ни-

кто не спросит, откуда.

Сапсанов остался рядом с контейнерами.

Он иногда завидовал тем, кто мог просто сказать: «Мне страшно».

Для него страх почти всегда сначала превращался в задачу.

Если объект ведёт себя непредсказуемо — увеличить частоту измерений.

Если показания расходятся — добавить независимый канал.

Если память ненадёжна — записывать.

Если запись ненадёжна — дублировать.

Так было всю жизнь.

Любое беспокойство он раскладывал на действия.

Это работало до тех пор, пока действия были конечными.

Квант постепенно предлагал задачи, у которых списка конца не было.

Он подошёл к окну.

Снаружи начинало светать. Дождь прекратился, на стекле висели редкие крупные капли. За лабораторным корпусом темнели мокрые яблони. Дальше — поле, лес и низкое небо.

Красиво.

Неподходяще красиво.

Сапсанов всегда считал, что природа равнодушна к человеческому пониманию. Она не обязана быть понятной, справедливой или даже удобной для наблюдения. В этом смысле

Квант ничем не отличался от остального мира.

Отличие было в другом.

Обычная физика позволяла надеяться, что один и тот же опыт при одних условиях даст один и тот же результат.

Здесь даже надежда постепенно превращалась в гипотезу.

За спиной тихо щёлкнул пластик.

Сапсанов обернулся.

Один контейнер слегка деформировался.

Не сильно.

Всего на несколько миллиметров.

Он подошёл, не торопясь.

Посмотрел на весы.

Масса стабильна.

Температура стабильна.

Влажность — в пределах.

Зерно внутри стало чуть больше.

Сапсанов разбудил Крылову.

— Анна.

Она открыла глаза почти сразу.

— Что?

— Контейнер три.

Крылова подошла.

— Рост?

— Да.

— Вода?

— Вся поглощена два часа назад.

Она посмотрела на него.

— Значит, не вся.

— Или источник не только вода.

Они не произнесли больше ничего.

Лера проснулась от движения и тоже подошла.

— Что случилось?

Крылова показала.

Лера долго смотрела.

— Оно продолжает?

— Очень медленно.

— Почему?

Сапсанов почувствовал знакомое желание ответить «не знаю».

Но теперь эти два слова уже не казались ему пустотой.

Они обозначали границу.

По одну сторону — всё проверенное.

По другую — работа, которую ещё предстоит сделать.

— Утром начнём отдельную серию, — сказал он. — Без свободной воды. Контроль влажности оболочки каждые пять минут. Масса непрерывно.

Лера потёрла лицо.

— Вы вообще спали?

— Нет.

— Сергей Павлович.

— Что?

— Иногда мозг после суток без сна тоже показывает ано-

малии.

Сапсанов посмотрел на неё.

— Именно поэтому ты перепроверишь мои записи после сна.

Она хотела возразить.

Потом улыбнулась.

— Хорошо.

Это была одна из причин, почему он держал рядом людей, способных спорить.

Учёный, которому никто не говорит «ты устал», рано или поздно начинает исследовать собственную уверенность и называть это реальностью.

Сапсанов вернулся к столу.

Вписал новый столбец:

«Рост после визуального исчезновения свободной воды».

Потом время.

Подпись.

И только после этого позволил себе ещё раз посмотреть на окно.

Солнце поднималось где-то за облаками.

Снаружи начинался новый день.

В лаборатории зерно всё ещё росло.

Перед уходом Сапсанов снова сравнил две распечатки с разным временем. Он проверил журнал печати, локальный лог, сетевое время и запись камеры. Камера показывала, что первый лист вышел из принтера в 08:47. На самом листе

стояло 07:40. Файл, из которого его печатали, был создан в 08:42.

Он не сказал об этом остальным. Пока факт не был воспроизводим, он оставался подозрением. А подозрения, по мнению Сапсанова, были самой опасной формой данных: они уже влияли на человека, но ещё ничего не доказывали.

Лаборатория опустела после полуночи.

Крылова ушла первой. Руднев ещё минут десять стоял в дверях, хотел что-то сказать, но передумал. Лера забрала кружку и напонила, что нормальные люди иногда спят.

Сапсанов ответил, что нормальные люди не оставляют неизвестный биологический объект без завершённого журнала.

Она сказала, что именно поэтому никогда не хотела быть нормальной, и ушла.

Остался только гул вентиляции.

В одиночестве все странности выглядели хуже.

При людях существовал привычный ритм: вопрос, шутка, измерение, спор. Когда разговоры прекращались, оставались голые факты.

Образец увеличивался при контакте с водой.

Повреждение оболочки прекращало процесс.

Масса в закрытой системе вела себя правдоподобно.

Объём — пока нет.

Два документа показывали несовместимое время.

Сапсанов ещё раз открыл видеозапись принтера.

08:47.

Потом посмотрел на бумагу.

07:40.

Это могла быть неверная настройка часов самого принтера.

Он проверил.

Время правильное.

Могла быть ошибка шаблона.

Проверил историю файла.

Нет.

Могла быть старая распечатка, случайно попавшая в стопку.

Но камера показывала именно этот лист.

Он почувствовал, как начинает злиться.

Злость была полезной, пока направлялась на собственную гипотезу.

Сапсанов взял чистый лист и написал сверху:

«НЕСОВПАДЕНИЕ ВРЕМЕНИ. ВОЗМОЖНЫЕ НОРМАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ».

Ниже составил список.

Часовые пояса.

Кэш.

Ошибочная метка.

Ручная правка.

Сбой синхронизации.

Подмена файла.

Ошибка чтения лога.

Десять пунктов.

Стало легче.

Пока существует список проверок, явление ещё принадлежит работе, а не страху.

За окном в темноте один раз коротко блеснул свет.

Сапсанов поднял голову.

Ничего.

Возможно, машина на дороге.

Он не пошёл смотреть.

Записал только время.

00:17.

Потом закрыл журнал.

Самое опасное в Кванте, думал он, — не невозможное.

Самое опасное — момент, когда невозможное начинает казаться достаточным объяснением.

Не ваше

Майор Гордеев приехал в деревню на двух машинах и сразу понял, что день будет дрянной.

Ночь закончилась мелким дождём, и грунтовка к Панджшеру успела превратиться в вязкую серую ленту. Колёса первой машины дважды срывало в колею; брызги летели на двери, на бетонные блоки у въезда, на сапоги солдат, которые вышли открывать шлагбаум.

Гордеев смотрел через лобовое стекло на деревню и заранее чувствовал усталость.

Он не любил такие выезды.

Не потому, что боялся местных. С вооружёнными людьми разговаривать было даже проще: у оружия есть понятные правила. Гораздо хуже были люди, которые считали, что государство однажды уже забрало у них слишком много и теперь каждая новая машина с военными автоматически приезжает за последним.

В центре деревни уже собирались жители.

Информация здесь распространялась быстрее радиосвязи. Никто не звонил в колокол, не бегал по домам. Просто одна дверь открывалась, потом другая, и через пять минут возле магазина стояли те, кто считал нужным присутствовать.

Гордеев заметил Сила сразу.

Староста сидел на капоте своего нелепого серого Запо-

рожца так, будто специально хотел показать: торопиться к приезжим он не намерен. Сигарета в одной руке, в другой кружка. Рядом Зеленъ — спокойный, сутулый, с тем выражением лица, которое у людей вроде него означало не робость, а готовность наблюдать до тех пор, пока не станет ясно, куда потребуется стрелять.

Впереди стояла Коноваленко.

Гордеев едва заметно поморщился.

С этой девушкой всегда было неудобно. Внешность заставляла сначала обращаться с ней как со взрослой женщиной, возраст — потом сомневаться в собственном восприятии, а манера говорить через минуту делала возраст несущественным.

Она стояла без оружия.

Это беспокоило его сильнее, чем если бы держала автомат.

Человек с оружием показывает намерение.

Человек, уверенный, что ему хватит голоса, часто уже знает, чего хочет.

У магазина стояли человек двадцать. Сил сидел на капоте Запорожца и курил. Зеленъ держал кружку. Коноваленко стояла впереди всех, скрестив руки.

Сил наблюдал, как военные выходят из машин.

Один водитель.

Четверо бойцов.

Медик.

Техник с пластиковым чемоданом.

Гордеев.

Не группа для зачистки. Не задержание. Скорее изъятие и проверка.

От этого спокойнее не стало.

Последние месяцы научили его простой вещи: серьёзный конфликт редко начинался с человека, который приезжает стрелять. Обычно сначала приезжает человек с бумагой. Он говорит «временно», «в целях безопасности», «до выяснения». Потом вещь, дом, дорога или участок перестают быть твоими настолько постепенно, что к моменту настоящей ссоры все стороны уже уверены, будто защищают законный порядок.

Сил ненавидел бумажные формулировки именно за это.

Но и лезть в драку не собирался.

За его спиной стояли семьи. Люди, которым вечером понадобится вода, электричество и спокойный сон. Очень легко быть принципиальным, когда последствия принципиальности получаешь только ты сам.

Он докурил сигарету почти до фильтра, затушил её о подшву и слез с капота.

Ветер тянул от леса запах мокрой листвы.

За военными машинами, у временного поста, на металлической раме стояли два прожектора. Левый даже днём иногда подрагивал светом: контакт давно надо было чинить.

Сил машинально отметил оба.

Два.

Обычная деталь.

Никакой причины запоминать.

— Вы опять что-то забрали, — сказала она.

Не спросила.

— Изъяли объект, представляющий потенциальную опасность.

— Наш объект.

— Здесь нет «ваших объектов».

— Тогда зачем вы к нам за ними приезжаете?

Гордеев посмотрел на неё. Первый раз, увидев Коноваленко месяц назад, он решил, что ей около двадцати пяти. Потом узнал возраст и три дня считал, что над ним издеваются.

— Образец передан исследовательской группе.

— Мы тоже им передавали. Бесплатно. Пока вы не решили, что главный тут у вас значок на кепке.

— У меня фуражка.

— Похуй.

Коноваленко злилась не на приказ.

Бумага сама по себе была предсказуемой.

Её злило выражение людей, которые приезжали с приказом и заранее ожидали, что местные либо испугаются, либо начнут кричать.

Она не собиралась делать ни того, ни другого.

За спиной стояли взрослые мужчины, которые вполне могли говорить сами. Сил — староста. Чифирь умел считать

выгоду быстрее любого снабженца. Муха знала медицинскую часть лучше приезжих. Кирпич мог за пять минут объяснить, почему половина армейской техники здесь ломается не из-за Кванта, а из-за обслуживания.

Но впереди почему-то оказалась она.

Так получалось часто.

Коноваленко не считала это особой смелостью. Просто плохо переносила ситуацию, когда человек с уверенным голосом начинал объяснять окружающим, что их мнение уже учтено, хотя никто его не спрашивал.

Она перечитывала приказ медленно.

Не потому, что не понимала.

Наоборот.

Искала место, где чужая уверенность превращается в реальное право.

Номер.

Основание.

Срок.

Кто отвечает за изъятие.

Куда жаловаться.

Кто подписывает.

Гордеев ждал, постукивая пальцем по папке.

Коноваленко чувствовала его раздражение и почти наслаждалась им.

Раздражённый человек быстрее показывает, где ему нечем ответить.

Но рядом были вооружённые люди.

Это тоже она помнила.

Смелость не отменяет расчёт.

Если довести майора до унижения перед подчинёнными, он может упрячиться уже не из-за приказа.

Поэтому после особенно резкой фразы она отступила на полшага и дала Силу вмешаться.

Не из послушания.

Из тактики.

Сил поймал её взгляд и понял.

Они не обсуждали это заранее.

В деревне многие важные договорённости вообще существовали без слов.

Коноваленко снова опустила глаза в документ.

Сегодня задача была не победить военных.

Задача — заставить их признать, что у каждой вещи есть хозяин, у каждого изъятия — след, а у местных — право спросить, куда оно делось.

Для одного дня этого было достаточно.

Сил кашлянул.

— Так это... Давайте как его там... без войны.

— Я и не воюю, — сказала Коваленко.

— Вот поэтому я и переживаю.

Сержант Ковалёв, стоявший у второй машины, отвернулся, чтобы не было видно улыбки.

Гордеев заметил.

— Ковалёв.

— Товарищ майор.

— Не смешно.

— Так точно.

На въезде в деревню стоял армейский временный пост: бетонные блоки, мешки с песком, шлагбаум и два прожектора на металлической раме. Его поставили после того, как ночью кто-то протащил через деревню контейнер с образцами и потом неделю продавал их по частям.

Пост раздражал жителей не столько тем, что перекрывал дорогу, сколько своей постоянностью.

Бетонные блоки быстро обросли грязью. На мешках с песком после дождя проступили тёмные пятна. Возле будки дежурных появилась вытоптанная площадка, жестяная банка для окурков и чайник, который солдаты грели на маленькой плитке.

То, что задумывалось как временная мера, начало обзаводиться бытом.

Сил знал этот процесс.

Если у сооружения появляется чайник — оно остаётся надолго.

Поэтому каждое новое «временное ограничение» местные воспринимали как начало ещё одного забора.

Гордеев это тоже понимал.

И, что раздражало Сила сильнее всего, майор часто был по-своему прав.

Из Кванта действительно вытаскивали всё подряд. Образцы, металл, непонятные приборы, мясо изменённых животных, вещи из пустых домов. Часть продавали. Часть разбирали. Часть тащили домой просто потому, что «может пригодиться».

Однажды мужчина положил возле печки найденный цилиндр, потому что решил, что это кусок нержавеющей стали.

Ночью цилиндр нагрел стену почти до двухсот градусов. После этого Сил две недели сам убеждал людей показывать странные находки учёным.

Проблема была не в проверке.

Проблема начиналась там, где слово «проверить» превращалось в «забрать».

Кто — никто не знал.

Чифирь особенно убедительно не знал.

— Мы не против науки, — сказала Коноваленко. — Мы против того, что вы сначала забираете, потом запрещаете, потом теряете, потом приезжаете и спрашиваете, не осталось ли ещё.

Гордеев поморщился. Последнее попадало слишком точно.

— Этот разговор закончен.

— Нет.

— Закончен.

— Тогда верните контейнер.

— Нет.

— Тогда разговор не закончен.

Сил спрыгнул с капота.

— Да блять, давайте я вам Кротовухи налью.

— Я за рулём, — сказал Гордеев.

— Я не вам. Я ей. Может, перестанет командовать.

— Наливай, — сказала Коноваленко.

— Блять.

Ковалёв всё-таки рассмеялся.

В этот момент на посту мигнул левый прожектор.

Гордеев машинально посмотрел туда.

Точно помнил, что прожекторов было два.

Потом отвлёкся.

Гордеев прибыл не только из-за образцов. За ночь на внешнем посту трижды менялась запись с одной из камер. Не картинка — архив. Файл, который в два часа ночи показывал пустую дорогу, утром содержал колонну из двух гражданских машин. Контрольная сумма совпадала с той, что была записана ночью. Техник дважды сказал, что это невозможно, а потом попросил его не заставлять повторять это ещё раз.

Об этом Гордеев Силу, разумеется, не сказал. С точки зрения майора, местные и без того слишком много знали. Главной проблемой было то, что за последние годы они научились добывать информацию быстрее некоторых официальных структур. Прапорщик за бензин рассказывал больше, чем закрытая сводка за неделю.

Коноваленко прочитала приказ до последней строки и по-

требовала акт изъятия на каждую пробирку. Гордеев сначала решил, что она издевается. Потом понял, что нет. Ещё через минуту понял, что издевается тоже, но юридически безупречно.

— Здесь три пробирки, — сказал он.

— Значит, три позиции.

— Можно одной строкой.

— Можно. Но вы тогда укажете объём каждой?

Гордеев посмотрел на Ковалёва.

— Почему я этим занимаюсь?

— Потому что вы старший по званию, товарищ майор.

— Спасибо, сержант.

Пока Коноваленко читала приказ, Гордеев отошёл к машине и закурил, хотя обычно старался не делать этого при подчинённых.

Сигарета была скорее паузой, чем привычкой.

Он смотрел на деревню со стороны дороги.

Покосившиеся заборы.

Свежая заплата на крыше медпункта.

Провода, протянутые между домами не по проекту, а как получилось.

Детский велосипед возле стены.

Две женщины у колодца.

Мужчина, который нёс полено и остановился посмотреть, чем закончится спор.

Ничего в этом месте не выглядело как военный объект.

И всё здесь им являлось.

Так было сложнее всего.

На карте район обозначался линиями, секторами, постами и режимами допуска. В приказе существовали «местное население», «неучтённые предметы», «ограничение перемещений», «потенциально опасные образцы».

У бумаги не было запаха дыма из печной трубы.

Не было человека, который всю зиму чинит одну машину из пяти чужих.

Не было старухи, которая отказывается переезжать, потому что здесь похоронен муж.

Не было подростков, считающих военный шлагбаум личным оскорблением.

Приказу вообще не требовалось понимать тех, к кому он применялся.

Гордеев слишком давно служил, чтобы считать это несправедливостью.

Система и не должна чувствовать.

Для этого внутри неё существуют конкретные люди.

Проблема начиналась, когда конкретный человек решал, что обязан только выполнить строку и больше ничего.

Он видел таких.

Они были очень удобными сотрудниками.

И очень опасными начальниками.

Ковалёв подошёл молча, остановился рядом.

Гордеев протянул пачку.

Сержант отказался.

Некоторое время они смотрели на два прожектора у поста.

Левый опять мигнул.

— Контакт, — сказал Ковалёв.

— Знаю.

— Технику говорил.

— Я тоже.

Прожектор снова загорелся ровно.

Ничего необычного.

Гордеев почему-то отметил про себя эту сцену: два огня, мокрый бетон, серое небо.

Наверное, просто потому, что после нескольких часов разговоров хотелось видеть вещь, которая имела простой дефект и простое объяснение.

Провод.

Контакт.

Ремонт.

Без философии.

— Майор, — сказал Ковалёв.

— Что?

— Если они правы насчёт изъятий?

Гордеев докурил.

— Они правы насчёт части изъятий.

— А мы?

— Мы правы насчёт части находок.

— Удобно.

— Реальность вообще редко выдаёт одной стороне полный комплект правоты.

Ковалёв усмехнулся.

Гордеев бросил окурок в банку.

— Именно поэтому оформляем бумаги.

Он вернулся к людям.

Ему хотелось закончить конфликт не потому, что местные нравились.

Потому что завтра в этом же районе кому-то из них, возможно, придётся вытаскивать его солдат.

А послезавтра солдатам — этих людей.

В Кванте слишком дорого обходилась роскошь ненавидеть друг друга последовательно.

Пока оформляли бумаги, Зелень всё-таки снял пулемёт, но поставил рядом. Гордеев попросил убрать его в дом. Зелень спросил, на каком основании. Коноваленко, не отрываясь от приказа, сказала: «Не провоцируй человека, он и так сейчас подпишет четыре экземпляра». Сил едва не подавил-

ся сигаретой.

У колодца военный медик обнаружил, что вода на внешней стороне досок имеет тот же химический состав, что и внутри, но температура отличалась почти на два градуса. Ещё страннее было направление движения: капли действительно ползли вверх по волокнам. Ковалёв снял это на телефон. Через пять минут пересмотрел видео — на записи вода стекала вниз. Муха стояла рядом и видела то же самое. Они ничего не сказали друг другу.

Вокруг колодца постепенно образовалось молчаливое кольцо.

Медик поставил на доску маленький контактный термометр. Техник держал контейнеры для проб. Муха стояла рядом, скрестив руки, и следила, чтобы никто не начал считать колодец военной собственностью только потому, что возле него появилось больше приборов.

Капля двигалась медленно.

Так медленно, что первые секунды казалось — просто показалось.

Она висела на серой древесине, чуть приплюснутая поверхностным натяжением, потом подтянулась вверх примерно на толщину ногтя. Остановилась. Ещё немного.

Ни бурления.

Ни света.

Ни звука.

Только вода выбирала направление, которое вода выби-

рать не должна.

Сил смотрел и чувствовал почти физическое раздражение.

Квант чаще всего пугал не зрелищностью, а именно такими мелочами. Было бы проще, если бы колодец взорвался, засветился или провалился в землю. Тогда люди отбежали бы, учёные поставили бы ленту, военные закрыли место.

Но что делать с каплей, которая ползёт вверх?

Перестать пить?

Закрыть единственный нормальный колодец?

Ждать, пока физика передумает?

Зелень стоял за плечом Сила.

Сил даже не смотрел на него.

— Не трогай.

— Я не трогаю.

— Я слышу, как ты думаешь рукой.

Зелень убрал ладонь за спину.

Медик аккуратно снял пробу.

Муха спросила о pH, минерализации, запахе.

Обычные слова сделали происходящее немного терпимее.

Пока воду можно было налить в подписанную пробирку, она хотя бы частично оставалась водой.

Перед отъездом Гордеев проверил пост по рации. Дежурный подтвердил: оба прожектора исправны, левый по-прежнему иногда моргает.

Сил усмехнулся.

— Вот. Даже армия признаёт, что их два.

— Сил.

— Что?

— Не превращай количество ламп в политический вопрос.

— Поздно. Уже пересчитал.

Ковалёв остался у колодца дольше остальных.

Военные уже закончили проверку дворов, Гордеев разговаривал с Назаровой у машины, а сержант стоял рядом с Мухой и смотрел на мокрые доски.

— Вы давно здесь? — спросила она.

— На посту — полтора года.

— Внутри?

— Захожу по работе.

— Дольше суток?

— Нет.

— Умный.

— Приказ.

Муха усмехнулась.

— Тогда дисциплинированный.

Ковалёв присел и провёл пальцем по доске.

Капля медленно двигалась вверх.

— Я это вижу.

— Я тоже.

— На видео вниз.

— Угу.

— И вас это не удивляет?

— Удивляет.

— По лицу не видно.

Муха подняла плечи.

— Я врач. Если каждый раз делать лицо, когда тело делает что-то не по учебнику, времени на лечение не останется.

Ковалёв посмотрел на неё.

— А часто делает?

— В Кванте?

— Да.

Она задумалась.

— Достаточно.

Он убрал телефон.

— Что самое странное видели?

— Человека, который три дня утверждал, что у него аллергия на пенициллин. Карта подтверждала. На четвёртый день карта перестала подтверждать, он тоже перестал помнить. Мы всё равно не рискнули колоть.

— Правильно.

— А самое страшное?

Муха посмотрела в сторону домов.

— Когда человек перестаёт удивляться.

Ковалёв усмехнулся.

— Это вы сейчас философски.

— Нет. Практически. Испуганный человек проверяет.

Привыкший — идёт туда, где вчера было безопасно.

За спиной Сил спорил с Гордеевым.

— Я тебе ещё раз говорю: это наше!

— Сил, ничего «вашего» в закрытом районе юридически нет.

— Ага. Дом мой не мой, вода не моя, машина тоже не моя?

— Машину я не трогаю.

— Потому что она не заводится?

— В том числе.

Ковалёв улыбнулся.

Муха сказала:

— Вы их не любите.

— Кого?

— Местных.

— Я не обязан любить.

— Они вас тоже.

— Взаимно.

— Но пришли пешком показать фото Силу.

Ковалёв посмотрел.

— Это другое.

— Конечно.

Он помолчал.

— Когда стоишь на посту, всё просто. Есть линия. Здесь мы, там они. Потом внутри что-то случается, ты едешь помогать, и линия уже не такая удобная.

— Опасная мысль для военного.

— Не докладывайте.

— Я врач. Конфиденциальность.

— Даже если пациент не пациент?

— Особенно если начальство не платит.

Ковалёв засмеялся.

Гордеев крикнул:

— Ковалёв!

— Иду!

Он сделал пару шагов, потом вернулся.

— Если вода на записи вниз, а мы видели вверх... что вы запишете?

Муха подумала.

— Оба варианта.

— А какой настоящий?

— Сапсанов бы сказал, что вопрос преждевременный.

— А вы?

— Я бы сказала: если пить захочешь — кипяти независимо от направления.

После конфликта у колодца Сил отвёл Гордеева в сторону.

— Слушай. Я понимаю приказ.

— Уже хорошо.

— Не радуйся. Я понимаю приказ, но не принимаю способ.

— Какой способ?

— Вы приезжаете, говорите «не ваше», забираете, уезжаете. А люди потом живут без того, что вы забрали.

Гордеев скрестил руки.

— Мы отвечаем за безопасность.

— А я отвечаю, чтобы тут вечером дети воду пили.

— Ты официально ни за что не отвечаешь.

Сил усмехнулся.

— Вот поэтому мне проще.

— Не смешно.

— Мне тоже.

Гордеев посмотрел на деревню.

— Ты думаешь, мне нравится приезжать сюда с автоматами?

— Не знаю.

— Не нравится.

— Тогда не приезжай.

— Приказ.

— А у меня люди.

Пауза.

— Видишь, — сказал Сил. — У каждого своё слово, после которого спор заканчивается.

Гордеев выдохнул.

— Хорошо. Что предлагаешь?

— Если изымаете — оставляете акт, количество, причину и срок ответа. Если вещь безопасная — возвращаете. Если не возвращаете — компенсируете.

— Компенсируем чем?

— Тем же или полезным эквивалентом.

— Ты сейчас пытаешься написать регламент армии?

— Нет. Я пытаюсь сделать так, чтобы в следующий раз Зелень не стоял рядом с пулемётом.

Гордеев посмотрел на Зелень вдалеке.

— Сильный аргумент.

— Я тоже так думаю.

— Я передам.

— И?

— Ничего не обещаю.

— Уже честнее.

Гордеев протянул руку.

Сил посмотрел.

— Это что?

— Рукопожатие.

— Я знаю. Зачем?

— Чтобы хотя бы один раз закончить разговор нормально.

Сил пожал.

— Только не привыкай.

— Взаимно.

Через два дня после конфликта Гордеев вернулся без группы и без оружия на плече. Только кобура и папка.

Сил встретил у магазина.

— Опять наше не наше?

— Регламент.

— Какой?

Гордеев протянул лист.

Временный порядок изъятия имущества и образцов у гражданского населения в зоне ограничения доступа. Опись. Причина. Ответственный. Срок первичного решения. Возможность замены предмета снабжением.

Сил прочитал дважды.

— Это ты?

— Не один.

— Быстро.

— Я умею работать.

— Иногда.

— Не портить момент.

Сил позвал Чифиря.

Тот прочитал и сразу спросил:

— Компенсация по закупочной или рыночной?

Гордеев закрыл глаза.

— Я знал, что зря сюда приехал.

— Это важный вопрос.

— По фактическому снабжению.

— Кто оценивает эквивалент?

— Чифирь, — сказал Сил.

— Нет.

— Почему?

— Потому что он оценит ведро в стоимость бронетранспортера.

Чифирь возмутился:

— Только если хорошее ведро.

Гордеев впервые рассмеялся вместе с ними.

Потом стал серьезным.

— Я это выбил не потому, что согласен со всем, что ты говоришь.

— А почему?

— Потому что солдатам проще, когда есть процедура. И вам проще.

Сил кивнул.

— Вот. Иногда государство полезное.

— Не привыкай.

— Это моя фраза.

— Теперь общая.

Они пожали руки уже без спора.

Зелень, наблюдавший со стороны, спросил:

— А пулемёт в опись можно?

Сил медленно повернулся.

— Зачем?

— Если заберут, пусть компенсируют больше калибром.

Гордеев закрыл папку.

— Я ухожу.

— Правильно, — сказал Сил. — Пока всё не испортилось

окончательно.

Муха после отъезда военных собрала жителей и объяснила, почему нельзя превращать каждый конфликт в борьбу «мы против них».

— Они могут быть мудаками и одновременно привезти антибиотики.

Сил сказал:

— Очень тонкая дипломатия.

— Я врач.

— Это заметно.

— И если вы будете прятать от военных любую странную вещь только потому, что «наше», в следующий раз кто-то принесёт домой то, что убьёт детей.

Чифирь возразил:

— А если они заберут полезное?

— Тогда спорим документами. Не автоматами.

Зелень расстроился.

— А зачем тогда автоматы?

— На случай, когда документы начинают стрелять первыми, — сказал Сил.

Муха посмотрела.

— Не помогай.

Сил поднял руки.

Собрание закончилось простым правилом: находки, которые меняют свойства, сначала показывать Мухе или учёным. Военным сообщать через Сила, чтобы никто не приезжал и

не переворачивал дома без разговора.

Когда люди разошлись, Сил ещё несколько минут сидел возле бывшего правления.

Дождь давно закончился. С крыши мерно падала вода, за домами шумели мокрые берёзы. Деревня возвращалась к обычному ритму так быстро, будто утренней ссоры не существовало: кто-то тащил дрова, возле мастерской заработала болгарка, из одного дома пахло жареным луком.

Сил любил эту способность людей.

Иногда она казалась тупостью.

Иногда — единственным способом выжить.

Муха села рядом.

Она ничего не говорила, пока он не закурил.

— Ты опять много.

— Чего?

— Куришь.

— Нервная работа.

— Ты сам себе работу придумал.

— Я не просил меня выбирать.

— Тебя никто и не выбирал.

Сил подумал.

— Вот это хуже всего.

Муха усмехнулась и посмотрела на дорогу, по которой уехали военные.

Сил тоже смотрел.

Внутри не было ощущения победы.

Никто никого не победил.

Военные не перестали считать район закрытым объектом. Местные не признали себя гостями в собственных домах. Следующий спор всё равно случится.

Но теперь между первым криком и автоматом появилась бумага.

Иногда цивилизация выглядела именно так.

Не красиво.

Просто ещё один слой между человеком и глупостью.

Это был кривой, неофициальный компромисс. Но именно такие компромиссы удерживали деревню между анархией и военным режимом.

Новый регламент изъятий быстро проверили на практике. Военные нашли у Чифирия коробку старых аккумуляторов, один из которых давал напряжение выше номинала без зарядки.

— Забираем, — сказал техник.

Чифирий сразу достал бумагу.

— Опись.

Техник посмотрел.

— Что?

— Новый порядок.

Гордеев, стоявший рядом, закрыл глаза.

— Заполняйте.

Чифирий улыбнулся Силу.

— Цивилизация.

Сил шепнул:

— Не порть.

Аккумулятор описали, запечатали, указали срок ответа. Через неделю его вернули: эффект не воспроизвёлся, батарея оказалась обычной, просто прибор Чифирия был неисправен.

Чифирь смотрел на возвращённый ящик.

— То есть я неделю ругался из-за своего тестера?

Гордеев сказал:

— Да.

— И вы неделю исследовали обычный аккумулятор?

— Да.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Что иногда хуйня просто хуйня.

Сил рассмеялся.

Этот случай неожиданно улучшил отношения сильнее любого соглашения. Местные увидели, что военные могут вернуть вещь и признать обычную ошибку. Военные увидели, что не каждая странность у местных — попытка спрятать аномалию.

Квант не стал безопаснее.

Зато люди вокруг него стали чуть меньше мешать друг другу.

После выезда из деревни Гордеев не поехал сразу дальше. Он велел остановиться у поста и вышел из машины.

Дорога уходила через лес к внешнему периметру. Мокрый асфальт между бетонными блоками казался почти чёрным. Над ним висел запах сырой хвои, дизеля и дешёвого табака.

Дежурный доложил обстановку.

Ничего особенного.

Проездов мало.

Связь штатно.

Левый прожектор моргает.

Гордеев поднял голову.

Две мачты.

Обе на месте.

Левый действительно один раз погас и снова загорелся.

Он запомнил не количество — само ощущение обычно-сти.

Проблема с электрикой была почти подарком. Её можно устранить отвёрткой, тестером и человеком, который понимает провода.

Техник открыл нижнюю коробку.

Внутри всё оказалось ожидаемо: вода, окисел, разболтанный контакт.

Гордеев смотрел, как солдат зачищает провод.

Несколько минут никто не спорил о правах, приказах и принадлежности образцов.

Просто ремонтировали свет.

Он подумал, что именно так и должно выглядеть нормальное управление сложным местом: не пытаться объяснить всё

одним большим решением, а чинить конкретное, пока оно ещё конкретное.

Контакт затянули.

Левый прожектор перестал мигать.

Гордеев записал в журнал время ремонта.

Сам.

Не потому, что требовалось.

После разговора с местными ему вдруг показалось правильным оставлять след даже у обычных вещей.

Дата.

Два прожектора.

Неисправность устранена.

Он тут же разозлился на себя.

Началось.

Ещё немного — и станет записывать, сколько пуговиц на кителе утром.

Но страницу не вырвал.

Закрыв журнал и поехал дальше.

В Кванте паранойя отличалась от предусмотрительности только тем, насколько хорошо человек умел объяснить, зачем сделал запись.

После того как военные уехали, Ковалёв вернулся пешком. Сил уже собирался язвить, но сержант показал фотографию поста на телефоне.

— Левый опять моргает, — сказал он.

На снимке стояли две мачты. Всё было ровно так, как Сил помнил.

— И чего ты хочешь?

— Чтобы потом не сказали, что я придумал неисправность.

Сил вернул телефон.

— Нормальный подход.

— От тебя звучит подозрительно.

— Не привыкай.

Фотография ничего не доказывала, кроме того, что в момент съёмки камера увидела то же, что и они.

Сил всё равно увеличил снимок.

Две мачты.

Провод между ними.

Тёмное пятно на левом корпусе.

Сырая площадка.

Он знал каждую из этих деталей и одновременно чувствовал лёгкое раздражение на самого себя: зачем вообще рассматривает обычный пост так внимательно?

Ковалёв, похоже, думал о том же.

Сержант не выглядел испуганным. Скорее неловко, как человек, который принёс другу фотографию собственного холодильника и теперь должен объяснить, зачем.

Сил вернул телефон.

Военные здесь появлялись и исчезали сменами. Местные оставались. Иногда казалось, что именно поэтому они по-разному воспринимали Квант. Для солдата странность была эпизодом службы. Для деревни — частью биографии.

Если сегодня пост имел два прожектора, завтра никто не станет специально пересчитывать.

Люди не живут, постоянно проверяя реальность.

Иначе на саму жизнь времени не останется.

Сил закурил и пошёл к дому.

Два прожектора быстро перестали быть мыслью.

Так и должно было быть.

Кротовуха

Кротовуха была лучшим напитком в деревне по трём причинам.

Во-первых, другого местного напитка почти не было.

Во-вторых, после второй кружки человек переставал сравнивать.

В-третьих, Крот однажды избил мужчину, который публично поставил ей шесть баллов из десяти.

— Это клевета, — говорил Крот. — Я его не бил. Он упал.

— Пять раз? — спросила Лилит.

— Место неровное.

Вечером за длинным столом возле бывшего правления собрались Сил, Зелень, Крот, Лилит, Муха, Чифирь, Кирпич, Бобр и Север. Не «почти вся деревня» — именно те, кто обычно оказывался рядом, когда Крот открывал новую бутылку и утверждал, что партия получилась лучше предыдущей.

День выдался сухим, но к вечеру с Лопасни потянуло холодом.

Над крышами уже стоял дым. В огородах темнела переёрнутая земля, под яблонями лежали мокрые листья. За последними домами лес постепенно растворялся в сумерках, и только верхушки берёз ещё держали свет.

Стол поставили под навесом.

На нём не было ничего праздничного: хлеб, варёная картошка в старой кастрюле, банка огурцов, кусок сала, несколько мисок, которые никогда не совпадали по цвету. Посередине стояла бутылка Кротовухи.

И этого хватало.

В Кванте застолье редко планировали заранее. Никто не писал приглашений, не решал, кто что принесёт. Один человек садился после работы, второй приносил еду, третий видел людей и присоединялся. Через полчаса возникал вечер.

Лилит сидела боком на лавке, поджав одну ногу. Муха снимала с картофелины кожуру маленьким ножом. Бобр ел молча. Север держал кружку обеими руками и больше слушал, чем говорил.

Сил смотрел на них и чувствовал редкое облегчение.

В течение дня каждый из этих людей был функцией.

Муха — врач.

Кирпич — механик.

Север — проводник.

Бобр — охотник.

Он сам — староста.

За столом должности исчезали.

Оставались люди, которым можно перебить друг друга, рассказать старую историю в одиннадцатый раз и десять минут спорить о полной ерунде.

Сил не считал это отдыхом.

Скорее техническим обслуживанием психики.

Если человеку слишком долго напоминать, что вокруг Квант, он либо сойдёт с ума, либо начнёт относиться к опасности как к норме.

Оба варианта были плохими.

Поэтому Кротовуха, как ни странно, тоже выполняла общественно полезную функцию.

Главное — не давать Зелени больше двух.

Научная группа оставалась в Хатуни. Военные — за своим шлагбаумом. И всех это устраивало.

После второй кружки разговор закономерно перешёл к вопросу, кто в деревне самый полезный.

Кирпич сказал:

— Я. Без меня у вас ничего не ездит.

Муха подняла кружку.

— Без меня вы после того, как оно поедет, не выживаете.

Крот возмутился:

— А без меня зачем тогда выживать?

Лилит чихнула.

Очень тихо.

Стол замолчал.

Она посмотрела на всех.

— Чего?

Север отвёл глаза.

Чифирь сказал:

— Ничего.

— Вы сейчас все одновременно сделали странные лица.

Сил кашлянул.

— Так это... здоровье.

— Ещё один такой коллективный взгляд — и я вам подробно объясню, куда каждый может засунуть кружку.

Муха засмеялась первой. Через минуту смеялся весь стол.

Зелень спросил:

— А я?

— Что ты?

— Самый полезный кто?

Кирпич сказал:

— Ты — испытатель.

— Чего?

— Всего.

— Я ничего не испытываю.

Сил посмотрел на Запорожец.

— Конечно.

Зелень обиделся.

— Машина работает.

— Несмотря на.

Крот разлил ещё.

Север накрыл свою кружку ладонью.

— Хватит. Завтра иду к Прудно.

Лилит сразу сказала:

— Я с тобой.

— Нет.

— Я не спрашивала.

Сил посмотрел.

— Зачем?

— Проверить воду и старый маршрут. Вчера человек пришёл оттуда и сказал, что шёл по дороге, которой нет.

Стол стал тише.

Крот налил себе.

— Вот поэтому пить надо здесь.

Чифирь спросил:

— Человек нормальный?

— Вроде.

— Значит, дорога ненормальная.

— Или он ошибся.

— Какая разница?

Север посмотрел на него.

— Огромная.

Сил кивнул.

— Вот это правильно.

Лилит подняла брови.

— Ты сейчас поддержал осторожность?

— Я староста. Мне положено иногда.

— Запишем дату.

Чифирь достал карандаш. Сил бросил в него хлебом.

Разговор снова стал обычным: бензин, бинты, крыши, патроны и почему Зелени нельзя отдавать найденный крупнокалиберный пулемёт.

Темы перетекали одна в другую без всякой логики.

Чифирь говорил, что до зимы надо достать ещё два генератора.

Муха требовала нормальный холодильник для лекарств.

Кирпич утверждал, что существующий можно восстановить, если никто больше не будет подключать к той же линии чайник, обогреватель и сварочный аппарат.

Все посмотрели на Сила.

— Я один раз.

— Три, — сказала Муха.

— Один раз трижды.

Быт здесь был странно дорогим.

Не в деньгах — в усилиях.

Обычная лампочка означала поездку.

Канистра бензина — договорённость.

Коробка антибиотиков — чей-то риск на внешней стороне.

Хорошая резина для машины могла цениться больше нового телефона.

Сил иногда думал, что Квант очень быстро снимает с вещей рекламную стоимость и оставляет настоящую.

То, что работает.

То, что греет.

То, что лечит.

То, что можно съесть.

И то, чем можно защититься.

Поэтому спор о пулемёте, каким бы идиотским он ни ка-

зался, для Зелени был не шуткой. Большой калибр означал для него не красивую игрушку, а возможность однажды остановить то, чего обычная винтовка не остановит.

Проблема заключалась в том, что восторг от возможности обычно приходил к Зелени раньше здравого смысла.

Именно поэтому рядом существовал Сил.

— Почему нельзя? — спросил он.

— Потому что ты счастливый, когда видишь большой калибр, — сказала Муха.

— И?

— Счастливый человек теряет осторожность.

Зелень подумал.

— Тогда мне надо чаще тренироваться.

Сил ударил ладонью по столу.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты сейчас доказал её правоту.

К ночи люди разошлись. Сил остался с Севером.

— Ты правда завтра идёшь?

— Да.

— Лилит возьмёшь?

— Она всё равно пойдёт.

— Правильно.

— Почему?

Сил закурил.

— Если исчезнете, хотя бы двоих искать.

— Умеешь поддержать.

— Работа такая.

Повод для выпивки был достаточный: Кирпич оживил старый генератор, который уже два месяца использовали как тяжёлую полку.

Сил поднял кружку.

— Между прочим, — сказал он, — технология отработана поколениями.

Муха посмотрела на мутноватую жидкость.

— Какими поколениями? Ты её полгода делаешь.

— Поколениями бутылок.

— Это не считается.

— Почему? Каждая следующая лучше предыдущей.

Сил понюхал стакан.

— А почему запах как у средства для снятия краски?

Крот обиделся.

— Потому что натуральное.

— Краска тоже натуральная бывает.

Зелень уже потянулся к стакану.

Сил перехватил его за запястье.

— Медленно.

— Почему?

— Потому что в прошлый раз ты после второго стакана объяснял пулемёту, что он недооценивает тебя как личность.

Зелень задумался.

— Он первый начал.

За столом секунду было тихо, а потом даже Муха не выдержала и засмеялась.

— Так это... Как его там... За технический прогресс.

— За Кирпича, — поправила Муха.

— Я и говорю.

Они выпили.

Лилит понюхала свою кружку, сделала маленький глоток и задумалась.

— Она должна пахнуть гаражом?

Крот обиделся.

— Это ягода.

— Какая?

— Секретная.

— Росла возле канистры с бензином?

Бобр заржал.

Крот показал ему средний палец.

Зелень пил медленно.

Сил заметил это почти сразу.

— Сколько?

— Две.

— Кружки?

— Ага.

Сил посмотрел на литровую жестяную кружку перед ним.

— Это не кружка. Это система измерения объёма.

— Удобная.

Лилит чихнула.

Тихо, почти по-детски.

За столом на мгновение стало тише.

Бобр улыбнулся.

— Благослови тебя Квант.

Лилит повернула голову.

Лилит действительно чихала смешно.

Не громко и не театрально. Короткий вдох, почти детский звук, после которого она сама каждый раз выглядела слегка удивлённой.

Именно поэтому реакция остальных раздражала её сильнее.

Люди на секунду забывали, что перед ними взрослая девушка, способная обматерить военного так, что тот потом полчаса вспоминает новые обороты русского языка.

В такие моменты на неё смотрели слишком мягко.

Лилит этого не любила.

Север заметил первым и отвёл глаза.

Сил — позже.

Бобр не успел.

Поэтому получил обещание медицинской процедуры кружкой.

После смеха Лилит тоже расслабилась.

Она приехала сюда не ради опасностей.

Вообще мало кто приезжает ради опасностей, если не врёт себе.

Ей нравились люди.

Разные компании.

Возможность утром оказаться у учёных, днём у «Свободы», вечером в деревне и везде знать, с кем можно говорить нормально, а кому сначала надо объяснить границы.

Квант давал слишком много поводов делиться на лагеря.

Военные.

Местные.

Учёные.

Те, кто жил внутри.

Те, кто ещё мог уйти.

Лилит упрямо переходила между всеми этими линиями и считала, что если человек способен сесть за один стол с другим, половина войны уже отменена.

Наверное, поэтому она так быстро согласилась идти с Севером к Прудно.

Не только из любопытства.

Север слишком легко говорил «пойду один».

А Лилит не любила, когда люди превращали одиночество в достоинство.

Иногда это просто отсутствие того, кто вовремя скажет: «Нет, ты сейчас делаешь хуйню».

— Ещё раз так скажешь — я тебе этой кружкой диагностику прямой кишки проведу.

— Понял.

— Вот и хорошо.

Сил довольно кивнул.

— Люблю культурных людей.

— Ты следующий, — сказала Лилит.

— А я вообще молчал.

— У тебя лицо разговаривает.

Через двадцать минут Зелень спросил, какой самый тяжёлый пулемёт можно поставить на колёсную тележку так, чтобы она не перевернулась.

Сил медленно поставил кружку.

— Нет.

— Я ещё ничего не предложил.

— Вот именно. Хочу сохранить это состояние.

Кирпич заинтересованно поднял голову.

— Смотря какая тележка.

— Кирпич.

— Я теоретически.

— Не помогай ему теоретически.

— А если усилить раму...

— Да блять.

Зелень уже встал.

Через пять минут его нашли у склада рядом с тележкой от мотоблока.

Крупнокалиберный пулемёт лежал рядом.

Сил посмотрел сначала на пулемёт, потом на тележку, потом на Зелень.

— Зачем?

— Мобильность.

— Это пулемёт.

— Ну.

— Это тележка.

— Ну.

— Ты пьяный.

— Немного.

Кирпич обошёл конструкцию.

— Центр тяжести будет неправильный.

— Кирпич!

— Я критикую.

— Критикуй издалека.

Зелень нахмурился.

— А если ось назад перенести?

Кирпич задумался.

Сил ткнул в него пальцем.

— Даже не думай.

Лилит согнулась пополам от смеха.

Муха сказала, что если они прострелят хоть одну стену, она будет лечить виновных без обезболивающего.

В результате пулемёт на тележку всё-таки поставили.

Не потому что идея была хорошей.

Просто в деревне присутствовал Кирпич.

На первом же повороте тележка легла набок.

Зелень постоял над ней, оценил результат и сказал:

— Ось надо шире.

Сил сел прямо на землю и рассмеялся.

— Я тебя когда-нибудь убью.

— За что?

— Пока не знаю. Но причина обязательно найдётся.

Вернувшись за стол, они начали обсуждать гречку.

Чифирь первым сформулировал очевидное:

— Если она съедобная, это деньги.

Муха покачала головой.

— Пока никто не знает, съедобная ли она.

— Поэтому я сказал «если».

Крот налил себе ещё.

— Гречка как гречка.

— Эта гречка сарай разобрала, — сказал Север.

— Значит, хорошая.

— Ты всё оцениваешь по принципу «можно выпить или съесть»?

— Нет. Ещё можно продать.

Чифирь поднял кружку.

— Правильный человек.

Сил вспомнил утренний колодец.

— Сначала пусть умные выяснят, откуда она массу берёт.

— Сапсанов выяснит, — сказала Муха.

— Сапсанов сначала заставит её заполнить журнал.

Север усмехнулся.

— А потом тяжело вздохнёт.

Сил очень похоже изобразил профессорский вздох.

Даже Муха засмеялась.

На этом научная часть вечера закончилась.

Никто из исследователей за столом не сидел. Никто не читал лекций. В деревне обсуждали науку ровно до тех пор, пока она не мешала есть колбасу.

Позже Север рассказал про голос у реки.

Смех быстро стих.

— Он ответил не так, как Игорь обычно отвечает, — сказал Север. — Поэтому мы и не пошли.

Бобр покрутил кружку.

— Может, человек другой был.

— Может.

— А чего тогда?

— Ничего. Просто стоял там, где следов не было.

Лилит перестала улыбаться.

— Игорь что-нибудь ещё видел?

Муха посмотрела на Севера.

Север секунду молчал.

Огонёк сигареты Сила светился в темноте.

Где-то за навесом потрескивали дрова. Ветер чуть шевелил пустую пластиковую бутылку возле стены. После смеха тишина стала особенно заметной.

Север не любил рассказывать вещи, которых сам не понимал.

Сил это знал.

Если Север говорил «видел», он обычно уже успевал несколько раз усомниться в себе, проверить следы, направ-

ление, расстояние и придумать хотя бы одно обычное объяснение.

Поэтому молчание перед ответом заставило Сила протрезветь быстрее любой холодной воды.

Он посмотрел на остальных.

Лилит перестала ковырять картошку.

Бобр поднял глаза.

Даже Крот не потянулся к бутылке.

На несколько секунд стол превратился из компании друзей обратно в группу людей, живущих внутри неизвестного явления.

Сил ненавидел такие переходы.

Будто кто-то открывал дверь и впускал Квант за стол.

— Сказал, будто видел наверху себя.

— В смысле?

— В прямом.

За столом стало тихо.

Сил вздохнул.

— Вот поэтому я люблю Кротовуху. Она хотя бы честно предупреждает, что завтра будешь сомневаться в собственных воспоминаниях.

Крот поднял палец.

— На этикетке написано.

— На этикетке написано «сорок градусов».

— Это и есть предупреждение.

Через минуту кто-то снова пошутил, и разговор вернулся

к обычной ерунде.

Ночью деревня менялась.

Днём её держали звуки работы: молотки, генератор, двигатель, голоса, лязг металла. После десяти оставались редкие шаги, собачий лай и ветер.

Когда застолье закончилось, Сил не сразу ушёл домой.

Он помог собрать посуду, отнёс пустые бутылки к стене и остался один под навесом.

Лампу уже выключили.

Глазам понадобилось время, чтобы привыкнуть.

Над Панджшаром было чистое небо. Облака ушли к востоку, и между ветвями виднелись звёзды. В стороне А-108 иногда проходила далёкая полоса света — машина, невидимая за лесом.

Сил слушал.

В доме Мухи хлопнула дверь.

У Кирпича что-то упало.

Крот напевал по дороге к себе.

Обычный вечер.

Он знал деревню по звукам почти так же хорошо, как по лицам.

Если ночью переставал гудеть генератор, просыпался ещё до тишины.

Если собаки лаяли в одну сторону, выходил посмотреть.

Если кто-то шёл тяжело и неровно, по шагам можно было понять, что Кротовуха снова оказалась сильнее инструкции.

Ответственность редко ощущалась как чувство.

Скорее как невозможность перестать замечать.

Сил иногда завидовал Зелени.

Тот мог искренне заниматься одной вещью. Пулемётом. Машиной. Конкретной задачей. В этот момент остальной мир для него становился фоном.

У старосты фона не было.

Чужая крыша.

Чужой конфликт.

Заканчивающийся бензин.

Новичок, который не вернулся.

Военные.

Колодец.

Каждая мелочь оставалась где-то в голове, пока не решалась.

Сил прикурил.

Первая затяжка в холодном ночном воздухе показалась особенно резкой.

Он вспомнил разговор о памяти.

Весь вечер они шутили над тем, кто что помнит после Кротовухи.

Смешно.

Но под шуткой оставалось неприятное понимание.

Если Квант действительно меняет не только вещи, но и то, как люди помнят вещи, староста оказывается почти бесполезной профессией.

Как отвечать за деревню, если нельзя быть уверенным, что вчерашняя договорённость существовала?

Как разрешать спор, если оба человека искренне помнят разное?

Как заметить изменение в другом, если изменился сам?

Он затянулся глубже и разозлился.

Вот этого делать не надо.

Сидеть ночью после алкоголя и придумывать себе онтологические проблемы.

Сапсанов для этого существует.

Сил встал.

Проверил дверь бывшего правления.

Потом генератор.

Потом ворота.

Только после этого пошёл спать.

У входа остановился и оглянулся.

Стол под навесом был пуст.

На нём осталась одна кружка.

Сил почти вернулся убрать её.

Потом махнул рукой.

Утром разберутся.

Утро вообще было полезной вещью.

Оно возвращало миру бытовые причины.

Это возвращение было почти нарочитым.

Кирпич начал спорить о подшипниках громче, чем требовалось. Крот снова разлил напиток. Муха отругала его. Ли-

лит засмеялась на полтона ярче.

Никто не договаривался сменить тему.

Просто все одновременно почувствовали границу.

Страх можно обсуждать.

Но нельзя позволять ему съесть весь вечер.

Север больше не возвращался к человеку у реки.

Сил тоже не спрашивал.

Он смотрел на лица в жёлтом свете лампы и думал, насколько хрупкой стала их нормальность. Раньше нормальная жизнь существовала сама. Здесь её приходилось производить вручную.

Приготовить еду.

Починить стол.

Собраться.

Рассмеяться.

Не задавать лишний вопрос, когда человек устал отвечать.

Наверное, именно поэтому деревня держалась.

Не потому, что жители привыкли к Кванту.

Потому что упрямо продолжали делать вещи, к которым Квант не имел отношения.

Утром Сил вышел из дома с тяжёлой головой.

Холодный воздух ударил в лицо и сразу показался личным оскорблением.

Ночь оставила на траве серебристую росу. Над низиной тянулся туман. За забором кто-то уже колол дрова — каждый удар отдавался в голове Сила гулким деревянным коло-

колом.

Он стоял на крыльце и пытался восстановить конец вечера.

До момента с Игорем помнил хорошо.

Потом спор о генераторе.

Крот рассказывал историю про какую-то собаку.

Лилит смеялась.

Зелень что-то доказывал Кирпичу.

Дальше воспоминания становились мягкими по краям.

Ничего необычного.

Именно поэтому Сил не любил, когда утром после Кро-товухи кто-нибудь начинал обсуждать странности. Алкоголь был слишком хорошим соучастником человеческой памяти. Он давал Кванту алиби.

Если стол стоит не там — кто-то переставил.

Если человек не помнит разговор — перепил.

Если разные люди вспоминают разное — обычное дело после застолья.

В других обстоятельствах это успокаивало бы.

Здесь раздражало.

Потому что отличить обычную человеческую ненадёжность от чего-то другого становилось почти невозможно.

Сил спустился с крыльца и решил, что сегодня никаких выводов о реальности делать не будет.

До завтрака — точно.

Возле крыльца стоял его красный Запорожец. Левая дверь

была чуть темнее кузова, тракторное зеркало торчало под неправильным углом, на капоте белела старая царапина.

Зелень уже ковырялся в моторе.

— Доброе.

— Какое, блять, доброе...

— Крепление доделал.

Сил остановился.

— Какое крепление?

Зелень посмотрел на него так, будто вопрос был странным.

Потом указал под капот.

Сил закрыл глаза.

К полудню выяснилось, что половина участников уверена: вечер закончился раньше полуночи. Другая половина помнила, что после двух они ещё спорили о генераторе.

Сил проснулся с головной болью и решил, что это не Квант.

— Это Крот, — сказал он.

Крот, сидевший на крыльце, обиделся.

— Нормально было.

— У меня язык как наждачка.

— Это индивидуальная реакция.

— Муха сказала, у тебя спирта больше, чем в прошлой партии.

— Усовершенствовал.

Зелень вышел с абсолютно серьёзным лицом.

— Я вчера не ставил пулемёт на тележку?

Сил медленно повернулся.

— Нет.

— Точно?

— Насколько я помню.

— Хорошо.

— Почему?

— Тележка стоит по-другому.

Сил посмотрел.

Тележка действительно была у мастерской, хотя вечером стояла возле сарая.

— Кирпич переставил.

Кирпич из мастерской крикнул:

— Не трогал!

Все замолчали.

Крот сказал:

— Вот теперь можно Кротовухи.

Сил швырнул в него пустой пачкой сигарет.

— Никогда больше с утра.

— А вечером?

Сил подумал.

— Вечером обсудим.

Муха вышла с блокнотом.

— Кто помнит, где стояла тележка?

Сил показал на сарай.

Зелень — туда же.

Крот — на мастерскую.

Кирпич — на мастерскую.

Лилит сказала:

— Я вообще не помню тележку.

Север посмотрел на неё.

— Ты на ней сидела.

— Я?

— Да.

— Точно?

— Нет.

Муха закрыла блокнот.

— Ничего не записываю.

— Почему? — спросил Сил.

— Потому что у нас есть алкоголь, утро и куча людей, которые объективно могли забыть.

Сил кивнул.

— Вот. Наконец нормальная аномалия.

Лилит рассмеялась.

Кротовуха получила ещё одно свойство: она стала идеальным объяснением любой бытовой несостыковки, пока не появлялось доказательство обратного.

Истории о происхождении Кротовухи окончательно разошлись именно тем вечером. Крот утверждал, что рецепт достался от деда. Сил помнил, как Крот впервые смешал всё случайно из-за отсутствия нормального сахара. Чифирь говорил, что напиток вообще придумал не Крот, а какой-то

Валера, который потом ушёл из деревни.

Сам Крот хранил производство в маленьком сарае за домом.

Слово «производство» было слишком серьёзным для помещения, где стояли две пластиковые бочки, старый стеклянный бутыль, мешок сахара и шланг, который до этого, судя по выцветшей надписи, использовали для полива.

Крот никого туда не приглашал.

Не из настоящей секретности.

Ему нравилось иметь тайну.

В деревне, где люди знали, кто с кем ругался, у кого течёт крыша, кто сколько должен Чифирю и почему Зелень вчера снова просил патроны, возможность сказать «секретный рецепт» давала человеку немного личной территории.

Сил это уважал.

Поэтому не лез.

Даже когда вкус Кротовухи менялся настолько, что партии было трудно считать одним напитком.

Одна пахла смородиной.

Другая яблоком.

Третья — так, будто ягоды хранили в моторном отсеке.

Крот каждый раз утверждал, что рецепт тот же.

Возможно, он не врал.

Вода отличалась.

Сахар попадался разный.

Температура в сарае гуляла.

Ягоды собирали где придётся.

Ни один нормальный технолог не стал бы считать такие условия воспроизводимыми.

Но деревне воспроизводимость была не очень нужна.

Нужен был знакомый вкус вечера.

Сам факт, что у Крота снова есть бутылка.

Что можно поставить её на стол.

Что люди соберутся.

Поэтому спор о происхождении рецепта никто не пытался всерьёз закрыть.

Каждая версия была хороша по-своему.

Дедовская делала напиток традицией.

Случайная — местной легендой.

Валера, которого половина не помнила, превращал историю в очередную деревенскую байку.

Сил иногда подозревал, что Крот и сам уже не уверен, как всё началось.

Но не считал это проблемой.

Есть вещи, которым точная история не нужна, пока они остаются на своём месте.

Кротовуха была одной из них.

По крайней мере, пока.

— Какой Валера? — спросил Крот.

— Лысый.

— Не было Валеры.

— Был.

— Ты его придумал, чтобы не платить мне за рецепт.

— Какой рецепт? Ты каждый раз разный делаешь.

Муха сказала:

— Вот это единственная достоверная часть.

Лилит смеялась.

Север спросил:

— А если реально никто не помнит одинаково?

Сил махнул рукой.

— Потому что вы пьяные.

— Мы ещё не были пьяные, когда она появилась.

— Ты не знаешь.

Крот поднял рюмку.

— Предлагаю эксперимент. Выпить и вспомнить.

— Это не так работает, — сказала Муха.

— Откуда знаешь?

— Потому что я врач.

— А я производитель.

— Именно поэтому.

Берёза спросил:

— Рецепт вообще записан?

Крот оскорбился.

— Нет.

— Почему?

— Секрет.

— То есть если ты завтра забудешь, всё?

Крот замолчал.

Сил рассмеялся.

— Вот. Предприниматель нашёл слабое место.

В итоге под всеобщие издевательства Крот записал базовый рецепт на бумаге и запечатал в бутылку. Бутылку положили в шкаф Чифиря.

— Если рецепт изменится, — сказал Лилит, — будет смешно.

Муха посмотрела.

— Нет. Если крепость вырастет в два раза, смешно будет недолго.

На следующий день рецепт остался прежним.

Крот был разочарован.

— Никакого уважения к искусству, — сказал он.

Сил ответил:

— Радуйся. Хотя что-то у тебя стабильно.

Кротовуха со временем стала не только напитком, но и местной валютой уважения. Ею не платили официально, но бутылка могла решить спор, поблагодарить за ремонт или закрыть старую обиду.

У этого была своя экономика.

Хороший алкоголь в закрытом районе стоил не столько из-за крепости. Он был компактным, долго хранился, не требовал электричества и почти всегда находил человека, которому нужен.

Но Кротовуха значила больше.

Бутылку от Крота несли Кирпичу после сложного ремон-

та. Мухе — после ночного дежурства, хотя она каждый раз ругалась. Северу — за маршрут. Силу — если хотели попросить о чём-то неприятном и заранее смягчить настроение.

Дар работал именно потому, что не был официальной оплатой.

Деньги создают цену.

Подарок создаёт обязательство другого рода — человеческое.

Сил видел в этом и хорошее, и опасное.

Там, где услуга начинает зависеть от личной благодарности, очень быстро появляются свои, чужие и те, у кого нечего принести.

Поэтому он однажды отдельно собрал людей и объяснил: лекарства, вода, место в машине и помощь при опасности не продаются ни за рубли, ни за бутылки.

Чифирь спросил, считается ли коммерческая доставка помощью.

Сил сказал, что сейчас даст ему коммерчески по голове.

На этом юридическая часть экономики деревни закончилась.

Сапсанов получил одну после того, как помог разобраться с водой.

Он принёс бутылку в лабораторию.

Лера увидела.

— Вы пьёте?

— Иногда.

— Кротовуху?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Подарок.

Руднев понюхал пробку.

— Можно использовать для дезинфекции.

Крылова сказала:

— Не рискуй оборудованием.

Ченцов предложил измерить крепость.

Сапсанов тяжело вздохнул.

Через пять минут бутылка уже стояла в спиртометре.

— Пятьдесят восемь, — сказал Ченцов.

Лера округлила глаза.

— Муха знает?

— Теперь будет.

Сапсанов посмотрел на бутылку.

— Крот утверждал сорок.

Руднев усмехнулся.

— Вот вам ещё одно расхождение документов и реальности.

— Здесь хотя бы реальность можно повторно измерить.

Бутылку вернули Силу с запиской «58%».

Крот прочитал и заявил:

— Прибор врёт.

Муха сказала:

— Теперь я знаю, почему люди после двух рюмок видят

автобус в стене.

Крот обиделся, но следующая партия оказалась сорок четыре.

Так научная группа внесла свой единственный бесспорный вклад в безопасность деревни.

Крот с результатом не смирился.

Не спорил всерьёз с прибором — спорил с самой идеей, что его напиток можно свести к одной цифре.

С точки зрения Крота, две партии одинаковой крепости могли быть совершенно разными, а две разные — одинаково хорошими.

Муха отвечала, что печень с ним не согласна.

На этом научно-производственный конфликт продолжался ещё несколько недель.

Зато после измерений возле стола появилась новая привычка: первую рюмку больше не наливали на глаз.

Крот ворчал, но купил маленькую мерку.

Сил увидел её однажды и ничего не сказал.

Некоторые улучшения лучше не хвалить вслух, иначе человек из принципа вернётся к старому.

Кротовуха осталась Кротовухой.

Непостоянной.

Сомнительной.

Иногда слишком крепкой.

Но вечером бутылка по-прежнему означала, что работа закончилась и люди хотя бы на несколько часов разрешили

себе быть не свидетелями аномалий, не бойцами и не объектами наблюдения.

Просто соседями за одним столом.

Для деревни это было достаточно серьёзным свойством, чтобы считать напиток лучшим.

Ферма

Утро после Кротовухи было прозрачным, холодным и до неприличия красивым.

Над полями за Починками лежал молочный туман. Он держался в низинах, повторяя изгибы Лопасни, и издалека казалось, будто река разлилась и затопила луга, оставив над водой только верхушки ив и редкие островки кустарника. На востоке небо уже светлело, но солнце ещё не поднялось над лесом. Берёзы вдоль старой грунтовки стояли мокрые, белые, с тёмными полосами на коре; редкие жёлтые листья прилипли к колее и блестели, как медные монеты.

Берёза любил такие часы.

В них Квант почти не существовал.

Была только дорога, лес, запах сырой земли и рюкзак, который почему-то снова оказался тяжелее, чем вчера.

— Ты кирпичи носишь? — спросил Бобр.

— Деньги.

— Деньги столько не весят.

— Плохие деньги весят.

Бобр хмыкнул и поправил карабин.

На левой руке у него не хватало мизинца. Старую культю он обычно прятал в перчатке, но сегодня перчатки были заткнуты за пояс. Берёза никогда не спрашивал, где Бобр оставил палец. В Кванте подобные вопросы считались почти

неприличными. Если человек хотел — рассказывал сам. Если не хотел, значит, история либо была скучной, либо слишком хорошей.

Берёза всё равно иногда смотрел на руку.

Не из любопытства.

Потеря пальца меняла движения. Человек иначе держит ремень, иначе опирается на ладонь, чуть по-другому перехватывает оружие. Бобр давно приспособился, но мелкие поправки оставались.

Берёза замечал такие вещи автоматически.

Оружие приучает наблюдать за руками.

Руки раньше лица сообщают, собирается человек достать нож, поднять ствол, полезть в карман или просто нервничает.

У Бобра движения были спокойные и экономные.

Это успокаивало.

Берёза давно понял: самые опасные люди редко выглядят напряжёнными. Они просто заранее знают, что будут делать.

Бобр относился к лесу примерно так же.

Не воевал с ним.

Не доказывал смелость.

Смотрел, слушал, выбирал направление.

Рядом с ним Берёза чувствовал себя слишком громким — рюкзак цеплялся за ветки, подошва находила каждую сухую палку, металл на карабине один раз тихо звякнул о пряжку.

Бобр ничего не сказал.

Это было хуже замечания.

Берёза сам поправил ремень.

Они вышли из деревни ещё затемно. До бывшей фермы было километров шесть с небольшим, если идти через лесополосу и не срезать возле заболоченного луга. Срезать Бобр запретил сразу.

До фермы Бобр объяснил Берёзе главное правило.

— Если корова смотрит на тебя — не беги.

— Почему?

— Догонишься.

— Очень понятно.

— Если не смотрит — тоже не беги.

— Тогда зачем уточнение?

Бобр подумал.

— Для атмосферы.

Берёза усмехнулся.

— А стрелять?

— Только если уже поздно.

— Как понять?

— Когда задаёшь этот вопрос — ещё не поздно.

У старого бетонного столба Бобр остановился.

— Здесь пять минут.

— Зачем?

— Слушать.

Ветер шёл с фермы. Пахло мокрой соломой, навозом и чем-то сладким, тяжёлым.

— Запах чувствуешь?

— Ферма.

— Нет.

Берёза вдохнул ещё раз.

— Кровь?

Бобр кивнул.

— Свежая.

— Значит, кто-то сегодня ел.

Он говорил так спокойно, что Берёза спросил:

— Ты вообще чего-нибудь боишься?

— Конечно.

— Не видно.

— А зачем показывать? Для этого слова есть.

Бобр натянул перчатку на левую руку. Она сидела неровно из-за отсутствующего мизинца.

— Вот палец оставил потому, что боялся недостаточно.

Берёза впервые получил ответ, хотя не спрашивал.

— Где?

— В Кванте.

— Очень информативно.

— Ты хотел историю?

— Нет.

— Вот и хорошо.

У фермы они увидели глубокий след копыта.

Берёза положил ладонь рядом.

— Большой.

— Бык.

— Тот?

— Не знаю.

— А сколько их?

— Сегодня?

— В принципе.

Бобр посмотрел.

— Плохой вопрос.

— Почему?

— Вчера было четыре.

— Сегодня?

— Посчитаем.

Они насчитали шесть животных. Через минуту — пять.

— Шесть, — сказал Берёза.

— Где шестая?

Он показал за сарай.

Там было пусто.

— Только что стояла.

Бобр поднял ладонь.

— Не иди.

— Я видел.

— Верю.

— Тогда почему пять?

— Потому что сейчас пять.

Они обошли сарай. Следов не было. Ни копыт, ни сломанной травы.

— Не могла уйти.

— Могла.

— Как?

— Я не сказал, что ногами.

Берёза посмотрел.

Бобр усмехнулся.

— Шучу.

— Не смешно.

— Значит, хорошо пошутил.

Из дальнего стойла донёсся тяжёлый удар.

Бобр поднял карабин.

— А вот теперь разговоры закончились.

— Почему?

— Там бык.

— И?

— Большой.

— Насколько?

Бобр задумался.

— Как машина.

— Какая машина?

— Нормальная.

Берёза посмотрел на него.

— Для Сила Запорожец тоже машина.

— Тогда как две.

На этом вопрос был закрыт.

Ферма когда-то принадлежала частнику. После появления

Кванта хозяева уехали, работников вывели, часть скота забрать не успели. Первые месяцы коров пытались отстреливать военные, потом выяснилось, что некоторые животные прекрасно переносят изменения и даже размножаются. Потом выяснилось ещё более неприятное: мясо части изменённых животных вполне съедобно.

Старая ферма несла следы нескольких жизней.

На кирпичной стене одного корпуса ещё читалось выцветшее название хозяйства. Возле ворот ржавел стенд с правилами санитарной обработки. Внутри ангара висела табличка «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН», хотя дверь давно лежала в траве.

После появления Кванта место сначала пытались сохранить как обычный сельскохозяйственный объект.

Приезжали ветеринары.

Считали животных.

Брали кровь.

Ставили метки.

Потом часть людей эвакуировали, часть техники вывезли, а животные начали меняться быстрее, чем успевали появляться инструкции.

Некоторые изменения были бесполезными.

Утолщённая кожа.

Необычные рога.

Изменённое пищеварение.

Другие давали животному очевидное преимущество.

Лучше переносило холод.

Быстрее заживали мелкие раны.

Могло есть грубый корм, от которого обычный скот терял вес.

Бобр рассказывал, что первые месяцы учёные ожидали чего-то вроде одной общей «мутации».

Не получилось.

Каждая корова менялась немного по-своему.

Стадо оставалось стадом, но словно природа получила больше вариантов, чем ей обычно разрешено.

Берёзе эта мысль не нравилась.

Он предпочитал мир, где у вещи есть название и вместе с названием — набор ожиданий.

Корова.

Значит, примерно такой размер.

Такое поведение.

Такая анатомия.

Здесь название сохранялось, а ожидания постепенно становились необязательными.

При этом Бобр продолжал относиться к животным хозяйственно.

Отмечал, кто хромает.

Кто телился.

Кого рано брать.

Кого лучше не трогать.

В его поведении не было ни восторга перед «новой при-

родой», ни ненависти к мутантам.

Есть стадо.

Стадо надо понимать.

Берёза уважал такой подход.

Особенно после того, как одна из «коров» почти втоптала его в землю.

После этого началась обычная человеческая история.

Если что-то можно есть, продавать или перегонять в спирт, люди рано или поздно перестают считать это исключительно научной проблемой.

Бобр был одним из тех, кто перестал раньше других.

— Сегодня кого? — спросил Берёза.

— Тёлку.

— Рыжую?

— Не дай бог.

— А что с ней?

— Характер.

— Корова с характером?

— Ты её увидишь — сам характером станешь.

Дорога пошла вниз. Туман здесь лежал плотнее. Ветви лещины цеплялись за одежду. Где-то впереди глухо стукнул дятел.

Лес менялся по мере спуска к низине.

Сосны остались выше, на сухом месте. Здесь росли ольха, осина, густой орешник. Под ногами темнела земля, напитанная водой; опавшие листья слиплись в тяжёлый коричневый

слой и почти не шуршали.

Издалека доносилась Лопасня.

Не сам звук воды — скорее постоянный низкий шум, который замечаешь только после того, как он исчезает.

Берёза любил лес, пока лес оставался просто лесом.

В детстве ему казалось, что природа успокаивает человека. С возрастом понял: она ничего не делает специально. Спокойствие возникает потому, что дереву всё равно, сколько ты должен, где работаешь, чего не успел и что скажут завтра.

Квант испортил даже это.

Теперь любое красивое место сначала приходилось оценивать.

Есть ли следы.

Не слишком ли тихо.

Правильно ли ведёт себя вода.

Почему птица повторяет один ритм.

Не лежит ли туман там, где его не должно быть.

Красота осталась.

Беззаботность исчезла.

Бобр остановился.

Берёза тоже.

— Что?

— Слышишь?

— Дятел.

— Вот именно.

Берёза прислушался.

Стук повторился.

Три раза.

Пауза.

Три раза.

Пауза.

Три раза.

Равномерно, как метроном.

— И?

Бобр снял карабин с предохранителя.

— Он так уже минут пять.

Берёза оглянулся.

Он действительно слышал стук ещё у поворота, но не обращал внимания.

— Может, дятел упоротый.

— Может.

— Может, не дятел.

— Тоже может.

Они пошли дальше, не меняя темпа.

Звук прекратился сам.

Через полкилометра лес разошёлся. Впереди показались старые фермерские постройки — длинные серые корпуса, ржавая силосная башня, два ангара и домик охраны без двери. За ними лежало поле, заросшее высоким бурьяном.

До самой фермы они ещё дважды останавливались.

Первый раз Бобр нашёл на влажной земле свежий помёт

и долго рассматривал его палкой.

Берёза стоял рядом и молчал.

Второй — возле узкой просеки, где в траве лежали два вырванных куста.

Следы уходили к полю.

Бобр присел.

На рыхлой земле отпечталось копыто.

Рядом другое.

Расстояние между ними было неправильным для спокойного шага.

Животное бежало.

— Давно? — спросил Берёза.

Бобр потрогал край следа.

— Ночь.

Берёза посмотрел в сторону фермы.

Отсюда её ещё не было видно.

Только серое небо между верхушками деревьев.

Охота вдруг перестала казаться прогулкой за мясом.

Бобр поднялся и изменил маршрут.

Не объясняя.

Они обошли участок по дуге, вышли на более сухое место и только там снова повернули к полю.

Берёза следовал.

Это раздражало ту часть его характера, которая привыкла понимать план.

Но другая часть понимала: чужой опыт иногда дешевле

собственного.

На краю леса они остановились в тени.

Перед ними лежало поле.

Туман уже начал рваться. Сквозь него проступали пятна бурьяна, старая ограда, дальний корпус фермы.

Стадо было видно плохо.

Отдельные спины появлялись и исчезали в белой дымке.

Берёза поднял бинокль.

Восприятие масштаба сразу изменилось.

То, что глаз видел как тёмное пятно, в оптике становилось животным с шерстью, грязью на боку, движением ушей.

Одна корова медленно жевала.

Другая стояла неподвижно.

Третья почесала шею о бетонный столб.

Нормальные действия.

Именно это сбивало сильнее мутаций.

Если бы по полю ходили чудовища, человеку было бы проще назначить правила: это опасно, стреляй, не приближайся.

Но здесь были коровы.

Просто некоторые коровы выдерживали попадания, от которых обычная падала.

Некоторые меняли строение тканей.

Некоторые становились агрессивнее.

При этом продолжали пастись, рожать телят и узнавать знакомые места.

Бобр не называл их мутантами, если не требовалось объ-

яснять новичку.

Он говорил «скот».

Это отношение нравилось Берёзе.

Не романтизировать.

Не демонизировать.

Смотреть, что перед тобой сейчас.

— Ветер к нам, — тихо сказал Бобр.

Берёза почувствовал запах сильнее.

Навоз.

Сырая шерсть.

Старое сено.

Кровь.

Ферма приближалась не расстоянием, а запахом.

Бобр снял перчатки и проверил патронник.

Берёза повторил.

Никакой команды не потребовалось.

Они оба уже перестали разговаривать как люди, которые идут за мясом.

Теперь они входили туда, где ошибка могла весить полтонны.

Бобр присел за бетонным блоком.

— Вон.

Берёза увидел коров не сразу.

Они стояли в траве неподвижно, шесть или семь тёмных фигур. Обычные на первый взгляд. Только слишком широкие в груди и слишком низко держали головы.

— Какая наша?

— Белая с чёрной шеей.

— Там две.

— Та, у которой левый рог вниз.

Берёза нашёл.

— Почему именно она?

— Хромает. Остальных ещё рано.

— Ты их разводишь, что ли?

— А думаешь, мясо из воздуха берётся?

Бобр произнёс это с искренним недоумением.

Берёза поднял бинокль.

Животное действительно хромало. Тело массивное, почти бочкообразное. Шея покрыта грубой короткой шерстью. Кожа на плечах образовывала странные плотные складки, будто под ней лежал второй слой.

— Далеко?

— Сто двадцать.

— Сердце там же?

— Почти.

— «Почти» мне нравится.

— У неё грудина толще. Стреляй чуть выше.

Берёза опустил бинокль.

— А ты?

— Я посмотрю.

— За что я тебя люблю.

— За то, что я знаю, какую потом ногу тебе отдать.

Берёза ещё раз посмотрел на стадо.

— Они все одинаково вкусные?

— Нет.

— А от чего зависит?

Бобр ответил так, будто речь шла о выборе яблок.

— Возраст. Корм. Насколько сильно изменён обмен. Те, что совсем ушли в агрессию, жёстче.

— Ты сейчас серьёзно классифицируешь мутантов по гастрономии?

— А по чему их ещё классифицировать?

— По опасности.

— Опасность заканчивается после выстрела. Вкус остаётся.

Берёза кивнул с уважением.

— Вот это научный подход.

— Учёные сначала брали образцы, потом спрашивали, можно ли есть. Мы сначала ели, потом смотрели, кто умер.

— Кто-нибудь умер?

— Нет.

— Значит, выборка хорошая.

Бобр покосился.

— С Сапановым лучше так не говори. Он тебе таблицу даст.

Они разделились.

Бобр ушёл вправо, вдоль старой ограды. Берёза лёг в траву и установил винтовку на сошки.

Холод от земли сразу прошёл через куртку.

Берёза устроился удобнее, вдавил приклад в плечо и несколько секунд просто лежал, позволяя телу привыкнуть к положению.

Прицел сузил мир.

Ферма исчезла.

Исчезли ангары, туман, Бобр, дорога назад.

Остался круг стекла, трава и животное.

Он всегда любил этот момент.

Не выстрел.

Тишину перед ним.

Стрельба для хорошего стрелка начиналась задолго до нажатия на спуск. Положение тела. Опора. Дыхание. Ветер. Расстояние. Угол. То, что можно учесть, и то, что приходится принять.

В этом было что-то почти честное.

Пуля не интересуется намерением.

Если ошибся — ошибка летит вместе с ней.

Берёза поймал тёлку в сетке прицела.

Хромота была заметнее при увеличении. Левый бок двигался тяжело. На шерсти возле плеча засохла грязь. Животное щипало траву совершенно спокойно.

На секунду ему стало неприятно.

Не жалко в привычном смысле.

Просто цель снова стала коровой.

Живой, тёплой, занятой своим делом.

Он вспомнил слова Бобра: остальных ещё рано.

Значит, убивают не всё подряд.

Выбирают.

Оставляют молодых.

Следят за стадом.

Даже здесь люди умудрились превратить мутировавших животных обратно в хозяйство.

Это почему-то казалось одновременно разумным и чудовищным.

Берёза медленно выдохнул.

Работа.

Еда.

Образцы.

Никакой философии.

Палец лёг на спуск.

Ветер был слабым. Дистанция смешная. Он нашёл тёлку в прицеле.

Дыхание. Пауза. Палец лёг на спуск.

И в этот момент другая корова подняла голову.

Стоявшая ближе.

Она смотрела прямо на Берёзу.

Расстояние — метров восемьдесят.

Он не двигался.

Корова сделала шаг. Потом второй.

Остальные продолжали жевать.

— Бобр, — тихо сказал Берёза в рацию.

— Вижу.

— Она меня видит.

— Не двигайся.

— Спасибо, охуенный совет.

Животное сделало ещё шаг. Голова была тяжёлая, почти квадратная. Ноздри широко раскрыты. На одном глазу мутная белёсая плёнка.

— Это Рыжая? — спросил Берёза.

— Нет.

— А чего тогда?

— Ты ей не нравишься.

— Мы даже не знакомы.

Корова вдруг рванула.

Время не замедлилось.

Берёза потом особенно хорошо это помнил.

В кино опасность растягивается: человек успевает увидеть каждую деталь, принять решение, красиво повернуть голову.

В жизни большая туша просто перестала стоять.

Первый прыжок смял высокую траву.

Второй оказался уже ближе.

Он услышал не рёв, а тяжёлый удар копыт по сырой земле и влажное дыхание.

Организм среагировал раньше мысли.

Плечо закрепило приклад.

Прицел дёрнулся на грудь.

Выстрел.

Отдача.

Запах пороха.

Животное не упало.

Вот это мозг отметил сразу.

Не должно было быть так.

Пуля такого калибра на этой дистанции обязана была изменить поведение цели хотя бы на секунду.

Корова только сбилась с шага.

Берёза успел подумать одно короткое:

«Плохо».

Второй выстрел прозвучал почти сам.

Теперь страх появился полностью.

Не паника.

Холодная ясность, в которой мир превращается в набор расстояний.

До животного.

До бетонного блока.

До винтовки, если придётся бросить.

До Бобра.

До дерева справа.

Всё остальное перестало существовать.

Без предупреждения.

Без фыркания.

Просто за секунду превратилась из неподвижной туши в тяжёлую массу, летящую через траву.

Берёза выстрелил.

Пуля ударила в плечо.

Животное качнулось, но не остановилось.

Второй выстрел.

Третий.

Дистанция исчезала быстрее, чем должна была.

Берёза успел перекатиться в сторону.

Корова пронеслась там, где он лежал, задела сошки и подбросила винтовку в траву.

— Блять!

Он вскочил.

Животное развернулось удивительно быстро.

Бобр выстрелил справа.

Корова дёрнулась, упала на передние колени, но снова поднялась.

Берёза выхватил пистолет.

— Она вообще в курсе, что умерла?!

— Пока нет!

Он выстрелил почти в упор. Один раз. Второй. Третий.

После четвёртого животное рухнуло.

Тишина вернулась не сразу.

Сначала Берёза слышал собственное дыхание.

Слишком громкое.

Потом щёлканье чего-то металлического — оказалось, дрожащая антабка винтовки билась о сошку.

Потом ворону над ангаром.

Руки работали нормально.

Это он проверил первым.

Пальцы.

Магазин.

Затвор.

Пистолет.

Ноги.

Боли нет.

Только после этого тело разрешило себе почувствовать
остальное.

Колени стали мягкими.

Во рту появился металлический привкус.

Под курткой по спине тек пот, хотя утро оставалось хо-
лодным.

Берёза посмотрел на лежащее животное.

Несколько секунд назад оно занимало весь мир.

Теперь снова стало мясом, кожей, образцами и весом.

Переход был слишком быстрым.

Он не любил эту сторону охоты.

Бобр подошёл спокойно, но Берёза увидел: тот тоже ды-
шит глубже обычного.

Значит, боялся.

Просто Бобр не тратил страх на лицо.

Берёза запомнил.

Берёза отступил на несколько шагов, всё ещё держа ору-
жие наведённым.

— Готова?

— Не подходи.

— Я и не собирался.

Бобр подошёл сбоку и ткнул тушу длинной палкой.

Никакой реакции.

— Теперь готова.

Берёза посмотрел на него.

— Ты сказал, наша — другая.

— Была.

— Эта нам не нужна?

Бобр задумался.

— Теперь нужна.

— Отлично. Люблю гибкое планирование.

Они подошли к туше.

Под кожей грудной клетки шли плотные пластины. Не костяные — скорее похожие на жёсткий хрящ. Они перекрывали друг друга, образуя естественную защиту вокруг сердца и лёгких.

— Это давно у них?

— У этой не видел.

— Ты же их знаешь.

— Всех не осматриваю каждое утро.

Бобр сделал надрез.

Кровь была обычная. Мышечная ткань — на вид тоже. Под кожей обнаружился почти сантиметровый волокнистый слой.

— Вот поэтому пуля и не вошла нормально, — сказал Бе-

рёза.

— Угу.

— Учёным кусок?

— Конечно.

— Сколько?

Бобр посмотрел на него.

— Ты сейчас про мясо или деньги?

— Да.

Они работали почти час. Бобр разделял тушу уверенно, как мясник. Берёза помогал и одновременно складывал в отдельные пакеты всё, что могло заинтересовать лабораторию: кусок защитной ткани, лимфатический узел, образец шерсти, небольшой фрагмент рога.

Работа быстро стала физической и грязной.

Тёплый пар поднимался от раскрытой туши в холодном воздухе. Нож скользил по соединительной ткани. Пальцы немели от крови и воды, потом снова согревались.

Бобр действовал без суеты.

Каждый кусок имел назначение.

Мясо — отдельно.

То, что заберёт Муха, — отдельно.

Образцы учёным — в подписанные пакеты.

Подозрительные ткани — не смешивать.

Берёза сначала попытался помогать быстрее, потом понял, что скорость здесь только мешает.

— Режь по плёнке, — сказал Бобр.

Берёза увидел тонкую белую границу между мышцами.
До подсказки не замечал.

Он провёл ножом.

Мясо разошлось почти само.

Эта простая работа неожиданно успокаивала.

После стрельбы телу требовалось действие.

Не разговор.

Не анализ.

Поднять.

Отрезать.

Упаковать.

Затянуть узел.

Подписать маркером время.

Берёза поймал себя на том, что понимает, почему Бобр
выглядит таким спокойным почти всегда.

Человек, который много лет имеет дело с лесом, смертью
животных и тяжёлой физической работой, привыкает ува-
жать последовательность действий.

Сначала сделать необходимое.

Потом думать, что чувствуешь.

— Печень не бери, — сказал Бобр.

— Почему?

— Горчит.

— Это научный вывод?

— Практический.

— Сам пробовал?

— Дед пробовал.

— И?

— Два дня всех ненавидел.

— Может, печень ни при чём.

— Может.

К полудню солнце поднялось высоко. Туман исчез, поля стали жёлто-зелёными, блестящими после дождя. Старая ферма выглядела почти мирно.

Именно тогда из-за ангара вышла Рыжая.

Бобр замер.

Берёза тоже.

Она была крупнее остальных. Значительно. Шерсть на боках действительно отливала рыжим. Один рог обломан. Второй выгнут вперёд.

— Это она? — шёпотом спросил Берёза.

— Она.

— Большая.

— Я говорил.

Рыжая посмотрела на них. Потом на разделанную тушу. Потом снова на них.

Берёза медленно взял винтовку.

— Не надо, — сказал Бобр.

— Почему?

— Она пока далеко.

— А потом будет близко.

— Если побежит — стреляй.

— Охуенная стратегия.

Рыжая не побежала.

Она просто стояла.

За ней из травы начали выходить остальные.

Одна. Вторая. Третья.

Берёза насчитал девять.

— Их утром было семь.

— Шесть, — сказал Бобр.

— Я видел семь.

— Было шесть.

— Две белые, три тёмные, Рыжая и та, которую мы убили.

Бобр посмотрел на него.

— Рыжей утром не было.

Берёза нахмурился.

Он совершенно точно видел крупную рыжую фигуру у края стада.

Или думал, что видел.

— Уходим, — сказал Бобр.

— Мясо?

— Возьмём сколько унесём.

— Всё унесём.

— Берёза.

— Чего?

— Там килограммов триста.

Берёза посмотрел на мешки. Потом на Рыжую. Потом снова на мешки.

— Жалко.

— Я знаю.

Они взяли около шестидесяти килограммов.

Шестьдесят килограммов звучали разумно, пока не пришлось их нести.

Мешки тянули плечи назад. Ремни впивались в ладони. На подъёме Берёза чувствовал каждую мышцу ног и упрямо отказывался отдавать Бобру ещё часть груза.

Не из желания показать силу.

Просто считал иначе.

Каждый лишний килограмм мяса означал несколько ужинов.

Каждый образец — возможную оплату от учёных.

Каждая полезная ткань, которую сегодня бросишь из-за усталости, завтра может понадобиться.

Бобр эту бухгалтерию понимал.

Поэтому спорил только один раз.

Потом шёл молча.

Солнце уже поднялось выше леса. От тумана остались светлые полосы над Лопасней. Поля за Починками блестели влажной стернёй, на голых ветках сидели вороны.

Берёза оглянулся.

Ферма издали снова выглядела заброшенной и тихой.

Никаких чудовищ.

Серые корпуса.

Ржавая башня.

Стадо в высокой траве.

Рыжая стояла возле ангара.

С такого расстояния — обычная корова.

И именно это беспокоило сильнее всего.

Опасность Кванта редко предупреждала формой.

Большинство вещей сохраняли достаточно знакомого, чтобы человек сделал ещё один шаг.

Берёза отвернулся и поправил мешок.

У него болело плечо.

Хотелось есть.

Хотелось домой.

К Алине — особенно.

Эти желания были настолько простыми, что после фермы казались почти роскошью.

Берёза нёс больше половины.

По дороге назад Бобр долго молчал.

У края леса он остановился, снял левую перчатку и проверил старую культю мизинца: кожа на ней покраснела от ремня мешка.

— Натёр? — спросил Берёза.

— Угу.

— В следующий раз меньше бери.

Бобр посмотрел на него, потом на мешок Берёзы, который был раза в полтора тяжелее.

— Сказал человек, который однажды пытался унести генератор, потому что «за него дадут нормально».

— Дали бы.

— Ты его даже до ворот не донёс.

— Это не отменяет цены.

Они двинулись дальше. За спиной оставалась ферма, над которой уже кружили вороны. Рыжая так и стояла у ангара и смотрела им вслед.

Берёза один раз оглянулся и поймал себя на неприятной мысли: он уже не был уверен, шесть коров видел утром или семь.

К деревне они вышли уже после полудня.

Последний километр всегда казался длиннее.

Мешок давил на плечо Берёзы так, что ремень будто врезался под кожу. Спина устала держать баланс. Пальцы на правой руке начали неметь, и несколько раз приходилось перехватывать груз.

Когда между деревьями показались первые крыши, он испытал почти детскую радость.

Не победу.

Просто можно будет поставить тяжёлое на землю.

У ворот их увидел Зелень.

Сначала мешки.

Потом кровь на одежде.

Потом винтовку.

Лицо стало серьёзным.

Берёза заметил этот порядок и одобрил.

Муха вышла через минуту.

Работа снова распалась на понятные действия.

Мясо — в холодное помещение.

Образцы — отдельно.

Одежду Берёзы — снять и проверить, нет ли ран, которых он на адреналине не чувствует.

Тушу никто не тащил посмотреть ради любопытства.

Бобр заранее пресекал такое.

С изменёнными животными он вообще был строже, чем с людьми.

Сначала безопасность.

Потом интерес.

Берёза сел на ступеньку медпункта без рюкзака и несколько секунд ощущал странную лёгкость, будто тело всё ещё ожидало вес.

Муха проверила плечо.

Там уже темнел большой синяк от приклада и ремня.

— Жить будешь.

Берёза кивнул.

Он это и сам предполагал.

Перед глазами всё ещё иногда вспыхивала корова, несущаяся через траву.

Не сама картинка даже.

Расстояние.

То, как быстро оно исчезало.

Он знал этот эффект после опасных ситуаций: мозг позже возвращает не весь эпизод, а один фрагмент, который по-

считал важным.

Сколько было метров.

Где лежало оружие.

Куда можно было уйти.

Так страх превращается в опыт.

Бобр прошёл мимо к складу образцов.

На левой руке перчатки не было.

Четыре пальца и культи мизинца были видны совершенно ясно.

Берёза задержал взгляд всего на секунду.

Обычная деталь.

Он уже привык.

Потом посмотрел на мешки с мясом и начал считать, сколько из этого можно оставить деревне, сколько отдать Мухе на проверку и сколько учёные возьмут за образцы.

Жизнь снова стала бухгалтерией.

Это тоже успокаивало.

Вечером Берёза добрался до телефона только после душа, еды и десяти минут, проведённых сидя на кровати без всякого желания двигаться.

Мышцы остыли и начали напоминать о каждом мешке отдельно.

Плечо ныло.

На ладонях появились красные полосы от ремней.

Он позвонил Алине.

Связь была плохой, голос иногда рассыпался, но это не

мешало.

Она рассказывала что-то бытовое: магазин, домашние дела, чей-то пост, который прислала ему ещё утром. Берёза слушал и чувствовал, как ферма постепенно отходит на безопасное расстояние.

Он не стал подробно рассказывать про корову.

Сказал только, что много ходили и устал.

Не потому, что хотел скрыть.

Просто понимал: некоторые подробности ничего не дают человеку снаружи, кроме чужого страха.

Алина спросила, поел ли он.

Вот это был вопрос, на который можно ответить точно.

Да.

Сколько?

Много.

Когда вернёшься?

Как смогу.

Он закрыл глаза и слушал её голос.

После леса, крови, стрельбы и тяжёлых мешков этот разговор казался почти нереальным в своей нормальности.

Берёза не хотел превращать Алину в символ.

Она была человеком.

И именно поэтому мысль о ней работала лучше любого символа.

Когда звонок закончился, он ещё немного сидел с телефоном в руке.

Потом достал блокнот и записал:

«Ферма. Стадо: шесть? семь? Рыжая утром — не уверен».

Ниже:

«Бобр — левая кисть, мизинца нет».

Не потому, что ожидал чего-то.

Просто после сегодняшнего дня ему вдруг понравилась привычка фиксировать очевидное.

Закрыв блокнот.

Лёг.

Уснул почти сразу.

Техническое задание

Сапсанов начал совещание с вопроса:

За окном с утра шёл мелкий дождь.

Не тот, что заставляет искать крышу, а почти невидимая водяная пыль, от которой асфальт темнеет постепенно, а люди через десять минут обнаруживают, что плечи уже мокрые.

В лабораторном корпусе пахло кофе, пластиком и нагретой электроникой.

На столе лежали записи последних дней.

Овраг.

Странный участок дороги.

Жалобы местных на звон в ушах.

Колебания компаса.

Непонятные статические заряды.

Каждый случай отдельно мог оказаться чем угодно.

Неправильно закреплённым проводом.

Влажностью.

Подземным кабелем.

Самовнушением.

Проблема была в том, что случаи начали копиться быстрее, чем они успевали их проверять.

Сапсанов смотрел на список и чувствовал знакомую профессиональную неудовлетворённость.

Исследователь всегда хочет больше данных.

Но существует момент, когда данных становится много, а понимания не прибавляется.

Это хуже их отсутствия.

Когда сведений мало, можно честно сказать: рано делать выводы.

Когда сведений много и они не складываются — приходится признать, что задаёшь неправильный вопрос.

Именно поэтому он начал не с датчиков.

С вопроса о задаче.

Ченцов, конечно, уже пришёл с готовой схемой в голове.

Это было видно по тому, как он раскладывал карандаши и смотрел на пустую доску.

Инженеру хотелось собирать.

Учёному — сначала понять, что именно он просит инженера собрать.

Между этими желаниями обычно и рождается нормальная техника.

Если люди не убьют друг друга раньше.

— Что именно нам нужно?

— Ещё раз. Что именно мы хотим получить?

Ченцов уже начинал раздражаться.

После первого черновика технического задания Ченцов объявил забастовку.

— Я не буду это собирать.

— Почему? — спросил Сапсанов.

— Потому что вы хотите прибор, который измеряет элек-

трическое поле, магнитное, звук, вибрации, температуру, влажность, газ, радиацию, давление и ещё настроение пользователя.

Лера посмотрела на лист.

— Настроение правда было?

— В шутку.

— Поэтому вычеркнул, — сказал Сапсанов.

Ченцов продолжил:

— И всё это меньше пяти килограммов, восемь часов от батареи, под дождём и за ноль рублей.

— Бюджет ограничен.

Лера перевела:

— За ноль.

Сапсанов тяжело вздохнул.

— Хорошо. Что выкидываем первым?

— Газ. Нормальный модуль дорогой и тяжёлый.

— А если опасность газовая?

— Пользователь умрёт компактно.

— Оставляем внешний разъём.

— Уже лучше.

Они спорили два часа. Акустический канал убрали, потом вернули. Радиацию вынесли во внешний модуль. Температуру и влажность объединили.

Главное требование Сапсанова было другим:

— Сырые данные сохранять.

— Зачем пользователю?

— Пользователю не нужны. Нам нужны.

— Прибор должен предупреждать, а не писать диссертацию.

— Если один раз предупредит, а мы не поймём почему, второй раз может не предупредить.

Ченцов помолчал.

— Ладно. Логично.

В дверь заглянул Зелень.

— Можно?

Сапсанов сразу сказал:

— Нет.

— Я только спросить. Если прибор найдёт хуйня, он пи-
шит?

Ченцов закрыл лицо руками.

— Вот. Пользовательский сценарий готов.

Сапсанов неожиданно позвал Зелень внутрь.

— Что тебе нужно от прибора?

— Чтобы я шёл и заранее знал: туда не идти.

— Насколько заранее?

— Метров десять.

— А на машине?

— Пятьдесят.

— А если стреляют?

— Тогда не прибор нужен.

Сапсанов кивнул.

— Ещё?

— Чтобы не было десяти лампочек. Я не запомню.

Ченцов посмотрел на него с уважением.

— Вот!

Сапсанов написал: «Индикация: простая. Уровень риска, не тип сигнала».

— Звук?

Зелень подумал.

— Нормально. Плохо. Очень плохо.

Лера улыбнулась.

— Три тона.

— И большая кнопка, — сказал Ченцов.

— Зачем?

— Пользователь Зелень.

— Я всё слышу.

— Именно поэтому.

Когда он ушёл, техническое задание стало короче и лучше.

Сапсанов перечитал страницу целиком.

Теперь в ней было меньше красивых слов.

Это радовало.

Плохое техническое задание часто узнаётся именно по уверенности.

«Определять аномалию».

«Предупреждать об опасности».

«Фиксировать воздействие Кванта».

Все эти формулировки звучали понятно, пока не задашь

простой вопрос: что прибор должен измерить физически?

Опасность не имеет разъёма.

Квант не выдаёт цифровой код события.

Даже слово «воздействие» предполагало механизм, которого они пока не знали.

Сапсанов вычеркнул ещё одну строку.

Лера следила.

— Вам нравится вычёркивать?

— Очень.

— Почему?

— Каждый вычеркнутый термин уменьшает число способов соврать самим себе.

Ченцов откинулся на спинку стула.

— А я думал, ТЗ нужно, чтобы заказчик красиво описал невозможное.

— Плохое — да.

Сапсанов подошёл к доске.

Написал крупно:

«ЧТО МЫ МОЖЕМ НАБЛЮДАТЬ ДО СОБЫТИЯ?»

Подчеркнул.

— Вот единственный полезный вопрос.

Руднев сказал:

— А если ничего?

— Тогда результат будет «ничего».

— И прибор не нужен.

— Значит, сэкономим время и деньги.

Ченцов покачал головой.

— Инженеры сейчас почувствовали тревогу.

Лера улыбнулась.

Но Сапсанов не шутил.

Ему действительно было проще закрыть проект, чем построить коробку, которая своим существованием заставит людей верить в несуществующую способность.

Псевдодетектор опаснее отсутствия детектора.

Человек без прибора осторожен.

Человек с прибором, который обещает безопасность, идёт туда, куда без него не пошёл бы.

— Видишь, — сказал Ченцов. — Иногда надо спросить человека, который будет пользоваться.

— Я знаю.

— Тогда почему два часа спрашивал нас?

— Потому что если сначала спросить Зелень, мы бы проектировали пулемёт с датчиками.

Ченцов задумался.

— Тоже неплохо.

— Нет.

— Прибор, который скажет, что впереди хуйня.

— Это не техническое требование.

— Для пользователя — идеальное.

— Как он должен понять, что впереди хуйня?

— Загорится лампа.

— На основании чего?

— На основании измерений.

— Каких?

Ченцов помолчал.

— Вот поэтому я и пришёл к вам.

Сапсанов потёр переносицу.

— Нет. Поэтому мы сначала перечисляем наблюдаемые параметры. Электростатика. Магнитное поле. Акустика. Температура. Газовый состав. Потом проверяем, что из этого вообще коррелирует с опасными участками.

— А потом лампа?

— Потом, возможно, лампа.

— Красная?

— Любая.

— Красная понятнее.

— Ченцов.

— Всё. Пишу: «световая индикация». Без цвета. Демократия.

Ченцов ответил первым:

— Прибор.

Сапсанов снял очки и на секунду прикрыл глаза.

Ченцов улыбнулся.

— Я знал.

— Что знал?

— Что ты вздохнёшь.

— Тогда зачем сказал хуйню?

Лера подняла глаза от ноутбука.

Руднев усмехнулся.

На столе лежали образцы с фермы: кусок плотной ткани, шерсть, кровь, фрагмент рога. Крылова уже забрала часть в биологический блок, но собрание было не о коровах.

За последние несколько дней в журнал попали три похожих сообщения. Первым был овраг возле реки, где Игорь утверждал, что грунт «держал ногу». Затем местные отметили похожий участок у дороги между Починками и Хатуню. Военные успели выставить ленту, но к повторному осмотру обычные свойства грунта восстановились.

Именно это раздражало Сапсанова больше всего.

Не опасность. Не неизвестность. Отсутствие воспроизводимости.

— Ещё раз, — сказал он. — Что именно нам нужно?

Ченцов перестал улыбаться.

— Способ обнаруживать участок до контакта с человеком.

— Уже лучше.

— На дистанции.

— Какой?

— Чем больше, тем лучше.

Сапсанов посмотрел на него.

— Это не параметр.

— Пятьдесят метров.

— Почему пятьдесят?

— Чтобы успеть остановиться.

— Если человек идёт пешком?

— Да.

— Машина?

— Сто.

— То есть уже не пятьдесят.

Ченцов потёр лицо.

— Поэтому я ненавижу технические задания.

— Нет. Ты ненавидишь момент, когда выясняется, что идея и изделие — разные вещи.

Сапсанов подошёл к доске и написал:

**ЗАДАЧА: ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О ЛОКАЛЬНОМ
ОПАСНОМ СОСТОЯНИИ СРЕДЫ ДО ФИЗИЧЕСКОГО
КОНТАКТА.**

— Пока так.

Руднев поднял руку.

— Возражение.

— Говори.

— Мы не знаем, что именно детектируем.

— Да.

— Тогда формулировка «опасное состояние среды» ничего не значит.

— Значит достаточно для первого этапа. Нам не нужно понимать природу сигнала, чтобы искать корреляции.

— Корреляции с чем?

— С наблюдаемым эффектом.

— Каким?

Сапсанов повернулся к Лере.

— Список.

Она открыла таблицу.

— Эпизод один: локальное изменение механических свойств грунта. Эпизод два: аналогичный эффект без пострадавших. Эпизод три — рассказ Деда о «мягкой дороге» два месяца назад, без измерений.

— Рассказ Деда — не данные, — сказал Руднев.

— Рассказ Деда — наблюдение, — ответил Сапсанов. — Данные из него получатся, если мы сможем сопоставить его с чем-нибудь измеримым.

— Например?

Сапсанов начал перечислять:

— Электромагнитное поле. Электростатика. Ионизация воздуха. Температура. Влажность. Акустика. Инфразвук. Локальная гравитация, если Илья перестанет смотреть на меня как на идиота. Радиационный фон. Газовый состав. Вибрация. Потенциал грунта.

Ченцов присвистнул.

— Ты хочешь повесить на человека метеостанцию, лабораторию и спутник?

— На первом прототипе — да.

— Он килограммов двадцать будет.

— Значит, не носить.

— А как?

— Тележка.

Лера рассмеялась.

— Зелени только не говорите.

— Почему? — спросил Руднев.

— Потому что у нас уже есть одна тележка с пулемётом.

Сапсанов замолчал.

— Что?

— Ничего.

— Нет. Я хочу понять контекст.

— Лучше не надо.

Ченцов записывал параметры.

— Питание?

— Автономное.

— Сколько?

— Минимум восемь часов.

— Температура эксплуатации?

— От минус двадцати до плюс сорока.

— В дождь?

— Обязательно.

— Пыль?

— Да.

— Удары?

— Люди будут ронять.

— Насколько?

— С высоты человеческого долбоебизма.

Ченцов записал: «1,5 м».

Сапсанов заметил.

— Почему полтора?

— Средний долбоебизм.

К полудню у них появился документ на девять страниц.

Не прибор.

Документ.

Ченцов смотрел на него без любви.

— Ты понимаешь, что быстрее было бы просто собрать что-нибудь?

— Быстрее.

— И?

— Через неделю выяснилось бы, что оно не умеет половину того, что нам нужно.

— Зато было бы что испытывать.

— Будет.

— Когда?

— После того, как определимся, что именно испытываем.

Руднев стоял у окна.

За ним тянулись поля, дорога и лес. С этой высоты Квант выглядел почти как обычное Подмосковье. Небольшие дома, полосы пашни, серебристая лента реки, крыши дачных посёлков.

— Допустим, — сказал он. — Мы собрали все датчики. Что дальше?

— Идём в место, где эффект был.

— Его там уже нет.

— Поэтому ищем следующие случаи.

— То есть ждём, пока кто-нибудь снова вляпается?

— Нет. Используем местных.

Лера подняла голову.

— В смысле?

— Они годами ходят по территории. У них есть набор наблюдений, которые никто не оформлял как данные.

Руднев усмехнулся.

— «Народная база аномалий»?

— Именно.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

Сапсанов написал на доске:

СООБЩЕНИЯ МЕСТНЫХ:

— места, где «фонит»;

— участки, которые обходят животные;

— изменение звука;

— изменение поведения компаса;

— повторяющиеся запахи;

— температура;

— визуальные эффекты;

— головная боль;

— «нехорошо».

Список получился почти обидно бытовым.

Запах.

Головная боль.

Животные обходят место.

Странно звучит лес.

Компас ведёт себя не так.

Ноги «тяжёлые».

У нескольких записей не было даже нормального существительного.

Ченцов смотрел на доску с выражением человека, которому предложили построить спутник по жалобам соседей.

Сапсанов понимал его.

Но именно в таких неформальных наблюдениях иногда появляется признак раньше, чем прибор.

Человек — плохой измерительный инструмент.

Зато очень сложный.

Он одновременно чувствует температуру, давление, запах, звук, положение тела, изменение зрения и ещё сотню вещей, которые не умеет назвать.

Фраза «мне здесь нехорошо» научно бесполезна сама по себе.

Пять независимых «нехорошо» в одной точке — уже повод поставить датчики.

Сапсанов не хотел романтизировать интуицию.

Интуиция часто ошибается.

Но игнорировать её только потому, что она плохо переводится в числа, было бы такой же ошибкой.

Руднев подошёл к доске.

— Нужно разделить субъективные признаки и физические.

— Да.

— И ещё время появления.

— Да.

Лера добавила:

— И кто именно сообщает. Одни люди тревожнее других.

Сапсанов посмотрел на неё.

— Отлично.

Она взяла маркер и добавила столбец:

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Ченцов вздохнул.

— Я пришёл делать прибор, а мы строим анкету.

— Прибор без нормальной анкеты потом измерит то, что мы сами придумали.

— Ненавижу, когда вы правы.

— Это взаимно.

Совещание стало рабочим.

Руднев указал на последнее.

— Это научный термин?

— Если пять независимых человек говорят «мне там нехорошо», а датчик потом показывает один и тот же параметр — станет научным.

Ченцов кивнул.

— Ладно. Тогда я сделаю шину под сменные датчики. Чтобы не перепаявать всё каждый раз.

Сапсанов повернулся.

— Вот.

— Что?

— Теперь появилась идея.

— Она была у меня до совещания.

— Нет. До совещания у тебя было желание собрать прибор.

Через два дня первый прототип стоял на столе.

Два дня звучали быстро только со стороны.

Для Ченцова это были две ночи почти без сна, три похода на склад, спор из-за аккумуляторов, один сгоревший преобразователь и длинное сообщение знакомому инженеру, который сначала спросил, зачем нужен такой набор датчиков, а потом разумно решил не спрашивать.

Корпус собирали из того, что было.

Алюминиевая рама — от старого измерительного блока.

Ручка — от промышленного кейса.

Аккумуляторы — стандартные, потому что нестандартные в Кванте означали будущую проблему снабжения.

Разъёмы Ченцов намеренно выбрал крупные.

— Почему не компактнее? — спросила Лера.

— Потому что компактное красиво до первой зимы в перчатках.

Он работал без привычной насмешки.

Инженерная сосредоточенность делала его другим человеком.

Каждый провод получал номер.

Каждый датчик — место.

Перед закрытием корпуса он фотографировал внутренности.

— Ты тоже заразился документацией? — спросила Лера.

— Нет. Я не хочу через неделю разбирать эту херню и угадывать, какой провод придумал идиот.

— Идиот — ты.

— Именно. Я себя знаю.

Сапсанов услышал и одобрил.

Документация нужна не потому, что разработчик глуп.

Потому что будущий разработчик — даже если это тот же человек — уже не помнит сегодняшнюю голову.

В Кванте эта мысль звучала неприятно буквально.

Ченцов тоже это понял.

Поэтому сфотографировал плату ещё раз.

Он был уродлив.

Алюминиевый каркас, аккумуляторный блок, модуль регистрации, пять датчиков, два кабеля снаружи и ручка от

старого промышленного кейса.

Лера посмотрела.

— Красиво.

— Пошла нахуй, — сказал Ченцов.

— Я серьёзно.

— Тогда тем более.

На корпусе маркером было написано:

0.1

Сапсанов кивнул.

— Документация?

Ченцов молча положил рядом папку.

— Двадцать семь страниц.

Сапсанов открыл.

— Схема?

— Страница восемь.

— Состав?

— Десять.

— Калибровка?

— Четырнадцать.

— Ограничения?

— Двадцать один.

Сапсанов закрыл папку.

— Хорошо.

Ченцов подозрительно посмотрел на него.

— И всё?

— А что ты хотел?

— Не знаю. Вздох.

Сапсанов провёл ладонью по лицу.

— Спасибо.

Первое испытание провели возле дороги.

Ничего.

Второе — у оврага, где Игорь повредил ногу.

Ничего.

Третье — в лесу возле участка, который Дед называл «пустым».

На расстоянии семи метров резко выросла статическая составляющая поля.

Лес вокруг участка выглядел совершенно обычным.

Мокрые стволы.

Черничник.

Старая колея, заполненная водой.

На ветках висели капли, и каждая отражала серое небо.

Никакой границы глаз не видел.

Лера стояла с журналом и старалась не смотреть на экран чаще, чем требовалось.

Сапсанов специально развёл роли.

Человек с прибором видит показания.

Человек с журналом — место и время.

Человек с камерой — происходящее.

Если все смотрят в один экран, группа очень быстро начинает видеть то, что ожидает увидеть оператор.

Ченцов сделал шаг назад.

Показание снизилось.

Вперёд.

Выросло.

Ещё раз.

Сапсанов чувствовал, как внутри появляется возбуждение.

Он не любил это состояние.

Именно в нём исследователь наиболее уязвим.

Хочется, чтобы сигнал повторился.

Хочется назвать его значимым.

Хочется наконец сказать: нашли.

Поэтому он заставил их отойти на двадцать метров и поменять оператора.

Потом развернули прибор на сто восемьдесят градусов.

Потом отключили один канал.

Потом повторили маршрут с другой стороны.

Сигнал оставался.

Руднев молчал дольше обычного.

— Ну?

— Я думаю, как это испортить.

Ченцов посмотрел.

— Спасибо.

— Если не можем испортить нормальным объяснением, тогда начнём радоваться.

Сапсанов кивнул.

Это была правильная последовательность.

Не доказать свою идею.

Попытаться её уничтожить.

И посмотреть, что останется.

Лера остановилась.

— Есть.

Ченцов посмотрел на график.

— Может, линия?

Руднев достал схему сетей.

— Здесь ничего нет.

Сапсанов сделал шаг в сторону.

Показание упало.

Шаг назад.

Выросло.

— Повторяем.

Повторили десять раз.

Результат сохранялся.

— Наконец-то, — сказал Ченцов.

Сапсанов не улыбнулся.

— Пока мы нашли место, где датчик показывает хрень.

— Оптимист.

— Реалист.

Лера бросила сухую ветку вперёд.

Ничего.

Камень.

Ничего.

Ченцов сделал полшага.

Сапсанов схватил его за рюкзак.

— Не надо.

— Мы должны понять эффект.

— Для этого существуют неживые объекты.

— Камень не сработал.

— Значит, следующий этап.

— Какой?

Сапсанов посмотрел на него.

— Манекен.

— Где мы возьмём манекен?

— У военных.

Руднев усмехнулся.

— Они дадут?

— Нет.

— Тогда?

— Поэтому сначала напишем запрос.

Ченцов застонал.

Сапсанов снова посмотрел на прибор.

На экране линия медленно колебалась.

Стабильно.

Предсказуемо.

Почти нормально.

Он вдруг почувствовал редкое, неприятное удовлетворение.

Не потому, что они что-то поняли.

Потому, что впервые Квант оставил след раньше, чем

успел кого-нибудь ударить.

После первого полевого успеха Сапсанов не дал никому назвать прибор рабочим.

Ченцов обиделся почти всерьёз.

— Он показал сигнал.

— Один сигнал.

— Повторяемый.

— В одном месте.

— На десяти проходах.

— В одном месте.

Лера наблюдала за ними и понимала обоих.

Ченцов хотел признания не из тщеславия.

Он двое суток собирал устройство из чужих деталей, заставил его не сгореть, не зависнуть и показать что-то воспроизводимое.

Для инженера это уже результат.

Сапсанов защищал другое.

Границу между «работает как прибор» и «помогает принимать решение».

Если эту границу стереть, через неделю местные начнут спрашивать: «Можно туда идти, если коробка молчит?»

И тогда научная осторожность превратится в чужой риск.

Сапсанов сказал:

— Пока он умеет измерять среду.

— И нашёл участок.

— Да.

— Тогда хоть это можно признать?

— Можно.

Ченцов выдохнул.

Иногда людям важно не похвала.

Важно, чтобы сделанное ими получило точное имя.

Сапсанов это понимал хуже, чем инженерные требования.

Но постепенно учился.

В лаборатории вечером Лера подписала файл:

Detector_Test_v01.

Сапсанов подошёл.

— Не так.

— А что?

— Формат имени.

— Сергей Павлович...

Он тяжело вздохнул.

Лера закрыла глаза.

— Хорошо. Говорите.

— Дата, проект, версия, тип испытания.

— Я когда-нибудь уйду отсюда.

— Зато все твои файлы найдут.

— После моей смерти?

— Особенно после.

Она посмотрела на него.

— Мрачный вы человек.

— Я системный.

На доске за его спиной всё ещё было написано:

Первый корпус прототипа развалился не на испытаниях.
На лестнице.

Ченцов нёс его одной рукой, другой открывал дверь. Защёлка выскочила, крышка упала, датчик ударился о ступеньку.

Тишина.

Лера выглянула.

— Это тест падения?

Ченцов стоял неподвижно.

— Да.

— Запланированный?

— Теперь да.

Сапсанов пришёл на звук.

— Что произошло?

— Падение с высоты примерно восемьдесят сантиметров на бетон.

— Результат?

Ченцов поднял крышку.

— Не прошёл.

Сапсанов медленно выдохнул.

— Хорошо.

— Почему все радуются, когда моя работа ломается?

— Потому что лучше здесь, чем в поле.

— Я знаю. Всё равно обидно.

Они разобрали корпус. Плата цела. Отошёл разъём и треснуло крепление батареи.

Зелень, оказавшийся рядом, сказал:

— Я бы резиной обложил.

Ченцов посмотрел.

— Какой?

— От камеры велосипедной.

— Почему?

— Дёшево. И не гремит.

Ченцов задумался.

— Неплохая идея.

Зелень расправил плечи.

Сапсанов сразу сказал:

— Турель всё равно нет.

— Я ничего не говорил.

— На всякий случай.

Так в версии 0.1 появилась прокладка из старой автомобильной камеры. В официальной документации она называлась «эластомерный демпфирующий элемент».

Кирпич, увидев формулировку, сказал:

— А написать «кусочек резины» нельзя?

Сапсанов ответил:

— Можно. Но тогда закупки не поймут, почему он стоит денег.

Ченцов расхохотался.

Когда прототип 0.1 впервые включили полностью, он пять минут показывал нормальные значения, потом завис.

Ченцов ударил по корпусу ладонью.

Экран ожил.

Сапсанов посмотрел.

— Это входит в инструкцию?

— Теперь да.

— Нет.

— Работает же.

— Это не метод ремонта.

Кирпич, пришедший посмотреть, сказал:

— Иногда метод.

Сапсанов повернулся.

— Пожалуйста, не объединяйтесь.

Ченцов проверил контакты. Причиной оказался слабый разъём питания.

Зелень спросил:

— А если в поле зависнет?

— Перезагрузка.

— Сколько?

— Двадцать секунд.

— Долго.

— Терпи.

— А можно две системы?

Ченцов задумался.

— Резервный регистратор?

— Ну.

Сапсанов кивнул.

— Во второй версии.

— Почему не сейчас?

— Потому что каждая новая функция добавляет новые способы сломаться.

Зелень посмотрел на пулемёт.

— У меня проще.

— У тебя тоже бывает осечка.

— Тогда передёрнул.

Ченцов улыбнулся.

— Вот. Пользователь хочет аппаратный reset.

Сапсанов помолчал.

В итоге на корпусе появилась отдельная механическая кнопка перезапуска под крышкой, чтобы Зелень не нажал случайно.

Он обиделся.

— Я аккуратный.

— Именно поэтому крышка прозрачная. Будешь видеть.

Перед первым настоящим полевым тестом Сапсанов устроил репетицию во дворе. Один человек несёт прибор. Второй фиксирует координаты. Третий ведёт бумажный журнал. Четвёртый снимает видео.

Во дворе это выглядело смешно.

Четверо взрослых людей медленно шли между сараем и старой яблоней так, будто отрабатывали выход в открытый космос.

Сил остановился посмотреть.

Потом пришёл Зелень.

Потом Кирпич.

Через пять минут у репетиции появилась аудитория.

Сапсанов терпел.

Он специально выбрал двор.

Если процедура разваливается из-за шуток трёх местных жителей, в поле она развалится от первого испуга.

Оператор должен был сообщать только номер события.

Не интерпретацию.

Не «аномалия».

Не «что-то растёт».

Просто:

— Маркер один.

Второй человек записывает координаты.

Третий время.

Четвёртый снимает.

— А почему не говорить, что именно? — спросил Сил.

— Чтобы остальные не начали искать подтверждение.

— То есть если он скажет «магнитное поле», все внезапно вспомнят, что у них компас дёрнулся?

— Примерно.

Сил кивнул.

— Люди долбоёбы.

— Научный термин немного другой.

— Смысл тот же.

Зелень смотрел на прибор.

— А если он орёт «очень плохо», куда идти?

— Назад по своему следу.

— А если сзади уже плохо?

Сапсанов остановился.

Такого в инструкции не было.

Ченцов посмотрел на него.

Лера перестала улыбаться.

Зелень пожал плечами.

— Ну бывает.

Сапсанов взял журнал.

Добавил:

«При потере безопасного обратного маршрута — остановиться. Не выбирать новое направление только по показаниям прибора. Оценка группой».

— Почему остановиться? — спросил Зелень.

— Потому что панический выбор неизвестного направления хуже контролируемой остановки.

Зелень подумал.

— Логично.

Сил усмехнулся.

— Поздравляю. Он опять улучшил вашу науку.

Сапсанов ничего не ответил.

К сожалению, Сил был прав.

Зелень наблюдал.

— Много людей для одной коробки.

— Именно потому, что одна коробка может ошибаться,

— сказал Сапсанов.

— А четыре человека?

— Тоже могут.

— Тогда зачем?

Ченцов ответил:

— Чтобы ошибались по-разному.

Зелень задумался.

— Умно.

Сапсанов посмотрел на Ченцова.

— Запиши. Он понял лучше некоторых рецензентов.

На тренировке выяснилось, что оператор прибора не может одновременно смотреть на экран и под ноги. Лера чуть не упала в яму.

— Вот зачем второй человек, — сказала она.

Ченцов добавил на ремень звуковую сигнализацию.

— Теперь пищит громче.

Зелень одобрил.

— Можно ещё вибрацию.

— Зачем?

— Если стрельба, не услышишь.

Все замолчали.

Ченцов записал.

— Это тоже полезно.

Сапсанов потёр переносицу.

— Мы официально привлекли Зелень к разработке.

— Поздравляю, — сказала Лера.

— Я требую процент, — сказал Зелень.

Издалека Сил крикнул:

— Ничего ему не давайте!

Версия 0.1.

Вечером Ченцов остался один с прототипом.

Лаборатория после людей казалась больше.

На столе лежал открытый корпус, рядом отвёртки, мультиметр, несколько кабелей и лист со списком замечаний. За окном дождь наконец прекратился.

Он включил прибор.

Экран ожил.

Пять каналов.

Цифры.

Никакой магии.

Ченцов любил именно это.

Сложная вещь становится терпимой, когда её можно разложить на блоки.

Питание.

Датчик.

Контроллер.

Логирование.

Корпус.

Ошибка всегда где-то конкретно.

Даже если пока не знаешь где.

Квант раздражал его тем, что не уважал эту привычку.

Люди рассказывали про места, которых не было на карте, про странные ощущения, про объекты, меняющие свойства.

Что ремонтировать в такой системе?

Как найти плохой контакт у реальности?

Он усмехнулся собственной мысли.

Сапсанов бы запретил формулировку.

Ченцов открыл журнал и вместо неё написал:

«Требуется проверить устойчивость показаний при повторном проходе другим составом группы».

Конкретно.

Проверяемо.

Уже лучше.

Он выключил прототип и провёл ладонью по алюминиевому корпусу.

Устройство было уродливым.

Но честным.

Оно не обещало понять Квант.

Только записать то, что сможет измерить.

На этом этапе Ченцову этого хватало.

Шестнадцать

Коноваленко ненавидела, когда взрослые мужчины начинали говорить с ней медленнее.

В шестнадцать лет особенно хорошо замечаешь момент, когда человек меняет к тебе отношение.

До цифры он спорит.

После цифры начинает объяснять.

Теми же словами, только медленнее, будто возраст уменьшил не прожитые годы, а скорость мышления.

Коноваленко научилась ловить этот перелом почти сразу.

Чуть мягче голос.

Чуть больше улыбки.

Фраза «ты же понимаешь».

Иногда попытка похлопать по плечу.

Последнее она ненавидела особенно.

Её бесило не то, что люди считали её молодой.

Она и была молодой.

Бесило другое: вчерашнее решение не становилось хуже после того, как собеседник узнавал дату рождения. Насос не переставал работать. График дежурств не разваливался. Вода не текла в другую сторону.

Менялся только человек напротив.

Поэтому возраст Коноваленко почти никогда не называла первой.

Не прятала.

Просто не считала относящимся к делу.

Если кто-то хотел понять, умеет ли она организовать разгрузку, надо смотреть на разгрузку.

А не на паспорт.

Обычно это происходило после того, как они узнавали возраст.

Она жила не в деревне новичков Сила, а в небольшом поселении ближе к Хатуни, выросшем вокруг нескольких уцелевших домов, мастерской и склада. Формальной администрации там не существовало. Поэтому почти все вопросы почему-то постепенно стали приносить ей.

Поселение держалось на старой улице, которая спускалась к Лопасне.

Дома стояли далеко друг от друга. Где-то ещё сохранялись аккуратные участки, где-то заборы упали и трава уже забрала огороды обратно. В одном дворе ржавел детский турник. В другом под навесом хранили канистры и запасные колёса.

До Хатуни отсюда было достаточно близко, чтобы ездить за частью продуктов, но достаточно далеко, чтобы любой сломанный транспорт превращался в проблему.

Коноваленко знала почти каждый дом.

У кого маленький ребёнок.

У кого инсулин.

У кого печь дымит.

Кто способен ночью выйти на дежурство.

Кто согласится, но потом обязательно уснёт.

Кто врёт о запасах бензина.

Управление поселением не было должностью.

Это была память о мелочах.

Если распределяешь воду, нельзя помнить только количество канистр. Надо знать, кому далеко нести.

Если ставишь людей в ночное дежурство, важно не только число взрослых мужчин. Один после травмы плохо слышит. Второй боится темноты, но никому не признается. Третий отличный стрелок и отвратительно соблюдает инструкции.

Она собирала эти знания месяцами.

Поэтому, когда кто-то спрашивал, почему все её слушают, ответ «потому что я команду» был неправильным.

Люди слушали, потому что чаще всего после её решения становилось чуть меньше проблем.

В Кванте этого хватало для легитимности.

Коноваленко сначала спорила. Потом составила список дежурств. Через месяц уже никто не спрашивал, кто её назначил.

До этого всё было нормально.

Они спорили.

Матерились.

Иногда угрожали.

Иногда пытались хитрить.

А потом кто-нибудь случайно выяснял, сколько ей лет, и лицо у человека менялось.

Появлялась та самая интонация:

«Девочка, давай позовём взрослых».

После неё Коноваленко особенно хотелось взять что-нибудь тяжёлое.

Сегодня тяжёлым был только планшет.

После разговора о насосе Коноваленко догнал мужчину лет сорока пяти.

— Девушка.

Она остановилась.

Вот оно. Та самая интонация.

— Что?

— Не надо так нервничать.

— Я не нервничаю.

— Видно же.

— Тогда зачем спрашиваете?

Мужчина растерялся.

— Я хотел помочь. Мне сорок шесть, я инженер. Насосы двадцать лет ремонтировал.

Это изменило разговор.

Коноваленко развернула планшет.

— Тогда смотрите.

— Прямо сейчас?

— Вы же хотели помочь.

Через пять минут они спорили о диаметре трубы.

— Вот здесь вы неправильно посчитали потери, — сказал он.

— Почему?

— Участок выше метра на три.

— Откуда знаете?

— Я вчера ходил.

Коноваленко подняла глаза.

— Там проход закрыт.

— Какой проход?

Она показала на карте.

— Нет там забора.

— Есть. Я сама ставила дежурство.

Он засмеялся.

— Девушка...

Коноваленко медленно подняла голову.

Он вовремя остановился.

— Катерина.

— Уже лучше.

Они пошли проверять.

Забор был. Сетка, две стойки, старый замок. Трава выросла через нижние ячейки.

Мужчина остановился.

— Не было.

— Вчера?

— Вчера.

— Как прошли?

Он показал прямо через сетку.

— Тут.

— Сетка старая.

— Я вижу.

— Может, другое место?

— Нет.

Коноваленко не спорила.

— Имя?

— Андрей.

— Фамилия?

Он назвал.

— Во сколько проходили?

— Около четырёх.

— Один?

— С Филиным.

Она замерла.

— С кем?

— С Филиным. Он меня и провёл.

Коноваленко сделала запись.

— Идём назад.

— А насос?

— Потом.

— Почему?

— Потому что теперь у меня другой вопрос: кто из нас вчера ходил по дороге, которой сегодня нет.

Андрей попытался улыбнуться.

— Может, память.

— Может.

— Ты спокойно к этому относишься.

— Нет.

— Не видно.

— А зачем показывать?

Фраза прозвучала неожиданно взрослой даже для неё самой.

У склада она сказала:

— Насос всё равно посмотрите.

— После этого?

— Вода от странностей сама не появится.

— Разумно.

— Запишите где-нибудь. Вдруг потом забудете, что я разумная.

Он рассмеялся.

Вечером насос заработал. Коноваленко никому не сказала, что потом трижды ходила к сетке и каждый раз проверяла, старая ли на ней ржавчина.

— Ещё раз, — сказала она. — Кто разрешил вам поставить палатки на нашей дороге?

Перед ней стояли трое мужчин.

Двое торговцев из Хатуни и один неизвестный, который представился Стариком, хотя выглядел лет на сорок.

Позади них стоял грузовик.

Поперёк дороги.

На обочине уже развернули две палатки и стол с товаром.

— Девушка, — сказал первый торговец, — мы договори-

лись.

— С кем?

— С администрацией.

— Я администрация.

Он посмотрел на неё.

Пауза.

— В смысле?

— В прямом.

— А староста?

— Староста другой деревни.

— Нам сказали, здесь тоже он решает.

Коноваленко тяжело вздохнула.

— Кто сказал?

Мужчина посмотрел на Старика.

Старик пожал плечами.

— Сил.

Она достала рацию.

— Сил.

Шипение.

— Сил, ответь.

— Так это... слышу.

— Ты разрешил этим трём поставить рынок на дороге?

Пауза.

— Какой рынок?

Коноваленко закрыла глаза.

— Перед моим домом стоит грузовик.

— А-а.

— Что «а-а»?

— Я сказал, что они могут попробовать договориться.

— С кем?

— С тобой.

Она медленно опустила рацию.

Торговцы смотрели на неё.

— Вот, — сказал первый. — Значит, разрешил.

— Нет. Он разрешил вам спросить.

— Ну мы спрашиваем.

— Нет.

— Почему?

— Потому что грузовик перекрывает дорогу.

— Переставим.

— Палатки стоят на водоотводе.

— Передвинем.

— У вас генератор течёт бензином.

Мужчина обернулся.

Под генератором действительно темнело пятно.

— Исправим.

Коноваленко посмотрела на него.

— Вы очень быстро учитесь.

Старик улыбнулся.

— Значит, можно?

— После того как уберёте грузовик, подложите под генератор ёмкость, поставите огнетушитель и дадите список то-

вара.

— Зачем список?

— Потому что если вы начнёте торговать антибиотиками неизвестного происхождения, я вас выкину отсюда вместе с палатками.

— У нас нормальные антибиотики.

— Список.

— Хорошо.

— И никаких патронов.

— Почему?

— Потому что вчера Зелень пил.

Мужчины переглянулись.

— Кто такой Зелень?

Коноваленко улыбнулась впервые.

— Вот поэтому никаких патронов.

Через час рынок работал.

Площадь изменилась почти мгновенно.

Ещё утром между домами стояли две пустые лавки и грузовик.

Теперь появились раскладные столы, ящики, термосы, люди. Пахло кофе, дизелем, сырой тканью палаток и копчёной рыбой, которую кто-то привёз из Хатуни.

Для поселения такие дни были событием.

Не праздником.

Скорее окном наружу.

Люди приходили не только покупать.

Смотрели упаковки.

Спрашивали цены.

Пересказывали новости.

Узнавали, что подорожало снаружи, где появился бензин, кто закрыл дорогу, кто ещё ездит через район.

Коноваленко наблюдала за рынком со ступенек.

Ей нравилось, когда место начинало работать.

Не сам факт торговли.

Порядок.

Грузовик убран.

Огнетушитель стоит.

Мусор складывают в один мешок.

Лекарства прошли через Муху.

Проход не загромождён.

Маленькие правила создавали ощущение, что мир всё ещё можно удерживать не силой, а организацией.

Наверное, поэтому ей нравилось командовать.

Не люди.

Процессы.

Люди просто постоянно оказывались внутри процессов и всё усложняли.

Грузовик стоял в стороне.

Генератор перестал течь.

На столе лежали консервы, батарейки, сигареты, инструменты, дешёвые ножи, ремни, кофе, соль и несколько упаковок лекарств, которые Муха уже проверяла.

Коноваленко сидела на ступеньках и заполняла журнал.
Старик принёс ей кружку чая.

— Мир?

— Пока.

— Ты всегда такая?

— Какая?

— Командуешь.

— Когда надо.

— А когда не надо?

— Тогда тоже иногда.

Он засмеялся.

— Сколько тебе?

Она подняла глаза.

— А это обязательно?

— Интересно.

— Шестнадцать.

Слово прозвучало буднично.

Но Коноваленко сразу увидела, как оно изменило лицо
Старика.

Ей даже не требовалось ждать следующей реплики.

Вот этот момент.

Сначала человек разговаривает с тобой.

Потом внезапно начинает разговаривать с твоим возрас-
том.

Она почувствовала раздражение ещё до того, как он успел
что-то сказать.

Внутри одновременно появилась другая, более неприятная эмоция.

Усталость.

Иногда хотелось просто один раз назвать возраст и не защищать после него право на каждое уже принятое решение.

Не объяснять, что шестнадцать не делает её автоматически умной.

Но и двадцать пять не сделало бы.

Компетентность вообще не приходит праздничной коробкой в день совершеннолетия.

Она набирается из количества ситуаций, в которых человек отвечал за результат.

Коноваленко отвечала.

Иногда ошибалась.

Однажды неправильно распределила топливо и два дома почти сутки сидели без генератора.

Другой раз поверила человеку, который обещал привезти лекарства и исчез с деньгами.

Ошибки она помнила лучше удач.

Наверное, именно поэтому взрослые продолжали приносить вопросы ей.

Человек, который однажды облажался и изменил правило, часто полезнее человека, который много лет уверен, что всегда прав.

Старик перестал улыбаться.

Вот.

Началось.

— Чего? — спросила Коноваленко.

— Ничего.

— Говори.

— Я думал, двадцать пять.

— Плохо думаешь.

— Но ты же...

— Что?

— Здесь одна?

— Нет.

— Родители?

— Не здесь.

— Они знают?

— О чём?

— Что ты в Кванте?

Она посмотрела на него долго.

— Сейчас ты начнёшь говорить со мной медленно?

— Нет.

— Уже начал.

Он сел рядом.

— Ладно. Не моё дело.

— Правильно.

Через площадь прошёл Зелень.

На плече у него был пулемёт.

Старик проводил его взглядом.

— Это он?

— Да.

— Теперь понял про патроны.

Коноваленко вернулась к журналу.

День был спокойным до четырёх часов.

Потом появился мужчина в серой куртке.

Он пришёл со стороны дороги, уверенно прошёл между палатками и взял со стола пачку сигарет.

Торговец схватил его за руку.

— Деньги.

Мужчина удивился.

— Какие деньги?

— Обычные.

— Я уже платил.

— Когда?

— Утром.

— Я тебя утром не видел.

— Видел.

— Не видел.

Голоса стали громче.

Коноваленко поднялась.

— Что случилось?

— Он товар берёт.

Мужчина повернулся к ней.

— Катя, скажи ему.

Она замерла.

— Мы знакомы?

Теперь замер он.

— Ты серьёзно?

— Вполне.

— Коноваленко.

— Это фамилия. Дальше?

Он посмотрел на торговцев.

Потом снова на неё.

— Вчера же вместе сидели.

— Где?

— У старой насосной.

— Я вчера туда не ходила.

— Ходила.

— Нет.

Мужчина побледнел.

— Ты ещё сказала, что...

Он замолчал.

— Что?

— Ничего.

— Договаривай.

— Что тебе семнадцать.

Коноваленко не сразу ответила.

Старик, сидевший неподалёку, повернул голову.

— Сколько?

— Шестнадцать, — сказала она.

Мужчина отступил.

— Нет.

— Что «нет»?

— Тебе семнадцать.

— Спасибо, конечно.

— У тебя день рождения был месяц назад.

Она почувствовала неприятный холод под рёбрами.

Это ощущение было новым.

Не страх перед человеком.

Филин не выглядел опасным.

Он выглядел растерянным.

Именно это делало всё хуже.

Лжец обычно следит за реакцией.

Филин — нет.

Он говорил про её день рождения так, как говорят о вчерашнем дожде. Без нажима. Без желания убедить.

Коноваленко знала дату.

Не просто цифру в документах.

Помнила прошлый день рождения.

Помнила, как сидели в маленькой комнате, потому что на улице лил дождь.

Помнила торт, который получился слишком сладким.

Помнила сообщение от матери.

Помнила, что следующий день рождения ещё впереди.

Воспоминание было плотным.

С запахом.

С голосами.

С мелочами.

Поэтому чужая уверенность не могла его отменить.

Но смогла сделать то, чего Коноваленко не любила больше всего.

Создать вопрос там, где секунду назад вопроса не существовало.

Она почувствовала злость.

Не на Филина.

На необходимость теперь проверять собственную жизнь так же, как проверяют чужой отчёт.

День рождения был через два месяца.

Она это знала.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Филин.

Имя ничего не сказало.

— Где живёшь?

— В Прудно.

— Кто тебя знает?

— Да половина людей.

— Кто конкретно?

Он назвал Севера.

Кирпича.

Лилит.

Муху.

Коноваленко взяла рацию.

— Муха.

Ответила почти сразу.

— Да.

— Ты знаешь Филина?

— Какого?

Мужчина закрыл глаза.

— Понятно.

— Что происходит?

— Потом.

Коноваленко переключилась.

— Север.

— Слышу.

— Филин.

Пауза.

— Что Филин?

Мужчина резко поднял голову.

— Знаешь?

— Конечно.

Коноваленко посмотрела на него.

— Где он живёт?

— В Прудно.

— Возраст?

— Без понятия.

— Когда видел?

— Вчера у насосной.

Теперь холод стал сильнее.

— Я там была?

Север помолчал.

— Ты?

— Да.

— Нет вроде.

Филин провёл руками по лицу.

— Вы издеваетесь?

Коноваленко опустила рацию.

Она не любила неизвестность.

Ещё меньше она любила неизвестность, которая разговаривала с ней по имени.

— Сигареты положи, — сказала она.

Филин посмотрел на пачку в руке.

Положил.

— Идёшь со мной.

— Куда?

— К Сапсанову.

— Я не больной.

— Он тоже не врач.

— Тогда зачем?

— Потому что я хочу понять, почему ты помнишь мой день рождения лучше меня.

Сапсанов осмотрел Филина отдельно.

Не как пациента.

Как источник.

Коноваленко это слово не понравилось сразу.

Источник информации.

Свидетель.

Носитель воспоминания.

У учёных существовали точные термины, но каждый из них понемногу превращал человека в функцию.

Она сидела у стены, пока Филин отвечал на вопросы.

Когда видел её впервые.

Что она сказала.

Какая была одежда.

Кто ещё присутствовал.

Время.

Погода.

Филин не путался.

Это раздражало.

Если бы он ошибся в трёх деталях, всё стало бы проще.

Но он помнил даже синюю куртку и фразу про возраст.

Сапсанов не пытался ловить его на противоречиях.

Просто задавал одни и те же вопросы в другой последовательности.

Потом попросил нарисовать насосную.

Филин нарисовал.

Коноваленко узнала место.

— И что? — спросила она.

— Пока ничего, — сказал Сапсанов.

— Очень полезно.

— Это лучший ответ, который у нас есть.

Она злилась на него именно потому, что понимала: он прав.

Наука не обязана немедленно возвращать человеку уверенность.

Иногда она только аккуратно оформляет причину сомневаться.

Старик поднялся.

— Помощь нужна?

— Нет.

— Точно?

Она повернулась.

— Мне шестнадцать. Не восемь.

Мужчина напротив не сразу понял.

— Сколько?

— Шестнадцать.

— Ты сейчас серьёзно?

Коноваленко чуть наклонила голову.

— До этой фразы вас устраивало, как я организовала людей, маршрут и разгрузку?

— Ну... да.

— А теперь что изменилось?

— Возраст.

— Мой возраст не изменился. Изменилась только информация у вас в голове.

Он открыл рот.

Коноваленко добавила:

— Вот когда научитесь отличать одно от другого, тогда можете попробовать мной командовать.

Лилит, стоявшая в стороне, тихо сказала:

— Я бы на его месте уже извинилась.

— Я слышу, — сказал мужчина.

— В этом и цель.

Он поднял руки.

— Понял.

Через десять минут они шли по дороге к машине.

Филин молчал.

Коноваленко тоже.

У ворот он вдруг сказал:

— Ты вчера была в синей куртке.

Она посмотрела на себя.

На ней была синяя куртка.

— И?

— Эта же.

— И?

— Ты сказала, что тебе её подарили на семнадцать.

Коноваленко открыла дверь автомобиля.

— Садись.

— Ты мне веришь?

Она помолчала.

— Я верю, что ты не врёшь.

— Это не одно и то же.

— Именно.

На заднем сиденье лежал школьный рюкзак.

Коноваленко заметила его взгляд и разозлилась ещё силь-

нее.

Рюкзак был удобный.

Большой.

С хорошими лямками.

Она носила в нём документы, рацию, аптечку, зарядник и иногда продукты.

То, что когда-то с ним ходили в школу, не делало его хуже.

Но сейчас предмет внезапно превратился в доказательство возраста.

Она бросила сверху куртку почти машинально.

И тут же пожалела.

Потому что получалось, будто прячет.

От кого?

От мужчины, который минуту назад сообщил ей другую версию её собственного дня рождения?

Абсурд.

Коноваленко завела двигатель резче, чем требовалось.

На дороге к Хатуни долго молчала.

Лес за окнами шёл мокрыми полосами. Между стволами иногда открывалась река. На полях лежал низкий свет.

Обычно в машине ей нравилось думать.

Сегодня мысли возвращались к одной фразе.

«Тебе семнадцать».

Она повторила про себя:

Шестнадцать.

Не как заклинание.

Как факт.

Но впервые факт потребовал внутреннего подтверждения.

Это бесило.

Филин посмотрел на него.

Коноваленко быстро бросила сверху куртку.

— Что?

— Ничего.

— Вот и хорошо.

Она завела двигатель.

В зеркале заднего вида на секунду увидела собственное лицо.

Слишком молодое для всего, чем она занималась.

Она отвернулась.

До Хатуни ехали молча.

На въезде Филин вдруг спросил:

— А сегодня какое число?

Коноваленко ответила.

Он покачал головой.

— У меня другое.

— Какое?

Он назвал дату на один день позже.

Она ничего не сказала.

Коноваленко впервые командовала не потому, что захотела.

Просто однажды утром выяснилось, что никто другой не

собирается решать, кому идти за водой.

У колонки стояли шесть канистр и пять взрослых мужчин.

Все спорили.

— Я вчера ходил.

— А я машину чинил.

— У меня нога.

— У тебя нога только когда работать надо.

Коноваленко слушала минуту.

Потом сказала:

— Витя и Саня — вода. Паша — дрова. Ты, с ногой, сидишь здесь и чинишь две рации.

Мужчина с ногой спросил:

— А ты кто такая?

Она посмотрела.

— Человек, который за минуту решил то, что вы полчаса не можете.

— Мне шестнадцатилетняя девчонка указывать будет?

Коноваленко улыбнулась.

— Нет. Ты можешь не слушать.

— Вот.

— Тогда вечером воду не получишь.

Он открыл рот.

Закрыл.

Витя взял канистры.

— Пошли.

Так всё и началось.

Потом появились списки дежурств.

Кто чинит крышу.

Кто идёт в Хатунь.

Кто встречает машину.

Кто остаётся ночью у склада.

Коноваленко не называла это властью.

Она просто ненавидела хаос.

Лилит приехала к ней через неделю.

Посмотрела на лист с расписанием.

— Красиво.

— Это таблица.

— Вот и говорю.

— Ты зачем?

— В гости.

— Люди просто так не приезжают.

— Я приезжаю.

Коноваленко посмотрела.

— Это правда.

Лилит села на подоконник.

— Тебя слушают.

— Потому что иначе остаются без воды.

— Хорошая система управления.

— Очень смешно.

— А тебе нравится?

— Что?

— Командовать.

Коноваленко подумала.

— Нравится, когда сделано нормально.

— Это не ответ.

— Тогда да.

Лилит улыбнулась.

— Я знала.

— Только не начинай.

— Ты очень маленький диктатор.

— Я тебя сейчас выгоню.

— Видишь.

Они засмеялись.

Через месяц после появления расписаний к Коноваленко пришёл тот самый мужчина, который первым спрашивал, кто она такая.

— Катя.

— Что?

— У нас насос опять встал.

— И?

— Ты лучше распределяешь людей.

Она посмотрела.

— А я кто такая?

Он поморщился.

— Началось.

— Нет, скажи.

— Человек, который за минуту решает то, что мы полчаса спорим.

Коноваленко улыбнулась.

— Вот теперь иди за Витей. Он электрику понимает. Саню не бери — он полезет внутрь под напряжением. И отключите линию полностью.

— Понял.

Он уже уходил.

— Стой.

— Что?

— И если кто-нибудь скажет «девчонка командует», напомни, что взрослые мужики опять насос сломали.

Мужчина засмеялся.

— Обязательно.

Лилит, стоявшая за дверью, хлопнула в ладоши.

— Карьера.

— Уйди.

— Уже начальник.

— Я тебя сейчас назначу чистить туалет.

— Диктатура.

— Эффективная.

Коноваленко снова вернулась к таблице. Ей действительно нравилось, когда всё работало. Возможно, нравилось и то, что люди слушали. Она не считала нужным различать.

Коноваленко однажды пришлось разнимать драку двух взрослых мужчин из-за топлива. Она не полезла между ними. Просто отключила доступ к общему складу обоим.

Через десять минут драка закончилась сама.

— Верни канистры, — потребовал один.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы оба показали, что сейчас не умеете пользоваться ресурсом без ущерба остальным.

— Ты кто такая, чтобы решать?

Коноваленко посмотрела на остальных.

— Кто-нибудь хочет взять на себя склад?

Никто не ответил.

— Вот.

Второй мужчина сказал:

— Она права.

Первый повернулся:

— Ты минуту назад мне в морду бил.

— И что? Это не значит, что она не права.

Коноваленко вздохнула.

— Завтра получите по пять литров. Сегодня ходите пешком.

— Это наказание?

— Нет. Это последствие.

Лилит, услышав позже, сказала:

— Ты страшный человек.

— Почему?

— Потому что даже наказание называешь управленчески.

— Зато работает.

— И тебе шестнадцать.

Коноваленко посмотрела.

— Пока.

Обе замолчали.

Лилит первой сказала:

— Плохая шутка.

— Да.

Коноваленко пришлось впервые принимать решение, от которого зависел не склад, а человек. Один из местных подростков исчез вечером и вернулся через несколько часов с чужим пистолетом. Сказал, что нашёл.

Взрослые сразу разделились: отобрать и наказать, оставить для самообороны, передать военным.

Коноваленко спросила мальчишку:

— Где нашёл?

Он назвал старый дом.

— Один ходил?

— Да.

— Почему?

— Хотел посмотреть.

— Тебе сколько раз говорили не ходить?

Он молчал.

— Пистолет разряжал?

— Нет.

Она закрыла глаза.

— Хорошо. Оружие пока у меня. Завтра идём туда со взрослыми и проверяем место. Если хозяина нет — решим

потом.

Один мужчина сказал:

— Кто тебе дал право забирать?

Коноваленко посмотрела.

— Хочешь, он будет хранить заряженный пистолет под подушкой?

Мужчина замолчал.

На следующий день нашли тело владельца в соседнем помещении. Военные подтвердили личность.

Коноваленко вернула оружие семье погибшего через Гордеева.

Лилит позже спросила:

— Тяжело?

— Что?

— Решать за других.

Коноваленко долго молчала.

— Тяжелее, когда никто не решает.

Лилит не стала отвечать сразу.

Они шли по дороге между домами. Было уже темно, в окнах горел жёлтый свет. Где-то работал генератор. Ветер гнал по асфальту сухие листья.

Коноваленко чувствовала усталость во всём теле.

День состоял из слишком многих маленьких решений.

Кому дать машину.

Кто пойдёт проверять дом.

Куда убрать оружие.

Кого оставить с ребёнком.

Какие сведения передать военным.

Каждое отдельно простое.

Вместе они превращались в тяжесть, которую нельзя положить на стол.

Лилит сказала:

— Ты понимаешь, что можешь ошибиться?

Коноваленко посмотрела.

— Конечно.

— И всё равно решаешь.

— А что ещё?

— Можно ждать Сила. Гордеева. Учёных. Кого-нибудь старше.

Коноваленко усмехнулась.

— Пока дождёшься, насос не починится.

Лилит улыбнулась.

Потом серьёзно спросила:

— Тебе не страшно?

Коноваленко хотела автоматически ответить «нет».

Не ответила.

— Иногда.

Слово далось неожиданно легко.

— Когда?

— Когда все согласны.

— Почему?

— Если спорят, я вижу слабые места. А когда все сразу

говорят «да, правильно» — начинаю думать, что они просто переложили решение на меня.

Лилит кивнула.

— Это очень взрослый страх.

Коноваленко скривилась.

— Только не начинай.

— Я не про возраст.

— Все так говорят.

Они рассмеялись.

Но ночью Коноваленко всё равно проверила дату ещё раз.

Не потому, что Филин победил.

Потому что ответственному человеку приходится проверять даже то, в чём он уверен.

Это была причина, почему люди продолжали её слушать.

Но по дороге она всё равно дважды проверила дату на телефоне и один раз — на старых наручных часах.

Перед сном Коноваленко долго не могла найти удобное положение.

Не из-за Филина.

Так она говорила себе.

Просто день был длинный.

Телефон лежал на табурете возле кровати. Экран погас, но она знала, где открыть фотографию с расписанием, где сообщения, где дата рождения в профиле.

Документы подтверждали её.

Память подтверждала её.

Лилит подтверждала.

Что ещё нужно?

Ничего.

И всё же мозг продолжал возвращаться к Филину.

Не к словам.

К выражению лица, когда она спросила: «Мы знакомы?»

Он был не удивлён.

Ему стало больно.

Так не реагирует человек, который просто перепутал лицо на рынке.

Или реагирует?

Коноваленко разозлилась на себя.

Началось.

Теперь она анализирует чужую мимику в темноте.

Она перевернулась на другой бок.

За стеной кто-то прошёл по коридору. Снаружи коротко залаяла собака. Ветер задел жестяной лист на крыше.

Обычные звуки вернули комнату в правильный размер.

Коноваленко подумала о завтрашнем насосе.

О списке топлива.

О дежурстве.

Это были реальные проблемы, которые существовали независимо от того, сколько лет ей помнит незнакомый человек.

Она ухватилась за них с облегчением.

Утром всё равно первым делом снова проверит дату.

Но потом займётся водой.

Вода хотя бы не спрашивает паспорт.

Белая линия

Капитан Назарова не доверяла картам.

Она доверяла процедурам.

Процедура, в отличие от человека, не обижается, если её перепроверяют.

Не говорит «я точно помню».

Не устает от вопросов.

Не повышает голос, когда обнаруживается несоответствие.

Но и процедура работает только пока люди выполняют её одинаково.

За годы службы Назарова видела достаточно ошибок, чтобы перестать относиться к документу как к истине только потому, что он напечатан на правильном бланке.

Координаты перепутывают.

Слои карт отключают.

Файл сохраняют поверх старого.

Офицер переносит цифру из предыдущей строки.

Солдат записывает время спустя два часа и искренне считает, что помнит точно.

Большинство «мистики» в любой большой системе объясняется усталостью, спешкой и чужой уверенностью.

Назарова любила такие объяснения.

Они означали, что мир ещё подчиняется ремонту.

Проблема Кванта заключалась в том, что после устранения человеческой ошибки иногда оставалось что-то ещё.

Не потому, что они врали.

Люди врали гораздо чаще.

Карты просто фиксировали чужую уверенность.

В штабе внешнего контура висело шесть карт одной и той же территории.

Комната была длинная, плохо отапливаемая и слишком ярко освещённая.

Люминесцентные лампы делали лица серыми. На подоконнике стояли кружки, принтер постоянно жевал бумагу, возле двери сушились две промокшие куртки.

Карты занимали почти всю стену.

На одной территория выглядела сельской местностью.

Дороги.

Леса.

Река.

Посёлки.

На другой поверх того же пространства лежали военные сектора, маршруты патрулей и зоны связи.

На третьей — инженерные сети.

У каждой была собственная версия порядка.

Назарова часто стояла перед ними после смены.

Не потому, что любила карты.

Потому что сравнение заставляло помнить: любой носитель показывает только то, для чего его создавали.

Карта дорог не обязана знать кабель.

Инженерная схема — старую лесную тропу.

Оперативная — реальное состояние каждого забора.

Ошибка начинается, когда человек берёт один вид описания и объявляет его самой местностью.

Белая линия появилась именно на такой карте, которой почему-то хотелось верить больше остальных.

Потому что она была самой новой.

Топографическая.

Спутниковая.

Инженерная.

Военная оперативная.

Карта дорог.

И отдельная схема Кванта, которую обновляли почти ежедневно.

Назарова стояла перед последней и смотрела на белую линию.

Орлов спросил:

— А зачем вообще белая?

Назарова не отрывалась от карты.

— Что?

— Линия. Почему система рисует её белой?

— Цвет слоя.

— Кто настроил?

— Не знаю.

— Значит, программисты.

— Не обвиняй людей без доказательств.

— Это не обвинение.

— Для программистов — да.

Орлов сел рядом.

— Я проверил архив. Вчерашняя версия есть. Белой линии нет.

— Контрольная сумма?

— Совпадает с тем, что сервер считает вчерашней версией.

— Резервная копия?

— В резервной линия есть.

Назарова подняла глаза.

— В какое время?

— 03:00.

— Локальный файл?

— 02:47.

— Тогда линия могла появиться между.

— Могла. Только лог изменений пуст.

— Можно очистить.

— Можно.

— Автоматическое обновление?

— Можно.

— Ошибка синхронизации?

— Можно.

Орлов улыбнулся.

— Вы как Сапсанов.

— Это оскорбление?

— Пока нет.

Назарова откинулась на спинку.

— Хорошо. Что хочешь услышать?

— Что это странно.

— Это странно.

— Спасибо.

— И ничего не доказывает.

— Вот теперь точно Сапсанов.

Она взяла карандаш и провела рядом с белой линией тонкую красную отметку на бумажной карте.

— Что делаете?

— Создаю независимый носитель.

— А если завтра отметка исчезнет?

— Проверим карандаш.

— А если останется, а местность изменится?

— Проверим местность.

— А если мы забудем?

Назарова остановилась.

— Поэтому пишем, что ожидаем увидеть.

На полях она записала: «На 18:20 линия присутствует только на актуальной схеме и резервной копии. Физического подтверждения нет. На бумажной карте контрольная красная линия нанесена вручную».

После подписи Назарова несколько секунд держала карандаш в руке.

Запись выглядела избыточной.

Любой нормальный офицер, увидев её через месяц, спросит, зачем капитан фиксировала очевидное.

Красная линия нарисована вручную.

Белая есть в файле.

В поле не проверяли.

Что здесь особенного?

Именно отсутствие особенного её и беспокоило.

Если завтра всё совпадёт, страница будет смешной.

Если не совпадёт — она станет единственным свидетельством того, что вчера существовало другое состояние данных.

Назарова не любила мыслить такими категориями.

Слишком близко к суеверию.

Но хорошая документация часто выглядит паранойей до того момента, когда что-то ломается.

Она закрыла папку.

— Делаем фото стены, — сказала Орлову.

— Зачем?

— Чтобы зафиксировать расположение карт.

— Мы теперь и гвозди учитываем?

— Если завтра карта окажется на другом месте, я хочу сначала проверить, кто её переставил.

Орлов усмехнулся.

— Вы очень оптимистично не верите в мистику.

— Я профессионально не верю в мистику.

— Разница?

— За профессиональное неверие платят зарплату.

Он сфотографировал стену.

— Распишись.

Орлов расписался.

— Это уже паранойя.

— Нет.

— А что?

— Процедура.

— Чем отличается?

— Паранойя заранее знает ответ.

На следующий день красная линия на бумаге осталась. Белая на экране исчезла.

Назарова просто записала: «Расхождение не воспроизведено. Контрольная отметка сохранена».

— И всё? — спросил Орлов.

— Всё.

— Вас не бесит?

— Бесит.

— Не видно.

— Это не критерий.

Через час патруль сообщил о бетонном блоке на дороге, которого вчера не было.

— Фото вчера есть?

— Нет.

— Тогда блок пока просто блок.

Орлов посмотрел.

— Жестоко.

— Зато честно.

Но вечером она всё равно поехала смотреть лично.

Она появилась вчера.

Тонкая полоса от леса севернее Кубасово к старой дороге, затем через поле и почти до Лопасни.

Никто её не рисовал.

По крайней мере, никто не признавался.

— Ещё раз, — сказала Назарова. — Кто обновлял слой?

Лейтенант Орлов открыл журнал доступа.

— Автоматическая синхронизация в 03:12.

— Источник?

— Сервер топографии.

— Кто загрузил исходник?

— Нет загрузки.

— Значит, линия родилась сама?

Орлов промолчал.

Назарова не любила сарказм в работе, но иногда он помогал людям понять масштаб проблемы.

Она приблизила карту.

Белая линия была идеально ровной только на первом участке. Потом изгибалась, словно повторяла старую границу участка.

Они наложили слой на старую кадастровую схему.

Совпадение оказалось неполным.

Белая линия шла рядом со старыми границами, иногда отклонялась на несколько метров, потом снова возвращалась.

Орлов увеличивал изображение.

Назарова следила не за линией.

За тем, как легко человеческий мозг начинает искать рисунок.

Если показать человеку облако и спросить, на что оно похоже, форма найдётся обязательно.

С картами то же самое.

Старая межа.

Ручей.

Линия электропередачи.

Граница лесничества.

Всегда можно найти объект, который «почти совпадает».

— Не подгоняй, — сказала она.

— Я не подгоняю.

— Ты уже ищешь объяснение.

— А что надо делать?

— Сначала измерить отклонение.

Орлов вздохнул.

Поставил точки через каждые двести метров.

Посчитал расстояние до ближайшей известной границы.

Через двадцать минут стало видно: совпадение хуже, чем казалось глазами.

— Ну вот, — сказала Назарова.

— Жалко.

— Почему?

— Красивая была теория.

— Именно поэтому жалко меньше.

Красивые теории опасны тем, что человек начинает защищать их раньше, чем данные.

— На других картах?

Орлов открыл спутниковую.

Линии нет.

Оперативную.

Нет.

Инженерную.

Есть.

Назарова повернулась.

— Когда появилась?

— Не знаю.

— Отличный ответ.

— Вчера вечером не было.

— Уверен?

Лейтенант замялся.

Вот это ей не понравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.